MXII

1.50.
N 679
4° Epiod. 252 w/4
2091
99
B 21 2/2
Jyd. A3 11/17
I/69.

4° Epist. 252 W (1

<36636634260011

<36636634260011

Bayer. Staatsbibliothek

A 42/65

12

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

и

ПЕРЕПИСКА

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

КАРАМЗИНА.

1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр. 8 лин., № 25.

1862.

Б. п. 5176

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Марта 5 дня 1862 года.

Цензоръ *Лебедевъ*.

Bay
Staat
Munich

ПРЕДИСЛОВІЕ.

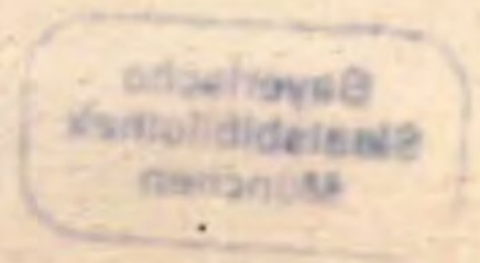
Издавая въ свѣтъ оставшіяся послѣ Николая Михайловича Карамзина бумаги и дошедшую до насъ переписку его, можемъ ожидать вопроса: почему они издаются такъ поздно? Отвѣчаемъ: нѣкоторыя бумаги и не могли быть изданы ранѣе по обстоятельствамъ времени, какъ читатели усмотрятъ изъ содержанія ихъ; письма же его находились въ рукахъ наслѣдниковъ тѣхъ лицъ, съ кѣмъ онъ велъ переписку, тогда какъ самъ онъ не имѣлъ обыкновенія сберегать написанныя имъ вчернѣ (кромѣ лишь особыхъ случаевъ): такимъ образомъ почти всѣ напечатанныя здѣсь письма къ Императору Александру I и къ Императрицамъ никогда бы не увидѣли свѣта, еслибы не сохранились въ кабинетахъ сихъ Вѣнценосныхъ Особъ. Прочихъ разнаго рода собственноручныхъ бумагъ Николай Михайловичь оставилъ послѣ себя очень мало. Вообще онъ не любилъ ничего недоконченнаго, и если читатели замѣтятъ что-либо подобное въ нашемъ изданіи, то пусть извинятъ намѣреніе наше сохранить что только можно было для уважающихъ память знаменитаго

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Писателя, которымъ бываетъ дорого все набросанное имъ на бумагу въ предположеніи потомъ развить и обработать.

Въ *первой* части нашего изданія мы прежде всего помѣстили бумаги, хранившіяся подъ общею собственноручною его надписью: *для моихъ сыновей, когда они выростутъ*. Далѣе вошла сюда переписка съ Императоромъ Александромъ I, съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, съ Великою Княгинею Екатериною Павловною, нѣчто изъ переписки съ Императоромъ Николаемъ I и съ Графомъ Каподистрія, и всѣ письма Николая Михайловича къ супругѣ въ 1816 году изъ здѣшней столицы, когда онъ привезъ сюда свою Исторію для поднесенія Государю.—Сверхъ того мы напечатали неизданныя произведенія литтературнаго содержанія: Мысли въ саду Павловскомъ, два небольшія стихотворенія, наставленіе сыну, разные отрывки и замѣчанія, и избранныя выписки изъ уцѣлѣвшей, съ 1797 года, записной книжки Автора, которая послѣ пригодилась ему для вписыванія первоначальныхъ мыслей и соображеній во время историческаго труда, окончившаго его литтературное поприще. — Все это заключено бумагами, сочиненными для разныхъ лицъ по дѣламъ частнымъ.

Изъ предполагаемаго же содержанія *второй* части можемъ теперь упомянуть въ особенности о письмахъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ письмами къ ней Исторіографа, какія только удалось намъ отыскать, и о полной коллекціи писемъ его къ Ивану Ивановичу Дмитріеву, содержащей въ себѣ сороколѣтнюю задушевную бесѣду съ современнымъ ему Поэтомъ и другомъ его юности.



Мы старались сохранить правописаніе Карамзина, какое нашли у него, съ тѣми, впрочемъ немногими, измѣненіями, которымъ оно подвергалось въ продолженіе столь долгаго времени. Но считая необходимымъ наблюдать это въ отношеніи къ нему—Писателю имѣвшему рѣшительное вліяніе на успѣхи нашего книжнаго языка и Словесности, мы не принимали на себя такой же обязанности въ отношеніи къ прочимъ лицамъ, которые были съ нимъ въ перепискѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БУМАГИ ДЛЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ, КОГДА ОНИ ВЫРОСТУТЪ.

Стр.

I. Мнѣніе Русскаго гражданина. (1819). . . . . 3.
Для потомства. . . . . 9.
Новое прибавленіе. (1825). . . . . 11.
II. О Манифестѣ 12 Декабря 1825 года. . . . . 13.
Для свѣдѣнія моихъ сыновей и потомства. . . . . 17.

ПИСЬМА.

I. Переписка съ Императоромъ Александромъ I. (1822—25). . . 23.
II. Переписка съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною (1818—26). 37.
III. Переписка съ Великою Княгинею Екатериною Павловною (1810—18). 85.
IV. Письма Императора Николая I и отвѣтъ Карамзина (1826). . . 125.
V. Письмо къ Графу Каподистрія и письмо его къ Е. А. Карамзиной (1825—27). . . . . 131.
VI. Письма Карамзина къ супругѣ (1816 г.). . . . . 139.

МЫСЛИ, СТИХИ И ВЫПИСКИ ЛИТТЕРАТУРНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I. Мысли въ саду Павловскомъ. (1816) . . . . . 185.
II. Луизѣ въ день Ея рожденія 13 Генваря, при врученіи Ей подарка. (1821). . . . . 187.
III. Стихи съ поднесеніемъ выписокъ. . . . . 188.

Стр.

IV. Моему сыну Андрею въ день его рожденія. (1824) . . . . 189.
V. Мысли для Исторіи отечественной войны. . . . . 192.
VI. Мысли объ истинной свободѣ. . . . . 194.
VII. Разныя мысли. . . . . 196.
VIII. Выписки изъ записной книжки 1797 года. . . . . 198.
Изъ приписокъ 1800 годовъ. . . . . 205.
Замѣтки при чтеніи Библіи и другихъ книгъ Церковно-Славянскихъ. . . . . 213.

БУМАГИ, СОЧИНЕННЫЯ ПО ЧАСТНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

I. Записка о Новиковѣ. (1818). . . . . 223.
II. Прошенія Государю.
1. Прошеніе отца о помилованіи сына. (1819). . . . . 227.
2. Прошеніе матери осужденнаго на каторжную работу офицера. (1822). . . . . 228.
3. Прошеніе Дворянки, приговоренной къ каторжной работѣ по откупному дѣлу. . . . . 230.
III. Краткая записка дѣлу о земляхъ, состоящихъ Оренбургской Губерніи въ Бузулуцкомъ уѣздѣ и находящихся во владѣніи Капитана Андрея Жданова и родственниковъ его. . . . . 236.

БУМАГИ

ДЛЯ МОИХЪ СЫНОВЕЙ,

КОГДА ОНИ ВЫРОСТУТЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

I.

МНѢНІЕ РУССКАГО ГРАЖДАНИНА.

Государь! въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу, послѣ нашего разговора, излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу *въ ея цѣлости*, дѣйствуя какъ Христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра; выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ — но ихъ *не отмѣняетъ*. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа-Спасителя: такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ; все осталось, какъ было на землѣ, и какъ иначе быть не можетъ: только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ

связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ Отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени. Мы сблизились съ Небомъ въ *чувствахъ*, но *дѣйствуемъ* на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали. *Нѣсмь отъ міра сего,* сказалъ Христосъ: а граждане и Государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить враговъ: любовь есть *чувство*; но Онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять Государства. Вы Христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эллады; Вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ Религіи, но также данъ Богомъ: законъ естественной обороны, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ Христіанинъ любите своихъ личныхъ враговъ; но Богъ далъ Вамъ Царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. *Какъ человѣкъ по чувствамъ* души, озаренной свѣтомъ Христіанства, Вы можете быть выше Марка Аврелія, но *какъ Царь* Вы то же, что онъ. Евангеліе молчитъ о Политикѣ; не даетъ новой: или мы, захотѣвъ быть Христіанами-Политиками, впадемъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я какъ Христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли его мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ Аврелій, такъ можетъ и Христіанинъ Александръ благотворить врагамъ государственнымъ, уже *побѣжденнымъ*, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ такомъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для Отечества. Любите людей,

но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра: но Александръ *взялъ* ихъ Русскою силою, а Россіянъ *далъ* Ему Богъ, и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу *Освободителя Европы*.

Вы думаете возстановить *древнее* Королевство Польское; но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *Священнаго Союза*, объявить ей войну, противную не только Христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы Сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлорусію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ Державъ? Сіи земли уже были *Россіею*, когда Митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали *Великою*. Скажутъ ли, что Она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить Ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ По-

литикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новогородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлорусія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди, ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо разсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда Историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго Отечества, доброй, сильной Россіи. Сей Историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, если бы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душею и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго про-

извола; ослабѣли бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ; унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ; Вы и тогда имѣли бы Министровъ, Генераловъ: но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы.... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ, и хотите дать намъ свободу!

Однимъ словомъ... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину... однимъ словомъ, возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровію землю Польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!

Нѣтъ, Государь, никогда Поляки не будутъ намъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше царствованіе, но Вы, Государь, смотрите далѣе своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской. Чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Онѣ, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало не вѣроятной (ибо кому теперь возстать на Россію?) могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ: право всегда имѣетъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ ее. Поляки, закономъ ут-

вержденные въ достоинствѣ особеннаго, державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую Державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою Политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи: первый безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя *Великаго*: пріобрѣтите имя *Отца* нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство Польское, *какъ оно есть* нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, *какъ она есть*, и какъ оставлена Вамъ Екатериною!.. Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше Отечество: Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ... умолкаю.

Царское Село,
Окт. 17, 1819.

ДЛЯ ПОТОМСТВА.

NB. Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у Него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у Него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душею разстались, кажется, на вѣки... Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли Отечество? вѣрилъ ли добродѣтели? вѣрилъ ли Богу?.. Я не зналъ нужды по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя мночисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ Государемъ, но между прочимъ вотъ что я сказалъ Ему по-Французски: Sire, Vous avez beaucoup d'amour-propre.... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l'aurais dit à Votre Père... Sire, je méprise les *liberalistes* du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; Je Vous parle, peut-être, pour la dernière fois. Но вообще я мало говорилъ и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла...

...Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной жены моей, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство. С.-Петербургъ, Дек. 29, 1819. Н. Карамзинъ.

NB. Сказалъ еще одному человѣку: Императрицѣ Елисаветѣ. 24 февр. 1821.

НОВОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Я ошибся: благоволеніе Александра ко мнѣ не измѣнилось, и въ теченіе шести лѣтъ (отъ 1819 до 1825 года) мы имѣли съ Нимъ нѣсколько подобныхъ бесѣдъ о разныхъ важныхъ предметахъ. Я всегда былъ чистосердеченъ, Онъ всегда терпѣливъ, кротокъ, любезенъ неизъяснимо; не требовалъ моихъ совѣтовъ, однакожь слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частію, и не слѣдовалъ, такъ, что нынѣ, вмѣстѣ съ Россіею оплакивая кончину Его, не могу утѣшать себя мыслію о десятилѣтней милости и довѣренности ко мнѣ столь знаменитаго Вѣнценосца: ибо эти милость и довѣренность остались безплодны для любезнаго Отечества. Правда, Россія удержала свои Польскія области; но болѣе счастливыя обстоятельства, нежели мои слезныя убѣжденія спасли Александра отъ дѣла равно бѣдственнаго и несправедливаго: по крайней мѣрѣ такъ сказалъ Онъ мнѣ въ Ноябрѣ 1824 года. Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о нелѣпой Г..... системѣ Финансовъ, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ, о странномъ выборѣ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сановниковъ, о Министерствѣ Просвѣще-

нія или затмѣнія, о необходимости уменьшить войско, воюющее только Россію, — о мнимомъ исправленіи дорогъ, столь тягостномъ для народа,—наконецъ о необходимости имѣть твердые законы, гражданскіе и государственные. Въ послѣдней моей бесѣдѣ съ Нимъ, 28 Августа, отъ 8 до 11½ часовъ вечера, я сказалъ Ему какъ пророкъ: Sire, Vos années sont comptées, Vous n'avez plus rien à remettre, et Vous avez encore tant de choses à faire pour que la fin de Votre règne soit digne de son beau commencement. Движеніемъ головы и милою улыбкою Онъ изъявилъ согласіе; прибавилъ и словами, что непремѣнно все сдѣлаетъ: дастъ коренные законы Россіи. Если не я, то другіе увидятъ скоро, для чего Богъ незапно отнялъ Александра у Россіи! Мнѣ хочется болѣе плакать, нежели писать объ Немъ. Я любилъ Его искренно и нѣжно, иногда негодовалъ, досадовалъ на Монарха и все любилъ человѣка, красу человѣчества своимъ великодушіемъ, милосердіемъ, незлобіемъ рѣдкимъ. Не боюсь встрѣтиться съ Нимъ на томъ свѣтѣ, о которомъ мы такъ часто говорили, оба не ужасаясь смерти, оба вѣря Богу и добродѣтели.

С. Петербургъ,
18 Дек. 1825.

II.

О МАНИФЕСТѢ

12 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Копія съ оригинала, писаннаго рукою Императора Николая Павловича (*).

«Когда получено было 27-го числа минувшаго Ноября горестное извѣстіе о кончинѣ блаженной и вѣчной славы достойной памяти Госуд. Имп. Александра 1го, первое стремленіе сердца моего было принесть присягу въ вѣрности старшему брату моему, Госуд. Цесаревичу и В. К. Конст. Павл., какъ законному по первородству Наслѣднику Престола Государства Рос., буде другаго покойнымъ Императоромъ не назначено, и объявлено не было. Испол-

---

(*) Эта копія, тогда же списанная для себя Н. М. Карамзинымъ, помѣщается здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ была найдена въ его бумагахъ.

нивъ *первый* такимъ образомъ священный долгъ вѣрноподданнаго, извѣстился я отъ Государствен. Совѣта, что находится въ архивѣ онаго пакетъ, на имя Предсѣдателя отъ покойнаго Императора присланный, съ собственноручною надъ онымъ надписью: *хранить до собственнаго Е. И. В., (покойн. Импер.) востребованія, или въ случаѣ кончины Его И. В., прежде всякаго дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи Совѣта вскрыть*, и что сіе послѣднее повелѣніе Государствен. Совѣтомъ исполнено, и найдено, что пакетъ сей включалъ: 1) Письмо Гос. Цесарев. и В. К. К. П. къ покойному Императору, въ коемъ торжественно проситъ Его И. Величества согласія на свободное уступленіе въ пользу мою и потомства моего права наслѣдія Престола Всероссійскаго, Его Высочеству Цесаревичу принадлежащаго по праву первородства; 2) и въ послѣдствіе сего Манифестъ покойнаго же Императора Александра Iго отъ 16 Авг. 1823 года, по желанію Его Высочества Цесаревича, торжественно меня назначающій Наслѣдникомъ Всероссійскаго Престола и проч.

«По объявленіи мнѣ о томъ я остался однакожь вѣренъ присягѣ старшему моему брату, непоколебимъ въ рѣшеніи своемъ и настоялъ, чтобъ все Государство послѣдовало примѣру моему, *не въ ослушаніе священной для вѣрноподданныхъ волѣ покойнаго Государя*, общаго нашего отца и благодѣтеля, но дабы нелицемѣрнымъ исполненіемъ долга своего предъ законнымъ Наслѣдникомъ Престола, по Манифесту блаженной памяти Родителя нашего Имп. Павла Iго, утвержденному 15 Сент. 1801 года, и потому по коренному закону наслѣдія Всероссійскаго Престола, *утвердить навсегда законный порядокъ наслѣдія:* что лично Государы-

нею Императрицею, любезнѣйшею Родительницею нашею, удостоено благословенія.

«Но Его Имп. Высочество Цесаревичь и В. К. К. П., свято сохранившій слово свое,.. торжественно имъ данное и утвержденное покойнымъ Императоромъ Александромъ въ 16 день Августа 1823 года, тотчасъ по полученіи имъ 25 Ноября горестнаго извѣстія о кончинѣ покойнаго Государя Императора, тогда же въ письмѣ привезенномъ любезнѣйшимъ братомъ нашимъ В. К-мъ Мих. П-мъ къ любезнѣйшей Родительницѣ нашей Г-нѣ И-цѣ М. Ѳ., со включеніемъ копіи съ грамоты Е. И. Величества А-ра I къ Его Высоч. Цесаревичу въ отвѣтъ на Его письмо, подтвердилъ вторично торжественное отреченіе, въ нашу и потомства нашего пользу, отъ наслѣдія Престола Всероссійскаго и проч., а въ грамотѣ на наше имя признаетъ насъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссійскимъ и проч., и себѣ предоставляетъ *прежній титулъ Цесаревича* и *называетъ себя намъ вѣрноподданнѣйшимъ*.

«Но и тогда остановились мы объявить о сей непоколебимой волѣ Е. И. Высочества, доколѣ не получимъ отвѣта на принесенную присягу нами и всѣмъ Государствомъ.

«Нынѣ дошла до насъ и на сіе торжественная неколебимая воля Е. И. Высоч. Цесаревича, которой повинуясь съ покорностію *и объявляя о томъ всенародно*, прилагаемъ при семъ: 1) Грамоту Е. И. Выс. Цесаревича къ Е. И. Величеству, покойному Им. Александру I; 2) отвѣтъ на оную Е. И. Величества и 3) Манифестъ Его же Им. Величества, Наслѣдникомъ насъ назначающій, а равно письмо Е. И. Высочества Цесаревича къ любезнѣйшей Роди-

тельницѣ нашей, Г-ѣ И-ѣ М. Ѳ., и грамоту на наше имя, которою Мы отъ Его Высоч. Цесаревича, удостоены были, и наконецъ объявляемъ: что мы по законному нашему нынѣ праву на наслѣдіе, по волѣ Божіей, любезнѣйшаго брата нашего Цесаревича, В. К. К. П. и по силѣ Манифеста блаженной памяти Госуд. Имп. Александра I вступили на Престолъ Всероссійскій 19 Ноября 1825 года, и повелѣваемъ въ подданствѣ намъ и законному, по праву наслѣдія, Наслѣднику нашему Е. И. Высочеству, Государю В-му К-ю Александру Николаевичу, любезнѣйшему нашему сыну, учинить присягу.

«Да будетъ царствованіе наше царствованіемъ законовъ и правосудія; да наставитъ насъ Всемогущій Творецъ слѣдовать по священнымъ стопамъ Предмѣстника Нашего, вѣчной славы и благодарности достойнаго Госуд. Имп. Александра I, и да дастъ намъ силы сносить бремя правленія съ твердостію и упованіемъ на Его благодать. Клянемся сохранить всѣ коренные законы Государства нашего и ненарушимость границъ Государства, и да будетъ залогомъ благихъ намѣреній нашихъ нынѣ оказанное нами почтеніе къ первому отечественному коренному закону, обезпечивающему и на будущія времена ненарушимость законнаго наслѣдія Престола Государства Рос-го: въ чемъ да поможетъ намъ Всемогущій и Всемилосердый Богъ!»

ДЛЯ СВѢДѢНІЯ

МОИХЪ СЫНОВЕЙ И ПОТОМСТВА.

Безъ моего исканія удостоенный довѣренности, я предлагалъ нынѣшнему Императору, Николаю Павловичу, начать Манифестъ о восшествіи Его на Престолъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердецъ *нашихъ*» (то есть, всѣхъ Русскихъ) «пораженныхъ столь незапною кончиною «Государя Императора Александра Павловича, «можемъ только, какъ Христіане, смиряться духомъ «предъ Всевышнимъ, и молить Его, да пославъ намъ «скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сносить ее «безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и бла«годарности къ памяти усопшаго Великаго Монар«ха, Коего царствованіе, ознаменованное дѣлами без«примѣрной славы для Отечества, во вѣки вѣковъ бу«детъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: «царствованіе спасителя Россіи, избавителя Европы, «благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, «друга правды и человѣчества.

«Въ самый первый часъ скорби и рыданій, про«изведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Алек«сандра I-го, Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія

«долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣр-«ности законному Наслѣднику Престола, согласно съ «уставомъ блаженныя памяти Родителя Нашего, Го-«сударя Императора Павла Петровича: старѣй-«шему Брату Нашему, Государю Цесаревичу, Вели-«кому Князю Константину Павловичу», и проч. и проч.

Государь Николай Павловичь сказалъ, что Ему неприлично хвалить брата въ Манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

«Въ сокрушеніи *сердца*, смиряясь предъ неисповѣ-«димыми судьбами Всевышняго, среди всеобщей го-«рести, Насъ, Императорскій Нашъ Домъ и любез-«ное Отечество Наше объявшей, въ единомъ Богѣ мы «ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Бозѣ «почившаго Государя Императора Александра «Павловича, любезнѣйшаго Брата Нашего, Мы лиши-«лисъ отца и Государя, двадесять пять лѣтъ Рос-«сіи и Намъ благотворившаго.

«Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27 «день Ноября мѣсяца до Насъ достигло, (*) *въ самый «первый часъ скорби и рыданій, Мы, укрѣпляясь ду-«хомъ для исполненія долга священнаго,* и слѣдуя дви-«женію сердца, принесли присягу вѣрности старѣй-«шему Брату Нашему, Госуд. Цесаревичу и Вел. «Князю Константину Павловичу, яко законному «по праву первородства Наслѣднику Престола Всерос-«сійскаго» — и проч.

Заключеніе предлагалъ я такое (послѣ словъ: *присягу въ вѣрности учинить Намъ и Наслѣднику Нашему* и проч.):

(*) Мои слова.

«И Мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицемъ «Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить «единственно для любезнаго Отечества: слѣдовать при«мѣру оплакиваемаго Нами Вѣнценосца! Да будетъ На«ше царствованіе только продолженіемъ Алексан«дрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже пріо«брѣтеннымъ могуществомъ, внѣшнею безопасностію, «внутреннимъ устройствомъ, чистою Вѣрою нашихъ «предковъ, государственною и воинскою доблестію, «истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочностію нра«вовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, «мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ «сердецъ невинныхъ! Да будетъ Престолъ Нашъ «твердъ Закономъ и вѣрностію народною! Да соединит«ся неразрывно, подъ Нашею державою, правосудіе «неослабное съ милосердіемъ человѣколюбія! Да ис«полнится все, чего желалъ, но еще не успѣлъ совер«шить для Отечества Александръ безсмертный: Тотъ, «Коего священная память должна питать въ Насъ и «ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и «любовь народа Россійскаго».

Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, видъ самохвальства, излишнія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

«Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣр«ныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы «ихъ ко Всевышнему, да ниспошлетъ Намъ силы къ «понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на «Насъ возложеннаго; да укрѣпитъ благія намѣренія «Наши (*) *жить единственно для Отечества, слѣдовать*

(*) Мои слова въ *отрывкѣ*.

«*примѣру оплакиваемаго Нами* Государя. *Да будетъ* «*царствованіе Наше* токмо» (у меня: *только*) «*продол-* «*женіемъ* царствованія Его, *и да исполнится все,* «*чего* для блага Россіи *желалъ Тотъ, Коего священная* «*память* будетъ *питать въ Насъ и ревность и надежду* «*стяжать благословеніе Божіе* и *любовь* народовъ На-шихъ» (вмѣсто: *любовь народа* Россійскаго).

Одинъ Богъ знаетъ, каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю, въ хорошемъ смыслѣ.

Сыновьямъ моимъ благословеніе, потомству привѣтствіе изъ гроба!

С. Петербургъ,
16 Дек. 1825.

ПИСЬМА.

I.

ПЕРЕПИСКА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ

АЛЕКСАНДРОМЪ I.

1822 г.

1.

От Императора Александра къ Карамзину.

Воистинну воскресе!

Чистосердечно сожалѣю, что возобновленіе погорѣвшаго домашняго моего храма, лишило меня удовольствія христосоваться съ уважаемымъ мною Исторіографомъ. — Прошу изъявить Катеринѣ Андреевнѣ мою признательность,—поздравить отъ меня ее и всю вашу семью, и быть увѣрену въ искренней моей пріязни.

Апрѣля 2-го 1822-го года.

2.

Съ большимъ удовольствіемъ, въ первой свободной часъ, воспользуюсь я вашимъ предложеніемъ.

Поклонъ мой Екатеринѣ Андреевнѣ и всей милой семьѣ.

А.

3-го Февраля.

3.

Сдѣлайте мнѣ одолженіе, пришлите, или сами привезите съ собою, тѣ тетради вашей Исторіи, которыя вы мнѣ давали въ дорогу.

Воскресеніе 18-го Февраля.

4.

Въ первые три дни моего путешествія имѣлъ я довольно время, чтобы со вниманіемъ прочесть тетради, вами мнѣ доставленныя. Чтеніе сіе заняло меня весьма пріятно, и произвело во мнѣ увѣреніе, что новой томъ Россійской Исторіи будетъ достойнымъ продолженіемъ прежде напечатанныхъ.

Если послѣ сего чтенія встрѣтилъ бы я васъ, на прогулкѣ нашей ежедневной въ Царскомъ Селѣ, то можетъ быть дозволилъ бы я себѣ взойти съ вами въ разсужденіе о трехъ или четырехъ выраженіяхъ, возбудившихъ нѣкое сомнѣніе во мнѣ, о ихъ правильности. — Но на письмѣ сіе неудобно, и для того отлагаю до моего возвращенія, прося васъ не останавливать нимало вашихъ пріуготовленій къ тисненію.

Теперь ожидаю съ нетерпѣніемъ перваго фельдъегеря изъ Петербурга, дабы съ обратнымъ отправленіемъ онаго, скорѣе доставить вамъ назадъ ввѣренныя мнѣ тетради, и тѣмъ уничтожить опасенія ваши о ихъ цѣлости.

Прежде нежели заключить сіи строки, прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Екатеринѣ Андреевнѣ. Искренно сожалѣю, что не удалось мнѣ съ обоими вами проститься въ день моего отъѣзда. Все было мною сдѣлано для сего, по обыкновенію, но въ сей разъ тщетно. —

Кончаю увѣреніемъ всегдашней моей привязанности къ вамъ.

Александръ.

Новой Свержень,
Августа 10-го 1822-го года.

5.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Примите сердечную мою благодарность за двѣ милости: за трудъ чтенія и за драгоцѣнныя для меня строки. Что значатъ неблагопріятели моей Исторіи противъ *такого* читателя и судіи благосклоннаго? Вы, Государь, умѣете тѣшить людей не однѣми вещественными наградами. Какъ мнѣ жаль, что Ваша любезная рука не означила карандашемъ сомнительныхъ выраженій! Съ какою ревностію старался бы я отгадать Ваши мысли и согласить съ ними мои безъ всякой неискренности! Теперь съ нетерпѣніемъ и безъ нескромности буду ждать новаго доказательства Вашей рѣдкой памяти: не уже ли, мѣсяца четыре занимавшись важнѣйшими дѣлами Европы, по Вашемъ къ намъ возвращеніи вспомните, что было замѣчено Вами въ чтеніи моихъ тетрадей? И тогда еще не будетъ поздно *согласиться*: ибо надѣюсь, что Богъ возвратитъ Васъ Россіи до Новаго года, а въ текущемъ не отдамъ манускрипта въ типографію. Не для моей Исторіи, а для моего Отечества желаю видѣть Васъ скорѣе. Машина заведенная дѣйствуетъ и въ отсутствіе художника; но лучше, когда художникъ стоитъ подлѣ, готовый немедленно исправить малѣйшій безпорядокъ въ ея движеніи. Государь! мы духомъ съ Вами: умѣю издали смотрѣть на Васъ съ тѣмъ чувствомъ, которое возьму съ собою и на тотъ свѣтъ. Для истинной любви здѣшняя жизнь коротка. Я не очень боязливъ, однакожь боюсь отнимать у Васъ время: иначе сколько бы еще могъ сказать Вамъ о своей

привязанности, право нелицемѣрной! Мы любимъ конечно для себя; но дорожу Вами и для всего, что достойно любви человѣческой въ земномъ путешествіи. Дай Богъ Вамъ успѣха въ трудахъ и здоровья для трудовъ! Вы служите орудіемъ Провидѣнію. Здѣсь *Либералисты*, тамъ *Сервилисты*; истина и добро въ срединѣ: вотъ Ваше мѣсто, прекрасное, славное! Стойте же на часахъ безъ усталости. Я, напримѣръ, какъ Исторіографъ, могу дремать, ибо и Гомеръ дремалъ; но Вы бодрствуете за всѣхъ насъ, и Вамъ скажетъ спасибо Исторія неумытная. Государь! повторю сказанное мною Вамъ однажды въ саду Царскосельскомъ: быть Великимъ Монархомъ именно въ наше время, есть завидная доля для великодушія.

Будьте всегда, въ отсутствіи и въ присутствіи, милостивы къ семейству

Карамзиныхъ.

Царское Село,
23. Авг. 1822.

6.

Вѣрный Исторіографъ повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ сердечною благодарностію за милостивое слово и за *написанныя* примѣчанія, историческія въ полномъ смыслѣ: ибо они должны войти въ Вашу собственную Исторію. Будьте здоровы и веселы духомъ. Россія ожидаетъ Васъ съ нетерпѣніемъ: не смѣю говорить о своемъ. Богъ съ Вами и съ нами!

С. Петербургъ
1 Дек. 1822.

1823 г.

7.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Единственно занятія мои, послѣ довольно долгаго отсутствія, были причиной, что не могъ я вамъ назначить часу для свиданія. Въ Воскресеніе надѣюсь быть свободнѣе, и прошу васъ пріѣхать ко мнѣ въ шесть часовъ послѣ обѣда.

15-го Февраля 1823.

1824 г.

8.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Пріимите милостиво въ печати, что Вы, любезнѣйшій Государь нашъ, такъ милостиво приняли въ рукописи. Слѣдуя Вашему замѣчанію, я съ особеннымъ вниманіемъ просмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о Полякахъ, союзникахъ Лжедимитрія: нѣтъ, кажется, ни слова обиднаго *для народа*; описываются только худыя дѣла *лицъ*, и такъ, какъ сами Польскіе Историки описывали ихъ или судили: ссылаюсь на 522 примѣчаніе XI-го тома. Я не щадилъ и Русскихъ, когда они злодѣйствовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя *Ляховъ* для того, что оно короче, пріятнѣе для слуха, и въ сіе время (то есть, въ XVI и въ XVII вѣкѣ) обыкновенно употреблялось въ Россіи.

Ваша горесть есть и наша: мы искренно оплаки-

ваемъ кончину доброй Герцогини (*). Между тѣмъ безпокоились и еще безпокоимся о Вашемъ здоровьѣ: печаль сердечная дѣйствуетъ и на тѣло; къ тому же Вы слишкомъ много ходили и стояли въ этомъ нещастномъ случаѣ. Дай Богъ, чтобы Вы душевно и физически отдохнули въ тихомъ Царскомъ Селѣ. — Всѣмъ семействомъ поручаемъ себя въ Ваше благоволеніе, которое безъ усилія заслуживаемъ нашею сердечною къ Вамъ привязанностію.

Съ любовію Вашъ

вѣрноподданный

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ,
10 Марта 1824.

9.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Съ признательностію пріемлю соболѣзнованіе ваше, Николай Михайловичь, въ семейной нашей грусти, и участіе о моемъ лично здоровіи. — Оно, благодарю Бога, не потерпѣло, ибо я привыкъ повиноваться съ покорностію Его предопредѣленіямъ.

По истинѣ въ тихомъ Царскомъ Селѣ имѣлъ я все удобное время дать отдыхъ ногѣ моей, занимаясь дѣятельно и безъ отвлеченія моими всегдашними упражненіями.

Благодарю искренно васъ за присылку. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ видѣть въ печати то, что съ столь большимъ удовольствіемъ читалъ въ рукописи.

(*) Супруги Герцога Александра Виртембергскаго Антуанетты, скончавшейся 2, а погребенной 8 Марта. *Прим. Изд.*

Екатеринѣ Андреевнѣ и всему семейству вашему мой дружелюбной поклонъ. — А васъ прошу быть увѣрену въ искренней моей къ вамъ пріязни.

Александръ.

Царское-Село,
Марта 9-го 1824-го года. (*)

10.

Чинъ, въ знакъ моей признательности Исторіографу. А Николаю Михайловичу извѣщеніе, что въ Царскомъ Селѣ сухо и чисто въ саду, а въ Китайскомъ его жильѣ тепло и приборно. Всей семьѣ искренній мой поклонъ.

А.

Пятница въ вечеру.

11.

От Карамзина къ Императору Александру.

Въ лицѣ Исторіографа приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшую благодарность за чинъ, которымъ Вы хотѣли изъявить *для публики* вниманіе къ трудамъ небезполезнымъ, можетъ быть, и въ государственномъ смыслѣ.

Теперь же въ лицѣ Карамзина повторю то, что всего болѣе люблю говорить Вамъ: мужъ, жена, дѣти, всѣ мы привязаны къ Вамъ безкорыстно.

Богъ съ Вами и съ нами! Будьте здоровы.

На вѣки съ любовію вѣрноподданный

Н. Карамзинъ.

7 Апрѣля 1824.

(*) Страннымъ покажется что это письмо отъ 9 Марта, а предыдущее отъ 10. Но такъ въ подлинныхъ письмахъ. *Прим. Изд.*

12.

От Императора Александра къ Карамзину.

Вы знаете уже о печальныхъ произшествіяхъ 7-го Ноября! Погибшихъ много, нещастныхъ и страдающихъ еще болѣе!

Мой долгъ быть на мѣстѣ; всякое удаленіе причту себѣ въ вину. — Вамъ не трудно себѣ представить грусть мою. — Воля Божія; намъ остается преклонить главу предъ нею.

А.

С. Петербургъ,
Ноября 10-го 1824-го года.

13.

Хотя есть нѣкоторое улучшеніе въ здоровьи жены моей, но далеко еще до того, чтобы успокоить меня. Кашель не унялся, и много ее безпокоитъ, но что еще важнѣе, мѣшаетъ начать надлежащее врачеваніе, дабы уменьшить біеніе сердца и артеріи.

Желаніе имянинника съ удовольствіемъ исполнилъ, и послалъ тотъ же часъ повелѣніе о принятіи пажа.

Екатеринѣ Андреевнѣ и всей милой семьѣ мой искренній поклонъ.

Суббота 6-го Дек.

1825 г.

14.

От Карамзина къ Императору Александру.

Всѣмъ семействомъ приносимъ Вамъ, любезнѣйшій Государь, сердечную благодарность. Мы осмо-

трѣли чистый, уютный, прекрасный домикъ: все въ немъ весело (кромѣ одного воспоминанія!). Вмѣстѣ съ другимъ домикомъ онъ былъ бы для насъ помѣстителенъ; но мысль, что Вы, можетъ быть, готовили его на что нибудь другое, насъ тревожитъ. Мы достойны Вашей искренности въ этомъ случаѣ. Между тѣмъ надѣюсь еще видѣть Васъ въ Свѣтлый праздникъ, какъ бывало.

Поздравляемъ Васъ, любезнѣйшій Государь, и съ новорожденною и съ новоприбывшими (*).

Будьте совершенно здоровы; будьте и всегда милостивы къ семейству преданныхъ Вамъ

Карамзиныхъ.

26 Февр. 1825.

15.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Замедлилъ я моимъ отвѣтомъ вамъ, касательно дома, потому что имѣлъ намѣреніе лично оный вамъ передать, побывавъ у Екатерины Андреевны и у васъ, въ исполненіе давнишняго моего обѣщанія. Но занятія мои все мнѣ препятствовали. Наконецъ сегодня въ вечеру, имѣю я свободной часъ, и если вамъ досужно, то я пріѣду къ вамъ въ 9-мъ часу.

До свиданія. **А.**

Марта 15-го 1825-го.

(*) 25 Февр. родилась Великая Княжна Марія Михаиловна, и въ тотъ же день Вел. Князь Николай Павловичъ съ Вел. Княгинею Александрою Ѳеодоровною возвратились въ С.Пбургъ изъ-за границы. *Прим. Изд.*

16.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Пользуюсь Вашимъ милостивымъ дозволеніемъ: вотъ первыя три главы XII-го тома Исторіи Россійской, списанныя моею женою и дочерью, для чтенія въ коляскѣ на обратномъ пути изъ Варшавы въ Царское Село, куда хотимъ отправиться дней черезъ пять, чтобы ждать тамъ Августѣйшаго Хозяина.

Сердечно радуемся добрымъ вѣстямъ о Вашемъ здоровьѣ. Дай Богъ, чтобы Вы, Государь любезнѣйшій, возвратились къ намъ съ ногою совершенно и прочно исцѣленною!

Радуемся и другимъ хорошимъ вѣстямъ: слышимъ, что Вы довольны явными успѣхами государственнаго и гражданскаго благосостоянія въ Королевствѣ Польскомъ. Сладко, для добраго сердца, благотворить и частнымъ людямъ; еще сладостнѣе для души высокой, благотворить Государствамъ.

Другіе сказываютъ Вамъ, что дѣлается въ Петербургѣ: мы скажемъ единственно, что любимъ Васъ, какъ умѣемъ любить: отецъ, мать и дѣти

Карамзины.

С. Петербургъ
2 Мая 1825.

17.

Отъ Императора Александра къ Карамзину.

Искренно благодарю за присылку продолженія полезныхъ трудовъ вашихъ. Дорогою займусь симъ пріятнымъ и поучительнымъ чтеніемъ.

Здѣсь я имѣю всѣ причины быть довольнымъ, какъ расположеніемъ общимъ, такъ и ходомъ дѣлъ. О подробностяхъ поговоримъ, если Богъ дастъ, при встрѣчахъ нашихъ въ Царскомъ Селѣ. Поклонъ мой милымъ дѣтямъ. — Васъ любящій

Александръ.

Варшава,
Маія 27-го 1825-го года.

18.

Отъ Карамзина къ Императору Александру.

Уединенные жители Царскосельскіе, мужъ, жена, дѣти, съ любовію кланяются своему Августѣйшему Хозяину, удаленному отъ ихъ глазъ, но близкому къ ихъ сердцу; дерзаютъ устранить Его величіе, и чувствуя только Его къ нимъ милость, сказать Ему, что они ежедневно объ Немъ думаютъ и молятся, если не совсѣмъ безкорыстно, то по крайней мѣрѣ не раздѣляя своего добра съ общимъ.

Можетъ быть, скромность еще удержала бы стремленіе сердца; но прилагаемое письмо извѣстнаго Вамъ брата моего, Уфимскаго Дворянина, рѣшило меня взяться за перо. Вы имѣли оффиціальныя донесенія о бывшемъ тамъ мятежѣ крестьянскомъ: думаю, что не худо знать и подробности этой немаловажной тревоги, которая еще оставляетъ въ умахъ безпокойство и должна быть утишена совершенно, отысканіемъ и возвращеніемъ бѣглецовъ. Впрочемъ Дворяне хвалятъ дѣятельность и расторопность Военнаго Генералъ-Губернатора. Сколько Вамъ дѣла и заботъ! Но мы для того въ здѣшнемъ свѣтѣ. Щастливъ, кто заботится

о благѣ милліоновъ! Въ этомъ смыслѣ почти не имѣю къ Вамъ жалости, хотя я и не камень.

Не даю однакожь воли перу, чтобы сколько нибудь похвалиться скромностію. Ради Бога не считайте Себя въ милостивой обязанности отвѣчать мнѣ! Не умничаю, а говорю искренно. Не Вы у меня, а я у Васъ въ долгу, записанномъ въ моемъ сердцѣ.

Пишу и къ Императрицѣ и даю Ей отчетъ въ нашемъ здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Богъ съ Вами и съ нами!

Душею вѣрноподданный

Н. Карамзинъ.

P. S. Всеподданнѣйшую, искреннюю благодарность за новую Фрейлину мы приносили Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, Которая милостиво обѣщала намъ довести ее и до Вашего свѣдѣнія.

Царское Село
5 Окт. 1825.

II.

ПЕРЕПИСКА СЪ ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ.

1818 г.

1.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Повергаю себя и 8 томовъ моей Россійской Исторіи къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Счастливый воспоминаніемъ Вашихъ милостей и чувствомъ живѣйшей признательности, дерзну ли надѣяться, что сочиненіе не повредитъ сочинителю въ Вашихъ мысляхъ? Я писалъ съ любовію къ Отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности; но сего, можетъ быть, не довольно для успѣха книги: все зависитъ отъ впечатлѣнія, которое произведетъ она въ душахъ подобныхъ Вашей.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій

Николай Карамзинъ.

С. Петербургъ.
24 января 1818 г.

2.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Николай Михайловичъ. При письмѣ вашемъ отъ 24 Генваря получила я Россійскую Исторію, вами сочи-

ненную, за доставленіе коей изъявляю вамъ мою признательность. Уважая личныя достоинства Автора и судя по извѣстнымъ мнѣ отрывкамъ сочиненія, не сомнѣваюсь въ томъ великомъ удовольствіи, которое доставитъ мнѣ сіе чтеніе. Пріятно мнѣ отдать всю справедливость познаніямъ вашимъ, а равно чувствіямъ и правиламъ, кои руководствовали васъ въ трудѣ столь важномъ, и желаю видѣть дальнѣйшее онаго продолженіе для славы Отечества и вашей. Пребываю всегда вамъ доброжелательною (*).

Елисавета.

Москва.
13 Февраля 1818 г.

1820 г.

3.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Исполняя лестное порученіе Вашего Императорскаго Величества, я видѣлъ отдающіеся въ наемъ и еще никѣмъ не нанятые домики Устинова и Хлѣбникова: первой слишкомъ великъ; въ немъ комнатъ десять, и просятъ слишкомъ дорого. Во второмъ отдаются четыре комнаты, довольно опрятныя и красивыя, но почти безъ мёблей; цѣна 700 рублей. Въ тотъ же день писалъ я къ Н. Я. Плюсковой о *послѣд-*

(*) За исключеніемъ этого письма, всѣ послѣдующія писаны Императрицею собственноручно. *Прим. Изд.*

немъ домикѣ; сказалъ, что онъ можетъ быть для нее нанятъ *отъ казны*; прибавилъ единственно, что Ваше Императорское Величество изъявляете милостивое въ томъ участіе. Осмѣливаюсь приложить отвѣтъ ея, писанный не весьма четкою рукою, но отъ чистаго сердца, исполненнаго любви и благодарности къ Вамъ, Всемилостивѣйшая Государыня. Болѣе ничего не скажу, умѣя иногда быть скромнымъ. Повергаю себя къ Вашимъ стопамъ съ живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія и душевной преданности.

Всемилостивѣйшая Государыня!
и проч.

Царское Село.
17 Мая 1820 г.

4.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Quoique j'aie chargé M. Longuinoff de terminer verbalement avec vous, Monsieur, ce qui a fait l'objet de votre lettre, je ne puis me refuser le plaisir de vous remercier moi-même de l'exactitude avec laquelle vous avez rempli ma commission. Je joins ici la lettre de Mlle Pluskoff; c'est à vous qu'elle devra la satisfaction de ne rien changer à ses habitudes et votre société lui fera oublier, j'espère, qu'elle n'est pas aussi bien logée qu'elle l'aurait été au Palais de Zarskesélo. Recevez encore, Monsieur, tous mes remerciemens et l'attestat d'un excellent commissionnaire.

Elisabeth.

Camïnoi-Ostrof
19 Mai 1820.

5.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Приношу Вашему Императорскому Величеству сердечную благодарность за *воспоминаніе*, еще болѣе нежели за газеты. На сей разъ обвертка въ тысячу разъ дороже вложеннаго.

Радуюсь прекрасному времени: Вы можете гулять и на сушѣ и на водѣ въ Ораніенбаумѣ. Сынъ.... или правнукъ Океана, заливъ Финскій, съ гордостію и веселіемъ, какъ думаю, носитъ Вашу яхту, не смотря на свою холодность.

Что принадлежитъ до Царскосельскаго Исторіографа, то онъ наслаждается..... рюматизмомъ въ правой рукѣ, который однакожь не мѣшаетъ ему ни мыслить о Вашихъ милостяхъ, ни чувствовать живѣйшей за нихъ признательности.

Повергаю себя къ Вашимъ стопамъ, не только съ благоговѣніемъ, но и съ любовію.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрнѣйшій подданный

Николай Карамзинъ.

Царское Село
26 Іюля 1820 г.

6.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je suis bien fâchée, Monsieur, de savoir en état de souffrance une main droite qui a si bien employé son temps; elle devrait être exempte de rhumatisme et j'espére du moins que son mal ne sera pas de durée. Vous me confondez presque en me témoignant de la reconnaissance de ce que je tiens ma parole à Oranienbaum comme à Zarskesélo; j'ai trop de plaisir en vous envoyant des gazettes à vous rendre le seul service qui dépende de moi pour mériter le moindre remerciement. C'est moi qui vous en dois de ce que vous pensez aux plaisirs que je peux trouver ici; mais cette fois, malheureusement, votre imagination a été en défaut: je n'ai pas navigué encore comme vous le supposez; un leger rhume m'a imposé quelques privations de ce genre, mais je suis convaincue comme vous, qu'il ne faut pas que nous perdions ici bas l'habitude des contrariétés.

Je vous prie, Monsieur, de faire mille complimens de ma part à Madame Karamsine et de recevoir tous deux l'assurance de mon constant et sincère interêt.

Elisabeth.

Oranienbaum,
29 Juillet 1820.

7.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Позвольте мнѣ быть ослушнымъ и безпрестанно благодарить Ваше Императорское Величество. Мо-

гу еще хвалиться скромностію, оставляя многое въ душѣ, чего и выразить не умѣю, не смотря на то, что мнѣ 52 года отъ роду, и что я болѣе тридцати лѣтъ учусь выражать свои мысли и чувства.

Для Васъ я радовался прекрасному времени, а Вы были между тѣмъ въ простудѣ: по крайней мѣрѣ *были*, какъ надѣюсь. Вы не приказываете мнѣ благодарить Васъ, но молиться не запретите? Я желалъ бы, чтобы моя для здѣшняго свѣта печальная *система* казалась Вамъ нелѣпостію; то есть, чтобы Вы, вопреки ей, наслаждались и на землѣ безпрерывнымъ щастіемъ. Это желаніе для меня почти великодушно: на томъ свѣтѣ изъясню Вамъ смыслъ этой фразы. Не забудьте, что Вы обѣщали быть милостивою къ Исторіоґрафу и въ поляхъ Елисейскихъ, гдѣ я буду ждать Васъ однакожь съ терпѣніемъ: ибо въ *вѣчности* для всего найдется время; ничто не уйдетъ. Къ тому же тѣни летаютъ, куда хотятъ: ссылаюсь на преданія всѣхъ народовъ. Могу оттуда заглянуть опять въ Царское Село, даже и въ Ораніенбаумъ. Буду Васъ видѣть, хотя и невидимъ; буду Васъ слушать, хотя и безсловесенъ..... а почему знать? можетъ быть и шепну Вамъ что нибудь *на ухо*, хотя теперь и не люблю *наушничества*: шепну нескромную вѣсть Ангельскую, чтобы Вы лишній разъ улыбнулись какъ Ангелъ и на землѣ. Но еще не время: обращаюся къ земной скромности, однакожь не придворной.

Съ отбытія Вашего изъ Царскаго Села я пріобрѣлъ новую опытность въ рюматизмѣ, какого еще не зналъ донынѣ. Теперь и враги моего авторскаго таланта не скажутъ, чтобы я *писалъ безъ чувства*: всякое движеніе пера отдается у меня въ нервахъ. Платя дань суетности, безъ стыда хвалюсь передъ Вами

твердостію, которая состоитъ въ томъ, чтобы платить нѣкоторою болью въ рукѣ за щастіе писать къ любезнѣйшей изъ всѣхъ Императрицъ, не исключая и будущихъ: другіе спорить со мною не будутъ; а Ваше Императорское Величество не имѣете голоса въ Своемъ дѣлѣ.

Еще болѣе рюматизма тревожила меня болѣзнь старшей дочери: мы опасались горячки; но теперь ей, слава Богу, лучше.

Жена моя повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ съ живѣйшею признательностію за Ваше милостивое, любезнѣйшее объ ней слово, и не хочетъ уступить мнѣ въ чувствахъ моей душевной къ Вамъ преданности. Мы вмѣстѣ просимъ Бога, чтобы Онъ хранилъ Васъ и для всѣхъ и для насъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

и проч.

Царское Село
30 Іюля 1820 г.

1821 г.

8.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je joins ici la croix que vous m'avez demandé, Monsieur, pour ma filleule, et je voudrais pouvoir lui assurer tout ce que je dois me borner à souhaiter pour elle en la lui donnant. Je dois vous prévenir que la croix n'est pas bénie encore, je n'ai fait à cet égard que ce que vous m'avez strictement prescrit; mais je puis vous dire que je suis charmée de pouvoir dans cette oc-

casion et de cette manière donner à la nouvelle-née et à ses parens un témoignage de mon interêt réel et constant.

Elisabeth.

10 Fevr. 1821.

9.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Позвольте наконецъ сказать хотя два слова Вашему Императорскому Величеству. Вы были нездоровы, и теперь еще не совсѣмъ здоровы; а преданный Вамъ Исторіографъ очень безпокоился, и теперь еще не совсѣмъ покоенъ. Обрадуюсь сердечно, когда узнаю, что Вы уже выѣзжаете... когда же? А время прекрасное для насъ Русскихъ: легкой морозъ съ яркимъ солнцемъ живитъ нервы.

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ, не исключая и новорожденной, которая родилась для того, чтобы любить Васъ и тѣмъ заслуживать нашу любовь.

Марта 15.

10.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai été fort au regret d'avoir manqué l'occasion de vous voir dernièrement, Monsieur; ma santé me l'aurait permis, mais je n'ai su que vous aviez été vous même à ma porte que longtems après votre départ. Je serai charmée de vous remercier de l'interêt que vous me témoignez, et j'espère être en état de vous voir lundi soir, si vous pouvez me faire le plaisir de venir

chez moi. On ne me permet pas de sortir encore et j'éprouve la vérité de vos principes en ce que la privation d'air atmosphérique influe sur moi; je vous demande donc de l'indulgence à tous égards.

E.

Samedi, 19 Mars
1821.

11.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Сердечно благодарю Ваше Императорское Величество за любезнѣйшія строки, отъ которыхъ я сталъ здоровѣе: потому что, не смотря на благотворное дѣйствіе *атмосферическаго воздуха* въ моихъ ежедневныхъ прогулкахъ, я чувствовалъ въ себѣ почти болѣзненную томность. Нелживымъ словомъ Исторіографа могу увѣрить Васъ, что Ваше нездоровье тревожило мою душу, еще не совсѣмъ остылую. И такъ завтра около семи часовъ, если не умру, буду у дверей Вашего кабинета съ большимъ запасомъ *снисходительности*.

Повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ, мужъ, жена и дѣти.

20 Марта.

12.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Vous avez désiré, Monsieur, que je vous fasse part des explications qu'on me donnerait sur les miracles du Pr. Hohenlohe. En présumant que je n'aurai pas de quelque tems le plaisir de vous voir, j'ai copié pour vous un article d'une lettre de ma mère en réponse

aux premières questions que je lui ai faites à ce sujet; je les ai renouvellées depuis, et peut-être me donnera-t-elle encore plus de détails. En attendant je vous prie de voir dans ce que je vous envoie le désir de vous faire plaisir.

E.

«Le Pr. de Hohenlohe a beaucoup de partisans pour «ses miracles, mais il y a autant de monde qui n'y «croit pas. Celui qu'il a effectué sur la P^se^ de Schwar-«zenberg est tout naturel, dit-on. Heine (le médecin) «l'avait si bien remise qu'il ne dépendait que d'elle de «marcher; la crainte la retenait encore, et sa foi dans «les prières de ce Prince lui en a donné le courage. «Quant au Pr. Royal de Bavière, il croit mieux enten-«dre tandis que les personnes qui l'entourent assurent «qu'il est aussi sourd qu'avant. Quand le Pr. Hohen-«lohe ne parvient pas à guérir ceux qui le lui demandent, «il dit que ce ne sont pas de vrais croyans. On pré-«tend que tout cela tend à convertir la Pr. Royale de «Baviére à la religion Catholique».

13.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Приношу Вашему Императорскому Величеству сердечную благодарность: мысленно благодарю даже и Принца Гогенлоге: его чудесамъ обязанъ я этою любезнѣйшею запискою. Въ свѣтѣ идетъ все своимъ чередомъ, но обыкновеннаго и естественнаго не довольно для людей слабыхъ: мы всѣ какъ младенцы, вопреки разсудку, падки на дивное. Зная мало, мы расположены къ вѣрѣ до суевѣрія.

Съ грустію узналъ я, что Вы и 5е Сентября не будете въ Царскомъ Селѣ. И такъ мы безъ Васъ будемъ за Васъ молиться. Будьте между тѣмъ совершенно здоровы и всегда милостивы къ вѣрноподданному

Исторіографу.

27 Августа
1821 г.

14.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ съ изъявленіемъ сердечной признательности за честь, которой Вы удостоили нашу дочь (*). Скажу Вашему Императорскому Величеству то же, что я сказалъ въ письмѣ къ Государю: мы не искали этой чести; но она, какъ знакъ Вашей милости, для насъ драгоцѣнна. Вчера я узналъ о томъ отъ Императрицы, и даже (naïvement) удивился; это чувство скоро уступило мѣсто другому: искреннѣйшей благодарности. Не умѣю писать къ Вамъ *приказнымъ* слогомъ: дозвольте же мнѣ мысленно поцѣловать Вашу ручку съ живѣйшею нѣжностію сердца, еще не совсѣмъ охлажденнаго *почтенною* старостію. Дозвольте также новой Фрейлинѣ представиться Вамъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Дворъ менѣе Дворъ и гдѣ искренность болѣе у мѣста.

Оканчиваю, чѣмъ началъ: отецъ, мать и дѣти по-

(*) Въ это время старшая дочь Николая Михайловича была пожалована въ Фрейлины. *Прим. Изд.*

вергаютъ себя къ Вашимъ стопамъ. Въ истинномъ смыслѣ

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный

Царское Село,
1 Сент. 1821.

Николай Карамзинъ.

15.

Пріимите усерднѣйшее поздравленіе вѣрныхъ Царскосельскихъ жителей. Вся Россія празднуетъ Ваши имянины торжественно, а мы семейственно, съ живѣйшимъ чувствомъ любви и преданности. Всѣ любятъ Васъ, всѣ молятъ о Васъ Бога; а мы знаемъ Васъ еще лучше, нежели многіе другіе: слѣдственно..

Чего желать Вамъ? Добра: оно безконечно и неизмѣримо; какъ ни много его въ Васъ, но можете и будете имѣть еще болѣе.

Если бы Вы были нынѣшній день здѣсь, то я попросилъ бы дозволенія вписать нѣсколько новыхъ строкъ въ Вашъ Album (если онъ цѣлъ), и къ числу Русскихъ пословицъ прибавилъ бы въ немъ слѣдующую: «вѣкъ живи, вѣкъ учись—*жить*»! Она всѣмъ извѣстна, но безъ окончательнаго слова, которое важно и найдено мною недавно въ одной древней рукописи.

Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ Вашего благополучнаго возвращенія. Здѣсь все по старому: и садъ и вѣрный Исторіографъ, который, слѣдуя пословицѣ, неутомимо учится: но уже не выучивается новому; даже и любитъ Васъ по старому.

Повергаетъ себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества все семейство

Карамзиныхъ.

Царское Село,
5 Сент. 1821.

1822 г.

16.

Отъ всего сердца и всѣмъ семействомъ имѣемъ щастіе поздравить Ваше Императорское Величество съ свѣтлымъ для насъ днемъ Вашего тезоименитства, усердно моля Бога о Вашемъ тѣлесномъ и душевномъ здравіи; но какъ въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ совершеннаго безкорыстія, то молимъ Бога и о продолженіи Вашей къ намъ милости, за которую благодаримъ Его и Васъ.

Съ этою живѣйшею признательностію и съ искреннѣйшею любовію повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ преданный Вамъ

Карамзинъ.

Царское Село,
4 Сент. 1822.

P. S. Добрая и нездоровая Н. Я. Плюскова, сквозь слезы умиленія и благодарности за всѣ Ваши къ ней милости, также приноситъ Вашему Императорскому Величеству усерднѣйшее поздравленіе, но не смѣетъ писать, чтобы не облить письма слезами. Ея молитва доходна къ Богу!

17.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai été bien sensible, Monsieur, au souvenir que vous avez donné au jour de ma fête, et je vous en fais mes remerciemens; veuillez les exprimer aussi de ma

part à votre famille et Melle Pluskoff, dont les larmes, j'espère, ne couleront pas à cette occasion. Pour n'en pas verser aussi facilement qu'elle, je n'en suis pas moins touchée de chaque preuve d'affection bienveillante qu'on veut bien me donner, et vous vous direz si je sais apprécier celles que je reçois de vous, Monsieur, et du cercle de votre famille.

Nous avons enfin reçu aujourd'hui des nouvelles de l'Empereur; elles sont datées de Vienne et du 27; il se portait bien, grâce à Dieu, mais ne fesant que d'arriver, il ne pouvait donner d'autre nouvelle, si non que c'est définitivement à *Vérone* que s'achevera le congrès et non à *Vienne* comme on commençait à le dire généralement.

Je vous prie, Monsieur, de prendre dans toute son étendue et de vous appliquer personnellement la phrase de *très affectionnée* que l'on prodigue souvent.

Elisabeth.

Camennoi Ostrof.
7 Sept. 1822.

1823 r.

18.

Ne pourriez vous pas, Monsieur, me faire le plaisir de me renvoyer les Mémoires de M^de^ Campan? L'Imp. Mére me les demande et désire les emporter avec elle à Pawlowsky où elle va passer deux jours. Je vous fais mille excuses de mon indiscrétion; la plus valable que je puisse alléguer c'est que je n'ai que ce seul exemplaire à ma disposition.

E.

Mercredi, 14 Mars.

19.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Прошу милостиваго извиненія. Я долго продержалъ книгу отъ того, что мы всѣмъ семействомъ, мужъ, жена и двѣ дочери, читали ее. Возвращаю съ искреннѣйшею благодарностію, и повергая себя къ Вашимъ стопамъ, надѣюсь, что Вы дозволите мнѣ на сихъ дняхъ явиться въ Вашемъ кабинетѣ. Душею и сердцемъ преданный *Карамзинъ*.

14 Марта.

20.

Въ первый разъ беру перо, чтобы спросить о драгоцѣннѣйшемъ здоровьѣ Вашего Императорскаго Величества. Я со вчерашняго дня безпокоюсь, узнавъ, что Вы не очень хорошо себя чувствуете. — Изъявленіе моей сердечной благодарности за всѣ знаки Вашего милостиваго, трогательнаго участія въ моей минувшей болѣзни оставляю до той минуты, когда буду имѣтъ щастіе Васъ видѣть. Всею душею преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

23 Іюня.

21.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je ne puis vous exprimer, mon cher Monsieur Karamsin (pardonnez moi ce mouvement de mon coeur), combien la vue de votre écriture m'a fait plaisir. Je vous re-

mercie pour le bon moment que vous m'avez causé par là, autant que pour le motif de votre billet.

J'ai été charmée de ne voir aucune trace de faiblesse dans votre écriture et bien au regret de n'avoir pas pu vous répondre à l'instant même. Sans être malade, je ne suis pas trop bien depuis quelque-tems: j'ai une petite fièvre journalière qui n'est pas fort incommode, mais dont je tâche cependant de me debarrasser avec le secours de la Médecine. Puisse-t-elle contribuer à vous rendre bientôt toutes vos forces afin qu'il me soit permis de penser au moment de vous revoir. En attendant ménagez vous, je vous prie, et n'abusez ni de la lecture ni de la conversation.

E.

22.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Вчера поутру былъ первый мой выѣздъ: я нашелъ комнаты Вашего Императорскаго Величества заперты, и узналъ, что Вы въ городѣ. Слава Богу: это хорошій знакъ для Вашего здоровья. Возвратитесь къ намъ благополучно. — Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю щастія увидѣть Васъ, имѣя уже столько силъ, чтобы почти безъ отдыха и безъ помощи всходить на лѣстницу.

На вѣки преданный Вашему Императорскому Величеству

Н. Карамзинъ.

Царское Село
15 Іюля 1823.

23.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

A mon retour de Pawlowsky jeudi soir, j'ai appris avec regret que vous aviez passé chez moi dans mon absence. J'en ai été d'autant plus fâchée que j'aurais désiré vous dire adieu avant de quitter Zarskesélo et apprendre par vous-même, Monsieur, des nouvelles de vos enfans. Vous avez eu l'attention de penser à informer mon valet de chambre de ce que vous êtes rassuré sur leur compte et je vous en suis sensiblement reconnaissante. J'espère vous retrouver tous en bonne santé à mon retour à Zarskesélo; je m'y retrouverai bientôt après la Ste Aléxandre. Le tems me favorise ici jusqu' à présent; j'y suis venue chercher du calme et la mer; vous savez que l'un et l'autre ont du prix pour moi dans toutes les saisons, et je vous assure que la mer a encore toute le beauté d'une saison moins avancée. Veuillez faire mes complimens à Mde Karamsine et me conserver tous deux un bon souvenir.

E.

Oranienbaum
Dimanche 19 Août.

24.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Изъявляю душевную признательность Вашему Императорскому Величеству за любезнѣйшее письмо, которое меня истинно обрадовало. Вы умѣете знаками благоволенія трогать сердца преданныхъ Вамъ людей.

Дѣти все еще тревожатъ насъ, особливо Андрей, жалуясь на боль въ груди. Одинъ Николай, третій нашъ сынъ, начавъ кашлять ранѣе всѣхъ, уже менѣе и легче кашляетъ.

Вы хвалите прекрасное время, а здѣсь уже бури. Шумный дождь и вѣтеръ не давали намъ спать ночью; вода лилась изъ оконъ въ комнаты. Я хотѣлъ бы именно теперь взглянуть на Ваше море, любя видѣть сѣдыя, огромныя волны и слушать ихъ ревъ. Даже и смирное наше Царскосельское озеро шумитъ почти какъ море.

Это смятеніе сѣверной Природы конечно не мѣшаетъ Вамъ наслаждаться тишиною, которой Вы искали въ Ораніенбаумѣ, и въ которой чувствительная душа отдыхаетъ на свободѣ. Отдохните и благополучно возвратитесь къ намъ, живущимъ здѣсь почти какъ въ пустынѣ. Не видимъ ни гуляющихъ, ни проѣзжихъ, ни прохожихъ (потому что большую дорогу передъ нами загородили); сидимъ одни, если не въ скукѣ, то въ грусти. Ввечеру, уложивъ дѣтей, читаемъ романы Г-жи Сузы—и я все еще плачу какъ ребенокъ.

Жена моя приноситъ Вашему Императорскому Величеству искреннѣйшую благодарность за Ваше милостивое объ ней слово.—Мы смѣло можемъ отвѣчать другъ за друга въ нашей сердечной къ Вамъ привязанности. Будьте совершенно здоровы, спокойны духомъ и всегда добры къ Вашему истинному подданному

Н. Карамзину.

Царское Село
21 Авг. 1823.

25.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai sincèrement regretté de ne pas m'être trouvée chez moi hier lorsque vous êtes venu me voir, Monsieur;

mon existence journalière se compose actuellement de contretems à peu près semblables; je ne suis jamais sûre d'être libre avant 8 ou 9 h. du soir, et quoique ce soyent des devoirs et des relations de famille qui remplissent ainsi mon après-dinée, je vous avoue que je désire bien souvent le doux loisir de Zarskesélo. C'est cet ordre de choses qui m'a privé jusqu'à présent du plaisir de voir Mde Karamsine, et je crois inutile de vous assurer que j'ai senti cette privation bien plus qu'elle.

J'éspère toutefois que cette semaine ne finira pas sans que nous nous retrouvions comme je le désire, et ce sera pour moi un moment de compensation pour une existence un peu contrariante.

E.

Mardi 11 Dec.

26.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Съ живѣйшею признательностію мы, жена и мужъ, читали и читаемъ Ваши любезнѣйшія строки. Мнѣ грустно было такъ долго не видать Васъ, хотя и зналъ я, какъ занято Ваше время. Не винюсь передъ Вами въ этомъ нетерпѣніи, но обѣщаюсь быть терпѣливѣе. Надѣемся завтра (*) смотрѣть на Васъ хотя издали: я еще не въ туманѣ вижу тѣхъ, кого люблю душевно и сердечно. Дай Богъ Вамъ здоровья и твердости для исполненія всѣхъ обязанностей на свѣтѣ. Я не въ Вашемъ положеніи, однакожъ жалѣю о тишинѣ Царскаго Села. Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ. Осмѣливаюсь поцѣловать Вашу ручку. Преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

11 Дек. 1823.

(*) Въ слѣдующій день праздновалось рожденіе Императора. *Прим. Изд.*

27.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je puis enfin espérer de voir Mme Karamsine demain, si aucun obstacle ne vient s'opposer de votre part au plaisir que je me promets en vous voyant tous deux chez moi. C'est pour demain soir à sept heures que je vous le demande, Monsieur, en comptant toutefois sur assez d'amitié de votre part pour me préparer à un refus possible.

Vendredi, 14 Déc.

28.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

И такъ завтра, въ 7 часовъ вечера, ожидаемъ щастія видѣть Ваше Императорское Величество. Съ нашей стороны, кромѣ смерти или покрайней мѣрѣ болѣзни, не знаемъ препятствія. Между тѣмъ повергаю себя къ Вашимъ стопамъ съ живѣйшею признательностію. Душею истинно преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

14 Дек.

1824 г.

29.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

N'y a-t-il pas de l'indiscrétion à vous prier, Monsieur, de venir chez moi ce soir à sept heures? La nouvelle année a déjà beaucoup avancé sans que je vous aie vu encore, et je m'aperçois que vous persistez à

attendre mon invitation. Si rien ne s'oppose de votre part à ce que vous l'acceptiez, faites-moi faire je vous pris une réponse verbale afin de ne pas troubler vos occupations.

E.

Jeudi, 8 Janv.

30.

Au moment où l'on m'annonça que vous étiez venu pour me voir, la G. D^se^ Helène m'attendait pour aller avec moi chez la P. Marie; il me fut donc impossible de vous voir un seul instant comme je l'aurais désiré pour vous remercier, Monsieur, de vos bonnes intentions à mon égard. Puis-je, sans craindre de vous gêner, vous prier de venir chez moi demain soir à sept heures? Je vous assure que j'éprouverai une satisfaction réélle de votre société.

E.

Samedi, 15 Mars.

31.

Vous m'avez procuré, Monsieur, une lecture bien agréable en me confiant le cahier que je joins ici. Son titre m'a fait doublement apprécier la part que vous m'y avez donnée, et je vous en remercie de tout mon coeur. J'avais besoin de vous exprimer ma reconnaissance, mais je vous parlerai davantage quand je vous verrai de l'interêt singulier que j'ai trouvé à lire ce petit manuscrit.

J'espère que vous et toute votre famille vous portez bien; prenez cette phrase je vous prie pour ce qu' elle est: un sentiment bien sincère de sollicitude après huit jours passés hors d'ici.

E.

Dimanche,
15 Juin.

32.

Je sais trop bien reconnaître la vérité du sentiment qui vous a fait me demander de vous écrire, pour commencer ma lettre par un préambule de phrases; je vous dirai donc tout uniment que je n'ai pas beaucoup gagné depuis que je suis à Pétersbourg. La fatigue des premiers jours dans un cercle d'habitudes et de personnes différentes de celui de Zarskesélo, m'avait rendue même plus souffrante, mais aujourd'hui je suis mieux. Cependant depuis mon arrivée ici on m'a rigoureusement confinée dans mon appartement jusqu'à ce que ma toux soit passée.

Maintenant je vous demande de vos nouvelles, Monsieur, et de celles de toute votre famille bien en détail. Dans votre paisible Chine vous ne vous ressentez pas, j'espére, de la tempête épouvantable que nous avons aujourd'hui sous les yeux. S'il ne fallait pas en redouter de malheureux resultats, ce serait pour moi un magnifique spectacle que la fureur de la Néva que je n'ai guère vue aussi agitée. Je joins ici la brochure que vous m'avez prêté et les gazettes. Toute la reconnaissance et l'affection que je voudrais pouvoir vous exprimer s'adresse à Madame Karamzine comme à vous, Monsieur; je ne vous charge donc de rien de particulier pour elle, mais je vous prie tous les deux de me conserver des sentimens dont je ne pourrais plus me passer.

E.

Pétersbourg
Vendredi 7 Nov.

33.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Только одно слово о Вашемъ здоровьѣ, также о здоровьѣ Государя; и не пишите, а только прикажите Вашему Каммердинеру сказать о томъ моему посланному, Нѣмцу Эллингеру. Я самъ не могъ ѣхать въ Петербургъ отъ худаго здоровья. Вашъ истинно вѣрноподданный

Н. Карамзинъ.

Царское Село
8 Ноября 1824.

34.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Voici un paquet que je vous avais adressé hier matin, mais dans la demie heure que j'ai mise à vous écrire, l'eau avait entouré le palais au point qu'on ne pouvait plus en sortir. Nous nous portons bien, l'Emp. et moi et tout le reste des habitans du palais d'hiver, mais nous sommes bien affligés et émus de l'épouvantable calamité d'hier et surtout de ses suites. J'aurais désiré que vous eussiez pu l'ignorer, et je voulais vous écrire aujourd'hui, mais les expéditions étaient difficiles ce matin, car tout ce qui tient à l'écurie a été envoyé au bout de la ville. Je suis désolée de vous savoir malade. Ménagez vous de grâce. Je n'ose pas vous en dire d'avantage, afin de ne pas arrêter trop longtems votre envoyé.

Samedi, 8 Nov.

35.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Отъ глубины сердца благодарю Васъ; каждое Ваше слово до него доходитъ. Буду спокойнѣе, когда узнаю, что Вы по крайней мѣрѣ менѣе кашляете. Отъ бѣдствія общаго мысли мои непрестанно обращаются къ Вашему нездоровью. Надѣюсь на Вашу твердость, но боюсь Вашей чувствительности въ такомъ горестномъ случаѣ. Прошу не Васъ, а Бога хранить Ваше здоровье. Судьба удалила меня отъ зрѣлища ужаснаго; но не знаю, что больнѣе: видѣть или воображать. Сколько жертвъ, сколько отчаянія! Желаю скорѣе быть въ городѣ, то есть ближе къ Вамъ, чтобы всякой день знать, какъ Вы себя чувствуете. Меня задерживаетъ здѣсь старая, подновленная простуда, хотя и не важная болѣзнь. Всѣ мои здоровы, и вмѣстѣ со мною горюютъ. Каждый порывъ вѣтра насъ тревожитъ. И здѣсь видимъ слѣды разрушенія: нѣсколько сотъ деревьевъ лежитъ на землѣ вверхъ корнями. Странно, что никто изъ насъ, слушая третьяго дни ревъ бури, не вздумалъ о наводненіи: мы боялись только за мореплавателей. Видно, что временныя бѣдствія для государствъ и городовъ такъ же естественны и необходимы въ здѣшнемъ свѣтѣ, какъ временныя болѣзни для людей; видно, что Петербургу назначено бѣдствовать два раза въ вѣкъ отъ наводненій.

Любезнѣйшему Государю теперь не до насъ, Царскосельскихъ; иначе я попросилъ бы Васъ сказать Ему, что садъ мало потерпѣлъ отъ бури; паркъ гораздо болѣе; но когда приберутъ сломленныя и вырванныя деревья, то опустошеніе не очень будетъ за-

мѣтно. Все загладится временемъ. Лишь бы нашъ Царь былъ здоровъ.

И Вы, и Вы! къ Вамъ привязана душа моя, а душа нетлѣнна. Кажется, что я люблю Васъ еще болѣе, нежели прежде; и какъ Вы равно милостивы ко мнѣ и къ женѣ моей, такъ мы оба нераздѣльны въ нашемъ общемъ нѣжномъ къ Вамъ чувствѣ.

Не скрою отъ Васъ моего сердечнаго желанія: какъ бы я хотѣлъ еще черезъ нѣсколько дней получить отъ Васъ милую строку единственно о Вашемъ здоровьѣ!

Мысленно цѣлую Вашу руку, повергая себя къ Вашимъ ногамъ съ женою и съ дѣтьми. Богъ съ Вами и съ нами! На вѣки преданный Вамъ

Н. Карамзинъ.

Царское Село,
9 Ноября 1824.

36.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je suis bien impatiente d'avoir des nouvelles de votre santé, Monsieur, et vous prie pour peu que l'écriture vous incommode de ne me faire dire qu'une réponse verbale. Vous aurez prévu d'avance que l'Emp. ne peut pas quitter Pétersbourg dans ce moment. Nous avons passé de tristes journées depuis celle de vendredi, comme il fallait s'y attendre. Chaque jour fesait découvrir de nouveaux détails plus affligeans les uns que les autres. Combien vous même, vous en souffrirez! Ma santé va toujours de même; je ne vois pas de terme à ma toux, mais tôt ou tard il arrivera.

Je vous fais encore mille excuses du désordre de mon billet de l'autre jour. Surtout je suis peinée de n'avoir

pas su vous exprimer toute ma sensibilité de votre sollicitude pour nous. L'Emp. l'a sentie aussi profondément que moi. Jamais je ne pourrai vous l'exprimer à mon gré. Il doit me suffire d'espérer que vous connaissez mes sentimens assez pour n'en jamais douter.

E.

Pétersbourg.
Lundi 10 Nov.

37.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Какъ сладко чувствовать и съ любовію изъявлять Вамъ признательность, хотя и не могу выразить всего, что чувствую! Нѣкогда я Васъ угадывалъ, уже давно знаю, но все еще, кажется, узнаю съ новой стороны, чтобы тѣмъ болѣе любить Васъ.

Слѣдственно не могу быть спокойнѣе: этотъ кашель отзывается у меня въ сердцѣ.

Хожу съ завязанною головою отъ сильной въ ней боли. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что 14 Ноября будемъ въ городѣ.

Пока живъ
преданный Вамъ
Н. Карамзинъ.

Царское Село
10 Ноября

1825 г.

38.

Пріимите сердечное поздравленіе и желаніе совершеннаго здоровья отъ нездороваго. Это желаніе есть ежедневная, утренняя и вечерняя молитва наша, моя и жены моей; но сегодни чувствуемъ его еще живѣе.

Вы любимы и любите: живите же какъ можно долѣе: то есть, какъ можно долѣе заслуживайте на землѣ Небо! Чѣмъ долговременнѣе служба, тѣмъ болѣе и награды.

Мнѣ грустно, что въ нынѣшній торжественный день не могъ я нарядиться, выѣхать и видѣть Васъ, по крайней мѣрѣ быть въ преддверіи Вашего кабинета. Впрочемъ я только-что не совсѣмъ здоровъ; душа моя свѣтла: праздную!

Заключу прозьбою о милости: сказать Государю, что Карамзины, мужъ и жена, усердно поздравляютъ Его со днемъ Вашего рожденія.

13 Генв. 1825.

39.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'apprends avec infiniment de peine, Monsieur, que vous ne vous portez pas bien et ce sentiment prédomine trop en moi pour que je ne vous l'exprime pas avant ma reconnaissance pour le souvenir si bon, si affectueux, que vous donnez à mon jour de naissance. Je vous remercie de ce que vous me dites et je reconnais que vous avez raison: il faut travailler pour mériter et il y a de la paresse à désirer d'abréger l'ouvrage. Il en sera ce qu'il plaira à Dieu; qu'Il daigne au moins conserver ceux dont l'amitié et l'affection font encore la nourriture de mon ame. Vous sentez que ce voeu vous impose aussi des obligations.

Je remplirai la commission, dont vous me chargez pour l'Emp. Veuillez remercier Madame Karamsine de la part qu'elle a dans les sentimens que vous m'exprimez, et portez vous bien, je vous en prie; du moins ne négligez rien de ce qui tient à votre santé.

E.

Mardi, 13 Janvier.

40.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Мысленно цѣлую Вашу руку за ея любезнѣйшее начертаніе. Сокровище къ сокровищамъ и благодарность къ благодарности! Да исполнитъ Богъ мою молитву объ Васъ, а я радъ исполнять Ваше милостивое приказаніе и жить, пока Ему угодно.

Н. Карамзинъ.

13 Генв. 1825.

41.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

J'ai beaucoup regretté, Monsieur, d'avoir manqué aujourd'hui l'occasion de vous voir. Vous savez, que votre présence me fait toujours plaisir, et j'ai de plus des remerciemens à vous faire de l'aimable attention que vous avez eu de m'envoyer le nouveau poëme de Pouchkine. Cette lecture m'a amusée; en attendant que nous puissions en parler, veuillez recevoir ici tous mes remerciemens. Du matin au soir chaque jour nous sommes dans l'attente d'un événement (*) dans lequel je dois jouer un rôle si mes forces me le permettent; par cette raison je ne dispose pas de mon tems d'avance. Mais dès que le moment sera passé, ce qui ne saurait tarder, je vous demanderai un jour et une heure fixe et pour moi toute seule. Portez vous bien jusque là, je vous en prie, de même que tous ceux qui vous sont chers.

E.

Lundi, 23 Fevr.

(*) Въ 25 день Февраля послѣдовало рожденіе Великой Княжны Маріи Михаиловны. *Прим. Изд.*

Je m'aperçois que grâce à la delicatesse de mon langage mon billet pourrait s'appliquer à une conspiration aussi bien qu'à une couche, et comme je n'aime pas les choses à double entente, je vous prie de le bruler.

42.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Меня не было дома, когда принесли Вашу любезнѣйшую записку, *двусмысленную*: я разсмѣялся, и тѣмъ болѣе дорожу ею. Она можетъ сгорѣть развѣ въ пожарѣ, вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ живемъ. Жаль, что Вы означили въ припискѣ le mot de l'énigme, и такимъ образомъ устранили любопытную догадку какого нибудь ученаго Комментатора вѣковъ будущихъ!

Ждемъ пушечныхъ выстрѣловъ. Дай Богъ, чтобы все благополучно кончилось, а Вы какъ можно менѣе безпокоились и какъ можно болѣе обрадовались, безъ малѣйшаго вреда для Вашего здоровья драгоцѣннаго!

Вы два раза выѣзжали: надѣюсь, что выѣдете и въ третій, съ удовольствіемъ и съ пользою. Время сегодни еще пріятнѣе вчерашняго.

Всѣмъ семействомъ повергаемъ себя къ Вашимъ стопамъ. Какъ ни желаю щастія видѣть Васъ, но еще болѣе желаю знать, что Вы здоровы.

Душею и сердцемъ Вамъ преданный

Н. Карамзинъ.

24 Февр.
1825.

43.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je m'adresse à mon tribunal suprême pour la langue russe afin qu'il prononce sur un point de litige entre moi et un Russe de naissance, mais dont le style n'est pas sans appel pour moi. Voici le fait: je donne à la Bibliothèque de l'Académie Medico-Chirurgicale des ouvrages qu'on a désiré, et les chefs mettant du sentiment à cette affaire m'ont prié d'inscrire qnelques lignes de ma main sur le premier feuillet. Vous voyez qu'il s'agit pour moi de passer peut-être à la postérité, et je désire que cela soit de la manière la moins défavorable. Que ceci me serve d'excuse de ce que je vous ennuie de minuties. On m'engage à écrire: *Библіотекѣ Имп. Медико-Хирургической Академіи въ знакъ всегдашняго и искренняго моего доброжелательства,* et il me semble que le dernier mot n'est pas assez précisé, parce qu'on peut demander s'il a rapport à la Bibliothèque, à l'Académie ou à quelque autre objet? Si je me trompe, corrigez moi, ce sera m'instruire. Je croyais qu'il vaudrait mieux dire — *искренняго моего доброжелательства къ сему заведенію,* или *къ успѣхамъ сего заведенія.* Je le croyais, mais je n'ose pas disputer contre quelqu'un qui sans doute connait sa langue mieux que moi, et je demande votre appui ou votre correction; l'un ou l'autre me seront bien agréables parce qu'ils m'éclaireront également.

Mille et mille pardons, Monsieur, de mon indiscrétion; si vous trouvez ennuyeux d'écrire sur un sujet semblable, passez chez moi, je vous prie, vendredi pour me répondre verbalement. J'aurai double profit de ma question.

E.

Mercredi, 11 Mars.

44.

L'Empereur me charge, Monsieur, de vous exprimer sa reconnaissance pour le manuscrit que vous lui avez envoyé par mon entremise; il ajoute qu'il vous devra une lecture agréable et instructive pendant son voyage. Comme il me dit qu'il compte, s'il en a le tems, vous écrire, pour vous remercier lui même, peut-être le courrier arrivé hier vous a-t-il apporté sa lettre et je ne fais que vous répéter ce que vous savez déjà. Toutefois vous ne m'en voudrez pas de mon empressement dont vous reconnaitrez le motif.

Veuillez finalement mettre le comble à l'interêt que vous témoignez toujours à Mlle Pluskoff en lui fesant savoir qu'il ne dépend que d'elle de venir habiter ici son ancien appartement sous la colonnade, celui du nouveau palais ayant été demandé pour la suite du G. D. Nicolas.

Ne me répondez pas, Monsieur, vous êtes occupé, vous souffrez de la chaleur, et je connais le prix de chaque trait de plume dans ces circonstances. Je joins ici un des rapports de Wylié que vous aimez à lire.

E.

Vendredi, 29 Mai.

45.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

По моему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, я какъ мятежникъ Васъ не слушаюсь — и пишу.

Сто разъ цѣлую Вашу милую ручку, благодаря сердечно и Васъ и Царя. Письма ко мнѣ не было; но любезное слово, черезъ Васъ сказанное, стоитъ письма особеннаго.

Дай Богъ здоровья и нашему ученому Вилье за такое удовлетворительное врачебное донесеніе! На сей разъ оно не такъ учено слогомъ, но прекрасно содержаніемъ.

Тотчасъ напишу къ Плюсковой. Это утѣшитъ ее въ горѣ.

Желаю, чтобы Вы лучше моего сносили жаръ. Могу только за другихъ радоваться Италіянскому лѣту. Но все хорошо въ свѣтѣ, какъ послѣ узнаемъ.

Еще цѣлую Вашу ручку. Богъ съ Вами и съ нами!

Вашъ

Карамзинъ.

29 Мая.

46.

Желаю добраго утра. Если Вы не читали и желаете читать эту Ламартинову новость, то оставьте у себя.

Вѣрнѣйшій изъ подданныхъ

Карамзинъ.

3 Іюня.

47.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Mille remerciemens, Monsieur, de votre souvenir et de votre aimable attention. Je n'ai pas lu encore cette dernière production de La Martine, mais je desirais la lire.

Permettez-moi de profiter de cette occasion pour demander par vous à Madame Karamsine de me faire le

plaisir de venir chez moi demain après-diner à six heures, si toutefois rien ne l'en empêche. J'espère aussi que de mon côté aucun obstacle imprévu ne viendra contrarier la satisfaction que je me promets de la revoir chez moi.

E.

Jeudi, 4 Juin.

48.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Становлюсь на колѣни и винюсь въ винѣ неумышленной. Вы думали вчера (какъ сказалъ мнѣ Государь) что я приду—а я не пришелъ! вотъ мое оправданіе: я надѣялся имѣть щастіе видѣть Васъ послѣ Вашей прогулки, но единственно въ такомъ случаѣ, когда бы Государь еще не возвратился; свѣдавъ же, что Онъ уже здѣсь, и зная, что Вы обыкновенно бываете съ Нимъ въ это время, я остался дома, не воображая, что Каммердинеръ могъ доложить Вамъ о словѣ, произнесенномъ мною въ полголоса, и которое было для меня только мыслію. Теперь же молю о великодушномъ прощеніи неосторожнаго, разсѣяннаго, *ветхаго* Исторіографа (это прибавляю для того, чтобы Васъ разжалобить); а въ наказаніе себѣ смиренно требую, чтобы Вы никакъ не отвѣчали ни полустрокою: тогда буду спокоенъ. Сегодни не смѣю къ Вамъ явиться, зная, что у Васъ будетъ довольно гостей, и что Вамъ нужны силы.

Встаю на ноги, но поклонившись Вамъ въ землю

всеподданнѣйшій

Карамзинъ.

Въ Субботу
11 Іюля.

49.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je ne puis laisser sans réponse votre aimable billet qui m'a dedommagée du désapointement, que j'ai éprouvé hier; j'étais sûre cependant avant que vous ne me le disiez qu'il ne pouvait provenir que d'un mésentendu ou d'une bonne intention de votre part. Malheureusement je ne puis vous demander ni pour aujourd'hui, ni pour demain, de venir chez moi, mais passé dimanche, si je n'ai pas succombé à la réjouissance qu'occasionne le baptême (*), j'espère que vous ne remettrez pas trop longtems à venir me voir.

E.

50.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ (**).

Вы доѣхали, какъ пишутъ, благополучно: слава Богу! Ждемъ дальнѣйшихъ вѣстей съ надеждою на дальнѣйшую милость Божію. Мы ежедневно слѣдовали за Вами по картѣ: теперь остановились глазами на берегу Азовскомъ, но еще не совсѣмъ успокоились. Какъ будетъ дѣйствовать на Васъ тамошній климатъ? Хотѣлось бы все знать и видѣть. Что ни скажутъ, что ни напишутъ, а все чего-то не достанетъ. Одинъ взоръ на Васъ сказалъ бы мнѣ гораздо болѣе. Къ не-

---

(*) Крещеніе Великой Княжны Александры Николаевны, въ воскресенье 12 Іюля. *Прим. Изд.*

(**) Ни этого письма, ни слѣдующаго подъ № 52, не отыскано въ подлинникѣ. Оба напечатаны съ оставшихся копій. *Прим. Изд.*

щастію, воображеніе не замѣняетъ глазъ для сердца: замѣнимъ все теплою молитвою!

Знаемъ, что Вы, кромѣ удовольствія видѣть хорошій край Россіи, для Васъ новый, имѣли въ пути еще живѣйшее удовольствіе, хотя для Васъ уже и не новое: видѣть, какъ любятъ Васъ Русскіе! Не могу сердиться на ихъ нескромность въ такомъ случаѣ, какъ ни желаю для Васъ покоя и *равнодушія здороваго* (говоря языкомъ философическихъ Медиковъ). Кого любятъ добрые люди, того любитъ и Богъ, отъ котораго еще болѣе, нежели отъ климата и покоя, зависитъ Ваше здоровье.

Если бы здѣшняя погода могла имѣть какую нибудь связь съ Таганрогскою, то я бы безпрестанно смотрѣлъ на небо и на барометръ, чтобы знать или угадывать состояніе Вашей атмосферы; но отдаленность уничтожаетъ всякую симпатію между Азовскою и Невскою природою. У насъ холодно и мрачно: у Васъ, надѣюсь, тепло и свѣтло. Желаю, чтобы Вы могли еще и поѣздить вокругъ Таганрога, если осень хороша, и если движеніе благопріятно для Вашего здоровья: живописная Таврида не далеко. — Я, домосѣдъ, ничего не видалъ; но умѣю воображать красоту ея горъ и долинъ. — Каковъ видъ Азовскаго моря? Представляю себѣ, что Вы, сидя подъ окномъ Вашего кабинета, смотрите на его зыбь или кипѣніе, держите въ рукахъ книгу, читаете, и снова устремляете взоръ на царство Нептуново! Не боюсь за Васъ скуки: съ Вами Государь, Природа, книги и дѣятельность Вашей души съ богатствомъ мыслей и воспоминаній. У Васъ досугъ безъ праздности; а досугъ есть наслажденіе для такого сердца, какъ Ваше. — Дай Богъ только здоровья, здоровья!

Вы такъ ко мнѣ милостивы, что скажу и о своемъ: чувствую себя лучше, и, кажется, уже не худѣю. Хожу пѣшкомъ и ѣзжу верхомъ неутомимо. Дни ясные меня развеселяютъ: любуюсь Царскимъ Селомъ, садомъ, паркомъ, и не завидую Италіи. Мы безпокоились о Сонюшкѣ, которая была нездорова: теперь, слава Богу! покойны. Ввечеру занимаемся чтеніемъ, и жалѣемъ что вечера не длиннѣе. Занимаемся также экзаменами нашихъ двухъ сыновей. Андрей удивляетъ насъ своимъ понятіемъ: Географія свѣта у него на ладони, Ариѳметика и Грамматика въ головѣ, Исторія въ памяти и въ умѣ. Улыбнитесь на счетъ родительскаго энтузіазма: мнѣ кажется, что я еще никогда не видывалъ такихъ учениковъ не только десятилѣтнихъ, но и пятнадцатилѣтнихъ! Передаю Вамъ свое живое чувство, и также не безъ меланхоліи: мнѣ и отъ радости бываетъ грустно!

Но боюсь утомить Васъ письмомъ, какъ нѣкогда боялся утомлять разговоромъ. Пріимите изъ глубины нашихъ сердецъ увѣреніе, что мы любимъ Васъ, какъ только умѣемъ любить: я и жена моя нераздѣльно, а дочери и сыновья по ихъ лѣтамъ. Съ умиленіемъ вспоминаемъ минуту прощанія! Мысленно, и съ нѣжнѣйшимъ чувствомъ, цѣлую Вашу милую руку, желая весною дѣйствительно поцѣловать ее — и съ радостію! Ваше искреннее благоволеніе конечно составляетъ для меня одну изъ прелестей моей жизни вечерней. Богъ съ Вами!

На вѣки Вашъ

Н. Карамзинъ.

Царское Село,
6 Окт. 1825.

Осмѣливаюсь приложить письмо къ Государю.

51.

Отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je n'aurais assurément pas passé quinze jours sans vous remercier, Monsieur, du plaisir que vous m'avez fait par votre lettre du 5 Oct., si bientôt après l'avoir reçue, la nouvelle de la mort de mon beaufrère (*) n'était venue me troubler assez pour m'ôter pendant quelque tems la liberté d'esprit que je désirais avoir en vous écrivant. Ma santé n'a pas souffert de cette peine inattendue, et je vous le dis, afin de vous prouver que je sais reconnaître l'amitié et l'intêret que vous me témoignez si constamment et que je retrouve encore dans toute votre lettre. Je voudrais vous remercier de chaque mot et m'y arrêter pour vous répondre, vous dire combien je vous suis obligée de ce que vous me parlez de votre santé et de ce que vous me donnez par écrit les détails sur votre famille que je suis habituée à recevoir de vous en conversation. Je me réjouis des bonnes dispositions de vos fils et ne crois pas à de la partialité dans votre jugement. Si la tendresse aveugle certains parens, elle en rend d'autres trop difficiles quelquefois et vous pourriez bien plutôt pencher de ce côté là. La santé de Mademoiselle Sophie m'a donné de l'inquiétude par ce que m'en disait la P^sc^ Marie. Je suis tout-à-fait rassurée maintenant que vous l'êtes. Veuillez dire mille choses de ma part à vos deux filles. Pour Madame Karamsine, je lui adresse tout ce que je vous dis et ne saurais la séparer de vous en rien.

Votre lettre m'est parvenue deux jours avant le départ de l'Empereur pour la Crimée; il m'a chargée de vous faire ses remerciemens pour celle que vous lui ad-

(*) Короля Баварскаго Іосифа Максимиліана. *Прим. Изд.*

ressez, et de vous dire que son voyage retardera sa réponse. Il sera de retour j'espère dans 3 jours après une absence de plus de quinze; j'ai éprouvée ainsi la privation d'un des biens dont votre sollicitude pour moi fesait la juste énumération. Il m'est resté la Nature qui offre encore de bien beaux jours, mes livres qui me font souvent penser à vous et avec reconnaissance, et mon imagination qui marche en différens sens. Cette mer d'Asof dont vous me demandez des nouvelles a des momens de grande beauté. La vue de Taganrog qu'on trouve dans l'ouvrage de Pallas ne donne qu'une idée très imparfaite de son site pittoresque. Ses belles teintes du midi que j'ai plus d'une fois admirées sur la mer et au ciel, jointes à quelques localités et aux figures orientales qu'on rencontre à chaque pas, m'ont fait penser à Byron; un rivage escarpé, d'anciennes fortifications, des navires dans une baie, des matelots grecs ou turcs avec des figures rebarbatives, voilà les décorations de la plupart de ses poëmes, et du haut d'une terrasse sur le mur de notre jardin, d'où je vois tous ces objets, il me semblait comprendre ses inspirations.

Ma prochaine lettre accompagnera l'envoi du roman de Walter Scott que je dois à votre complaisance. Je n'ai pas pu le lire en voyage, mais il m'a procuré ici des momens bien agréables.

Il me faut enfin vous parler de ma santé avant de finir ma lettre; je crois que vous seriez assez content de mon visage et il me semble depuis quelque tems que je gagne des forces. La suite du tems me permettra, j'espère, de parler plus positivement encore. Je n'ai pas osé risquer cependant un voyage en Crimée, qui, toute rapprochée qu'elle paraisse, est encore à 500 verstes d'ici. J'ai en perspective une tournée dans ce beau pays

le printems prochain avant que de retourner à Pétersbourg. Si Dieu daigne permettre la réussite de mes ésperances, je vous rapporterai alors à Zarskesélo tous mes souvenirs de différens genres. En attendant puissent mes voeux pour vous et les vôtres être exaucés, et le Ciel vous comblera tous de ses bénédictions.

E.

Taganrog, 2 Novembre
1825.

52.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Пишу, не надѣясь и даже не смѣя желать, чтобы Вы это читали. Кто дерзнетъ быть Вашимъ утѣшителемъ? или говорить Вамъ о своей печали? Мы любили Государя; но что наша скорбь передъ Вашею? Не имѣю силъ вообразить, что дѣлается въ Вашемъ сердцѣ, и что свыше человѣчества. Есть Богъ! это уже послѣднее для Васъ испытаніе и начало бытія неземнаго. Такъ думаю въ утѣшеніе самому себѣ. Сердце, столь ужасно сокрушенное, въ глубокой тьмѣ здѣшняго міра уже не освѣщено ли какимъ нибудь таинственнымъ лучемъ Неба? Не питается ли чѣмъ нибудь сокровеннымъ, для насъ непонятнымъ? Достигаю до Васъ только молитвою безмолвною: нѣтъ словъ, нѣтъ и мыслей. Чего просить отъ Бога для Васъ? Но молюся: однимъ чувствомъ любви, яснымъ для Того, Кто посылаетъ намъ страданія, чтобы очистить насъ безъ сомнѣнія для блаженства, которое, можетъ быть, уже извѣстнѣе Вамъ нежели мнѣ. Никогда Вы не были

для меня такъ велики и лучезарны, какъ нынѣ. Повергаюсь къ Вашимъ ногамъ съ слезами, смиреніемъ и все еще съ прежнею любовію. Гдѣ нибудь Васъ увижу, и вездѣ ближе къ Богу, Котораго судьбы не всегда будутъ для насъ неисповѣдимы. На вѣки Вашъ

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ,
4 Декабря 1825.

1826 г.

53.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Vous avez été un des premiers à m'exprimer votre propre douleur, Monsieur, et l'interêt que vous prenezà la mienne. Je ne pouvais que m'attendre de votre part aux sentimens que j'ai trouvé dans votre lettre; je l'ai reçue et lue avec reconnaissance, mais je ne sentais dans ces momens-là que le mal qui déchirait mon ame. Maintenant que je puis mieux me figurer l'état de la vôtre et me retracer l'amitié que j'ai toujours rencontrée en vous, c'est un besoin pour moi de vous dire que je ne suis pas ingrate, que quelque bouleversement qu'ait éprouvé tout mon être, rien ne pourra jamais assez fermer mon coeur pour me faire oublier l'amitié et la bienveillance que vous m'avez toujours témoigné et pour ne pas vous rendre ces sentimens du fond de mon ame. Je m'adresse à Madame Karamsine aussi bien qu'à vous, Monsieur; vous savez que je ne vous sépare pas.

Que vous dirais-je de plus à mon sujet? Il n'y a rien à dire. J'ignore si, où, quand je vous reverrai dans ce monde. Que le Ciel vous préserve de tout mal et de toute peine particulière. Croyez, que quand même je ne

vous reverrais pas, mes sentimens pour vous, ici, et j'éspère dans l'éternité aussi, seront toujours les mêmes

Elisabeth.

Taganrog, 9 Fevrier 1826.

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ

БЕЗЪ ОЗНАЧЕНІЯ ГОДОВЪ.

54.

От Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Жизнь коротка, и тѣмъ живѣе чувствуемъ ея пріятности; тѣмъ живѣе чувствую Вашу, если смѣю сказать, *любезность*: это слово можно, думаю, употреблять и въ самомъ высокомъ смыслѣ! Воображеніемъ цѣлую Вашу милую ручку, въ надеждѣ поцѣловать ее существенно черезъ нѣсколько часовъ, какъ Вы дозволяете.

Вѣчно Вашъ

Октября 2-го. *Н. Карамзинъ.*

55.

От Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Карамзину.

Je suis bien fâchée de ne m'être pas trouvée chez moi hier lorsque vous êtes venu me voir, Monsieur. Quoique je doive aller à Pawlowsky cet après-diner, je crois être de retour à sept h. et demi, et vous en préviens dans l'espoir que vous serez disposé à me faire le plaisir de revenir aujourd'hui.

Je vous prie de ne pas répondre à mon billet, ce serait interrompre vos occupations. Un *хорошо* me suffira.

E.

56.

J'ai extrêmement regretté, Monsieur, de n'avoir pas pu vous remercier moi-même ce matin de la lecture intéressante que vous m'apportiez. Je ne pouvais pas vous recevoir dans ce moment-là, et je n'osais pas vous arrêter. Je joins ici la lettre de votre frère que j'ai lue avec beaucoup de plaisir. Vous êtes probablement à Gatchina à l'heure qu'il est, mais vous trouverez à votre retour mes remerciemens et ma prière de venir chez moi un de ces soirs; quoique je sois encore très peu propre à la conversation et d'assez ennuyeuse société à cause de ma toux, je compte sur votre indulgence,car réellement il y a de l'indiscrétion à vous demander de venir chez moi.

E.

57.

J'ajoute un mot à mon paquet préparé depuis ce matin et vous remercie de votre lettre si bonne, si touchante que j'ai reçue par la poste il y a deux heures. Il est bien vrai, et ce n'est pas la première fois que je l'éprouve, que les circonstances affligeantes dans la vie, rapprochent ceux qui s'aiment véritablement. Si dans quelques jours vous n'êtes pas à Pétersbourg, je remplirai votre désir en vous écrivant.

58.

Je quitte Zarskesélo demain, et je ne puis renoncer à l'habitude de dire adieu à Mde Karamsine et à vous, Monsieur, que j'y laisse toujours après moi. Permette moiz

donc de reclamer cette habitude et faites moi le plaisir si c'est possible de venir chez moi tous les deux ce soir à sept heures. Si par hasard quelque empêchement s'y opposait de votre part, c'est à Pétersbourg que je vous demanderais de m'en dédommager.

E.

Je reçois à l'instant votre billet et suis charmée de voir que nous nous sommes devinés.

57.

Je ne dois pas être surprise de votre aimable attention à me procurer une lecture que je désirais, mais je vous en dois des remerciemens que je vous fais de mon coeur, en vous promettant que je mettrai la plus grande hâte à lire ces deux petits volumes. Encore une fois mille et mille remerciemens.

E.

58.

J'ai été bien fâchée d'apprendre hier à mon retour de Pawlowsky, que j'ai manqué l'occasion de vous voir, Monsieur; ne serait-il pas indiscret de ma part de vous prier de m'en dédommager demain aprés la messe? Je sais que vous n'aimez pas à sortir le matin, mais je me rappelle aussi que plus d'une fois vous êtes venu chez moi le dimanche à cette heure-là, et ce souvenir m'a encouragée à vous demander ce moment avant mon départ pour Peterhoff. Je joins ici l'ouvrage de Cochrane que vous avez été curieux de parcourir, et vous prie, si vous le terminez avant mon retour, de l'envoyer à Mr Stoffregen qui reste ici.

E.

59.

L'arrivée du Pr. de Mecklembourg qu'on attend ce soir m'oblige, Monsieur, de renoncer au plaisir que je me promettais de vous voir; j'en ai d'autant plus de regret que ne prévoyant pas les projets qui pourront exister pour les premiers jours de la semaine prochaine, je ne saurais choisir un jour pour vous prier de me dédommager. Je me flatte cependant que j'en aurai plus d'un à ma disposition et qu'incessamment nous pourrons reprendre nos occupations. En attendant je joins ici les feuilles de ma dernière traduction pour vous prouver que je n'ai pas perdu mon tems. J'éspère aussi qu'avant peu vous me donnerez, Monsieur, de bonnes nouvelles de Madame Karamsine.

E.

60.

Отъ Карамзина къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

Что нашелъ, то и посылаю: три рисунка; другіе представляютъ нарядъ мужчинъ. — Вчера я не засталъ А. Н. Оленина: ожидаю его къ себѣ. Между тѣмъ вотъ описаніе наряда Русскихъ Боярынь 1590 года.

«На головѣ сѣтка шелковая, красная, и повязка «(fronteau); сверху шапка съ опушкою, съ жемчугомъ «и съ драгоцѣнными каменьями; въ ушахъ золотыя «серьги съ яхонтами, изумрудами и проч., на шеѣ «ожерелье жемчужное; верхняя одежда изъ краснаго «сукна съ широкими рукавами, которые висятъ до земли «и застегнуты большими золотыми пуговицами; подъ «верхнею одеждою кафтанъ бархатный съ надѣтыми

«рукавами, коихъ нижняя половина, отъ локтя до кисти, «бываетъ обыкновенно изъ золотой парчи; подъ кафта-«номъ ферезь (родъ сарафана) изъ тафты; на рукахъ «запястья, или браслеты; на ногахъ сапожки, изъ жел-«таго, или краснаго, или голубаго сафьяна, вышитые «жемчугомъ.»

Французъ Маржеретъ около 1608 года писалъ о нарядѣ Русскихъ Боярынь:

Elles sont habillées d'une robe longue, aussi large aux épaules que par le bas, ordinairement d'écarlate ou de quelque beau drap rouge, dessous laquelle elles ont une autre robe de quelque étoffe de soie avec de grandes manches larges de plus d'une aune de Paris; sur le devant les manches sont de quelque drap d'or d'un tiers d'aune de longueur, un bonnet sur la tête en broderie de perles. Puis elles portent toutes un collier de perles de quatre bons doigts de largeur, et des pendants d'oreilles qui sont fort longs; elles sont chaussées de bottes de maroquin rouge et jaune, le talon de trois doigts de haut, ferré comme les bottes des Polonais. Elles se fardent toutes, etc.

Въ 1590 году Царица Ирина Ѳеодоровна была такъ одѣта:

«На головѣ корона о двѣнадцати зубцахъ; одежда «широкая бархатная до земли; сверхъ одежды мантія, «осыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.»

Повергаетъ себя къ Вашимъ стопамъ

Исторіографъ.

П. П.—А. Н. Оленинъ у меня былъ и съ усердіемъ все исполнитъ. Мы оба кладемъ перстъ на уста.

III.

ПЕРЕПИСКА СЪ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ ПАВЛОВНОЮ.

1810 г.

1.

От Великой Княгини Екатерины Павловны къ Карамзину.

Николай Михайловичь! Трудно было бы мнѣ изъяснить уваженіе, которое имѣю къ вамъ. Письмо ваше тѣмъ было для меня пріятнѣе, что подаетъ мнѣ случай сказать вамъ, сколько принимала я участія въ перенесенной вами болѣзни и сдѣланной потерѣ. Для душъ, подобно вашей, чувство быть полезнымъ Отечеству своему можетъ имѣть въ теперешнее время надъ вами сильное вліяніе; предавшись ему вы найдете новыя силы, и увѣреніе, что потомство будетъ благославлять каждый шагъ труда вашего, конечно облегчитъ и печаль вашу.

Прошу васъ и супругу вашу быть увѣренными въ искренномъ моемъ желаніи всякаго вамъ благополучія. Пребываю вамъ доброжелательною.

Екатерина.

2.

Тверь, 8 Іюня 1810 года.

Николай Михайловичь! Пріятенъ для меня каждый случай, когда могу быть съ вами въ сношеніи; пользуясь отъѣздомъ Князя Оболенскаго, возвращаю вамъ съ нимъ Записки Г. Порошина съ благодарностію. Весьма рада слышать, что здоровье ваше и семейства вашего

поправляется. Пожелавъ вамъ всякаго благополучія, прошу васъ быть увѣреннымъ въ истинномъ уваженіи, съ которымъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

3.

Тверь, 4 Ноября 1810.

Николай Михайловичь! Сегодня получила письмо ваше и спѣшу за оное благодарить васъ; не только съ удовольствіемъ желаю васъ видѣть, но и съ нетерпѣніемъ буду ожидать пріѣзда вашего; минуты, когда бесѣдуешь съ мужемъ достойнымъ, посвятившимъ дни свои единственно для пользы Отечества своего, суть такія, которыя не забываются и которыхъ повтореніе есть наипріятнѣйшее; чѣмъ скорѣе буду васъ видѣть у себя, тѣмъ болѣе Принцу и мнѣ сдѣлаете удовольствія; тогда познакомлю васъ съ сыномъ моимъ, для котораго сильнѣйшее мое желаніе есть, чтобъ нѣкогда и его имя могло быть помѣщено со славою въ Исторіи, васъ теперь занимающей. Пріимите увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи, съ которымъ пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

4.

Тверь, 14 Декабря 1810.

Николай Михайловичь! Не умѣю объясняться отборными словами, но вѣрьте, что умѣю цѣнить достоинства; ваше знакомство изъ рода такихъ, которыя, воз-

вышая душу, не забываются. Я читаю съ удовольствіемъ Записки Миниха, которыя нахожу весьма любопытными: жду съ нетерпѣніемъ *Россію въ ея гражданскихъ и политическихъ отношеніяхъ*. Прошу супругѣ вашей какъ отъ Принца, такъ и отъ меня кланяться. Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю вамъ

доброжелательная **Екатерина.**

1811 г.

5.

Тверь, 5-го Января 1811 года.

Николай Михайловичь! Съ благодарностію возвращаю вамъ Записки Миниха, которыя съ большимъ удовольствіемъ прочла; съ нетерпѣніемъ ожидаю васъ и *Россію*..... Естьли вы къ намъ послѣ 15 пріѣдете, то застанете вѣрно Константина Павловича. Черезъ нѣсколько часовъ мы отправляемся въ Ярославъ на четыре дни; сія есть причина, что болѣе къ вамъ писать не могу. Прошу поклониться отъ меня милой вашей супругѣ и быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ уваженіи.

Екатерина.

6.

Tver, ce 18 Février 1811.

Le Prince Basile m'offrant une occasion d'être en relation avec vous, Monsieur, j'en profite avec bien du plaisir, voulant vous réïtérer mes remercimens de toute la

complaisance, que vous avez eue pour moi et vous assurer de ma parfaite estime. Je vous envoye le reste de ma malheureuse traduction et vais dès demain commencer quelque chose de plus à ma portée, mais *sans dictionnaire*. Comme vous avez la bonté de vous intéresser à tout ce qui nous touche, je vous annonce que la lettre que j'attendais si impatiemment m'est parvenue ce matin à ma très grande satisfaction: car elle est une nouvelle preuve de la perfection de l'être que je veux que vous adoriez; il en est digne et vous en conviendrez quand vous l'aurez entendu; indirectement je viens d'entendre qu'il devait partir la semaine prochaine; ainsi donc, Monsieur, tenez vous prêt. Le général Doktoroff a été des notres aujourd'hui; c'est un bien excellent homme, dont le caractère est peint sur la figure, il est de votre et de notre avis, point d'effusion de sang. Le Prince vous fait mille amitiés; veuillez dire bien des choses de ma part à votre charmante femme; tous deux croyez à ma sincère amitié — sentiment avec le quel je serai toujours votre

dévouée **Catherine.**

7.

Tver, ce 8 Mars 1811.

Représentez vous la mine d'un écolier fautif, qui doit paraitre devant son maitre, et vous aurez, Monsieur, mon fidèle portrait; je ne vous ferai même pas une longue énumération de toutes les raisons d'excuses, que je pourrais avoir, je vous ai avoué mon tort. Vous êtes trop bon pour m'en croire moins zélée patriote. Voici le peu que j'ai fait d'après vos instructions. Les auteurs sont différens; votre bonté m'enhardit, et si peut-être je m'élance trop haut, vous me ramasserez dans ma chute.

Il est dit, Monsieur, que rien n'est stable dans ce monde, pas même une relation fondée sur la *sympathie*, l'estime et l'amitié, car vraiment votre dernière lettre a failli nous brouiller. Vous m'avez accusé sur un article où je n'entends pas plaisanterie et injustement. Toute la faute est de votre côté, car de but en blanc vous m'accusez *d'être une girouette*. Certes je ne mérite pas ce reproche et je vous le prouverai en restant la même en dépit de tout ce que vous pourrez dire.

Pendant que je vous écrivais ces lignes, je viens de recevoir un courier de ma mère avec la nouvelle que l'Empereur part le 12 au soir et sera donc ici le 14. Arrivez, Monsieur, venez, voyez et rendez les armes; du reste le courier nous a apporté la triste nouvelle que le Duc (*) a perdu et quitté son pays, mais nous ignorons encore, où il se rendra, et attendons quelqu'un de sa part à chaque instant; je m'abstiens de tout commentaire: votre coeur le fera et j'ai pleine confiance en lui. Avant de finir je ne veux pas manquer le but principal de ma lettre, et vous reparler de ce qui concerne le Pr. André Obolensky: mon mari lui a parlé cet après-midi: des raisons de famille l'empêchent à ce qu'il dit de se décider avant d'avoir consulté son père, d'autres de modestie le font douter de ses capacités; mais nous ne les admettons; mon mari vous prie donc, Monsieur, d'employer toute votre éloquence à déterminer le Prince dans une affaire qui l'interesse vivement, on ne peut s'empêcher de l'estimer en apprenant à le connaitre. Vous nous rapporterez sa réponse et viendrez le plutôt que vous pourrez, car malgré ce que vous en dites on vous aimera toujours ici, vous et votre char-

(*) Владѣтельный Герцогъ Ольденбургскій.

mante femme. Adieu, Monsieur, dans *quatre jours* je me flatte d'avoir le plaisir de vous voir, vous et Madame. Mes sentimens vous sont connus: ils sont invariables.

8.

St. Pétersbourg, ce 12 Avril 1811.

Malgré le peu de loisir que j'ai, Monsieur, je prends la plume pour vous remercier de votre aimable lettre. Vous m'avez fait peur en me menaçant de votre silence, j'espère que ces lignes changeront vos résolutions. J'ai vu Mr Dmitrieff et vous dois un accueil de sa part infiniment plus favorable que je ne croyais; selon mon habitude je lui ai dit ce que j'avais pensé de lui et nous nous sommes expliqués et j'ose croire entendus; le refrein habituel était toujours un mal horrible de vous. Peut-être n'ignorez vous pas que nous sommes réunis depuis le 1er de ce mois, ce qui nous comble de satisfaction. En voyant le Duc, on est dans le cas d'admirer le triomphe de la vertu, car sa fermeté est une chose admirable ainsi que l'égalité de son humeur. Notre cher Empereur est en parfaite santé; lui ayant dit que je vous écrivais, il m'a chargé de vous faire ses complimens. Le 19 nous partons pour notre bien aimée Tver, où le Duc nous joindra quelques jours après. Si vous voulez avoir une idée de notre genre de vie d'ici, pensez à celle des chevaux de poste qui n'ont aucun repos; vraiment on n'a pas même un instant pour rassembler ses idées. Mon mari vous dit mille choses, sa santé est très bonne, j'embrasse Madame de coeur et d'ame, et vous assure de ma constante amitié, étant votre

dévouée **Catherine.**

9.

Tver, ce 23 Avril 1811.

Etant arrivée avant-hier au soir, Monsieur, je profite de la première poste pour vous faire tenir la lettre que votre ami m'a remis pour vous; je vous accuse en même tems la reception de la votre que j'ai trouvé ici et qui m'a fait un grand plaisir; j'ai également retrouvé mon enfant avec une joie que vous comprendrez mieux que personne, vous qui savez sentir et aimer; il a extrêmement gagné en intelligence et en graisse, de façon que j'ai toute satisfaction au moral et au phisique; le 25 nous attendons le Duc et le Prince; et Monsieur et Madame Karamsine quand viendront ils? Si vous avez quelque crédit sur eux, faites moi le plaisir de l'employer en ma faveur, car mon impatience est extrême de les revoir. J'ai vécu dans le tumulte le plus assommant depuis un mois et le repos dans *ma bien aimée* m'en parait d'autant plus délicieux; dès demain les traductions et diverses occupations vont recommencer; j'ai besoin de rassembler mes idées, elles ont été tellement errantes ces tems-ci que je ne sais trop où les aller chercher. D'ici je ne puis vous rien dire, si non que nous avons un tems délicieux et que nous sommes fort occupés de l'arrangement des appartemens de nos chères visites; il y a des meubles qui n'arrivent pas et nous causent un bien grand mécompte, enfin *patience* c'est la vertu des sages et des sots, à ce que l'on prétend, je ne me permets pas de décider la question. Je crois que vous avez bien envie de me prier d'être aussi laconique, que moi de vous voir bavard en m'écrivant, mais que voulez vous? il y a de certains gens qui me rendent *pie*. Mon mari dit mille choses à l'aimable ménage; si je disais à Madame absolument

ce que je pense sur elle, Monsieur me renverrait promener; je me borne donc à le lui laisser deviner en l'embrassant de tout mon coeur. Comptez toujours sur ma considération distinguée.

10.

Tver, ce 25 May 1811.

Des personnes prétendues bien informées m'ayant dit, Monsieur, que pour le vingt nous aurions le plaisir de vous posséder ici, j'ai tardé à vous répondre et à vous remercier de vos deux aimables lettres; je viens d'apprendre que vous avez eu un enfant malade et je m'empresse de vous témoigner la part sincère que je prends à vos inquiètudes. En voyant l'écriture russe de mon maitre j'ai pris peur et ensuite il m'a fallu soutenir un combat: mon amour-propre luttait avec ma faiblesse, et, oh! honte, celle-ci l'a emporté; je pensais vous répondre en russe, mais je n'ose. Les traductions sont ajournées; je passe mes journées au sein d'une famille chérie et j'ose dire qui mérite de l'être, mais je dois vous avouer que sa présence nuit à l'étude. En appeler à l'homme sensible, à l'homme vertueux pour lequel aucune jouissance du coeur ne parait exagérée, à celui qui chérit la nature, c'est vous nommer. Soyez donc généreux et pardonnez moi de sacrifier au sentiment en dépit de la froide raison. Comme le *ténébreux Basile* vient d'être achevé, et que la petite famille est rétablie, permettez aux amis de revendiquer leurs droits; je veux que vous me deviez encore une bonne connaissance; le monde n'en fournit pas beaucoup de cette nature. Tout en vous rappelant vos engagemens je veux être juste, *venez si vous le pouvez sans vous gêner*; vous inspirer même momentanément un pareil sentiment me ferait

beaucoup de peine; j'exige de votre amitié de ne pas faire un pas qui ne vous convienne absolument. Recevez les complimens de mon mari. Madame Karamsine voudra bien me permettre de l'assurer, qu'elle n'a pas beaucoup d'amis qui lui veuillent plus de bien que je ne le fais. Conservez moi votre souvenir et comptez toujours sur le mien.

11.

Tver, ce 3 Juillet 1811.

Со страхомъ и трепетомъ беру перо; боюсь во первыхъ учителя, но боюсь еще вдвое, не оскорбила ли я пріятеля долгимъ моимъ молчаніемъ. Послѣ отъѣзда вашего и мы отправились на одиннадцать дней; въ В.-Волочкѣ я получила ваше письмо; мы страдали жаромъ и пылью, но, слава Богу, всѣ здоровыми пріѣхали домой; съ тѣхъ поръ кромѣ кисти, нѣтъ у меня ничего въ рукѣ, тороплюсь поспѣть съ работою для матушкина праздника; мы еще неизвѣстны, не поѣдемъ ли къ сему дню въ Петербургъ. Принцъ долженъ посѣтить Маріинской и Тихвинской каналъ; они близь столицы, нельзя ее миновать. Естьли сіе сбудется, то мы полагаемъ ѣхать 17, а возвратиться сюда 17 Августа.

Avouez moi, que voilà un grand effort; il n'y a que vous qui puissiez me le faire faire; savez vous, Monsieur, que vraiment je suis inquiète que vous ne m'en vouliez; ne le faites pas, ce serait injuste. Hier le Sénateur-Curateur K.... a diné chez moi, mais il a trouvé ma cuisine malsaine ayant dû y avaler deux plats fort indigestes — l'exposé de mon opinion et de mes sentimens pour vous et pour le Professeur Buhle; à cette occasion j'ai eu un grand plaisir en voyant que le méchant se trahit

lui même; sa phisionomie, ses actions, étaient en parfait contraste avec ses discours; il a dit mille biens de vous et de lui, mais il est de naturel trop sincère pour que personne y soit trompé. Nous vivons au reste comme toujours entre nous et paisiblement; je crains pourtant que bientôt le Duc et le Prince ne soyent dans le cas d'aller à Pétersbourg; j'ai fort envié à ce dernier la promenade qu'il a faite avec vous; peut-être un jour aurais-je la même satisfaction. Veuillez dire à ma chère Madame Karamsine que je l'aime beaucoup et la prie d'en faire autant à mon egard. Le Duc, le prince Auguste et mon mari vous font mille amitiés; pour moi, Monsieur, je vous assure d'une chose, c'est qu'il est impossible de vous désirer plus de bonheur et de vous vouloir plus de bien que je ne le fais. Ne m'oubliez pas et croyez à ma sincère amitié.

12.

Tver, ce 14 Juillet 1811.

Оставляя на мѣсяцъ милой свой городъ, не хочу сіе сдѣлать не откланиваясь учителю любимому; мы ѣдемъ на недѣлю въ Петербургъ, а потомъ по должности. Письмо ваше меня ободрило, но на подобіе блаженной памяти отставнаго бога Фаетона и я можетъ спотыкнусь; пріимите и изцѣлите раны, проще, простите ортографическія ошибки, хоть это не стихотворно. Всѣ сыны Отечества какого не были бы рода, читаютъ, размышляютъ, судятъ; *судебной Сенатъ* обширное поле имъ даетъ къ оному. По невѣжеству своему мнѣ кажется очень хорошо, кромѣ бездѣлицъ лишнихъ.

Суворова жизнь отъ Автора мнѣ прислана, страхъ высоко летаетъ. Вотъ мои всѣ новости.

Vous me faites faire des miracles par le désir que j'ai de vous complaire. Comme vous savez le prix que je mets à votre amitié, jugez du plaisir que votre lettre m'a fait; je vous en remercie de tout mon coeur; le Duc également m'a chargé ainsi que mon beau-frère de ses complimens; ils nous ont quittés avant-hier. Je voudrais être revenue, ce voyage ne m'est point une perspective agréable; à mon retour j'espére que mon maitre et mon ami voudra bien me faire une petite visite; mes amitiés à ma chère Madame Karamsine que j'aime de tout mon coeur. Pardon, si je finis déjà, mais une veille de départ on n'est pas trop libre. Ne m'oubliez pas et croyez à ma sincère amitié.

13.

Тверь, 17 Августа 1811.

Не медлю написать милому учителю, что его друзья третьяго дни возвратились въ тихой любезной Тверь.

Въ день отъѣзда изъ столицы получила письмо ваше; изъ удовольствія, изъ хвастовства показала его матушкѣ, которая очень была имъ обрадована и поручила мнѣ вамъ сіе сказать; нашъ Государь приказалъ вамъ много кланяться; какой Государь, какая душа! Сдѣлавъ велѣнное, буду теперь болтать. По плану нашему мы только недѣлю остались въ столицѣ; поѣхали на Маріинской каналъ, которой заслуживаетъ всякаго вниманія; природа человѣкомъ покоренная есть зрѣлище удивительное; я давно почитала Деволанта, но

Bayerische Staatsbibliothek München

теперь съ удивленіемъ на него смотрю; онъ соединяетъ искуство и скромность. Отъ Маріинскаго канала мы поѣхали къ Тихвинскому, которой такъ-же весьма полезенъ, но не столь величественъ.

Теперь возвратились мы къ маленькому, которой насъ принялъ съ тремя зубами, которые онъ весьма легко сдѣлалъ; завтра ему годъ минуетъ; для насъ это большой праздникъ. Вашъ другъ Дмитріевъ желаетъ васъ видѣть въ Петербургѣ, но еще болѣе себѣ желаетъ быть въ Москвѣ; какъ бы вы ни рѣшились, но прошу насъ не забыть; и *Темный* и *сынъ* его кончены безсумнительно, вамъ нужно отдыхать; пріѣзжайте къ друзьямъ нетерпѣливымъ васъ видѣть и бесѣдовать. Много новаго: мнѣ не слѣдуетъ рѣшить, успѣхъ вѣнчаетъ ли предпріятіе. Въ Сентябрѣ Герцогъ къ намъ будетъ; Принцъ на этихъ дняхъ поѣдетъ въ Ревель; въ прочемъ наша жизнь все по старому.

Permettez moi, Monsieur, après avoir travaillé à vous étaler ma science, de dire du moins un petit mot d'amitié à Madame Karamsine; elle sera plus humaine que vous, dont j'ai, je l'avoue, grandement peur; je la prie de me continuer son souvenir, car j'y tiens infiniment; recevez tous deux l'assurance de mon amitié inviolable; mon mari vous fait à tous deux mille complimens.

14.

Tver, ce 30 Août 1811.

Il m'est impossible, Monsieur, de ne pas profiter de l'occasion qui se présente pour vous dire la part que je prends à vos peines. Savoir l'homme vertueux souffrant est

plus triste encore; pour lui c'est peut-être un triomphe, mais pour ses amis un cruel spectacle; j'en connais le sujet, votre consolation doit être dans la pureté de vos intentions. Malgré le plaisir que j'aurais à vous voir, que votre parole ne vous lie point; vous causer de l'embarras m'affligerait; venez quand vous le pourrez, quand vous n'aurez rien de mieux à faire. Je fais bien des voeux pour le retablissement de votre petite et le votre. Comptez toujours sur ma sincère amitié. J'embrasse Madame Karamsine de tout mon coeur.

15.

Tver, ce 17 Septembre 1811.

Votre lettre, Monsieur, m'a causé un sentiment de peine très vif. Voir la vertu souffrante et souffrante par le coeur est le plus triste spectacle. Leur bonheur sera le votre, faisons donc des voeux pour qu'ils ne se repentent pas de leur légèreté. Votre âme est plus philosophe que votre corps à ce qu'il semble, quoique je serai bien tentée d'en douter; votre franchise même ne m'est pas un sûr garant du contraire. Vous voulez paraître au dessus des vicissitudes de la fortune; vous vous en faites l'illusion, mais ce coeur trop sensible agit malgré vous sur la machine. Quoi qu'il en soit, ce n'est pas moi qui jamais prêcherai l'insensibilité; sentez, souffrez, il viendra un moment où vous jouirez. Votre confiance m'est chère, car quand je pense à vous, j'éprouve un sentiment de bien-être et je me dis: voilà un excellent homme. Au lieu de vous engager à venir dans ce moment nous voir, je vous annonce notre départ. Le Prince

a reçu ordre de se rendre dans le gouvernement de Witepsk pour visiter des rivières et le canal de Bérésina; fidèle à mes principes, je le suis: on m'en blâme je le sais; à Dieu ne plaise que je me mette au-dessus de l'opinion, mais je la brave et la braverai toujours quand ma conscience me dira qu'elle est en opposition avec mes devoirs; l'exemple d'un bon ménage est le seul service que je puisse rendre au public. Nous remettrons la discussion de cet article à notre prochaine entrevue. Le 10 d'Octobre nous serons surement ici: peut-être à cette époque pourrez vous réaliser votre projet. Vous nous obligerez beaucoup par là. Il vient de paraître un ouvrage russe sur la question infiniment délicate: la liberté des païsans; je l'ai. Ignorant s'il est permis ou non, je vous le garde; la rumeur qu'il cause est, dit-on, fort grande. Mille et mille amitiés à ma chère Madame Karamsine. Mon mari vous fait bien des complimens à tous deux, et moi je vous assure de ma sincère amitié.

16.

Tver, ce 13 Octobre 1811.

Il y a une heure que le Prince Obolensky, en me parlant de vous, m'a dit, que vous attendiez une lettre de moi pour arriver; je n'ai donc rien de plus pressé que de l'écrire. Arrivez, Monsieur, voir vos amis qui le désirent infiniment. Je vous félicite du rétablissement de votre jeune homme et fais bien des voeux pour qu'il se remette entièrement. Vous êtes trop humble dans vos lettres et surtout dans la dernière; je ne vous donne point de titre en vous nommant vertueux, mais vous appelle de votre nom. Vous avez la bonté de vous inté-

resser à notre voyage ce qui m'autorise à vous dire qu'il a été extrêmement agréable. Le Prince a trouvé les projets très exécutables ce qui est pour l'essentiel; nous avons fait la connaissance d'un très beau gouvernement qui est celui de Smolensk; c'est un jardin, la ville est fort bien. Depuis mon retour je me suis remise aux traductions et propose à mon maître un quart d'heure d'ennui, mais j'ose dire que je lui propose aussi un quart d'heure de jouissance en lui faisant connaitre une pièce de vers digne de lui. Elle nous a tous enflammés, chacun l'a traduit, mais nous attendons le maître pour nous convaincre de notre néant. Portez vous bien et venez recevoir les témoignages d'amitié de ceux qui vous sont attachés de coeur et d'âme. Je ne sépare pas le ménage.

17.

Tver, ce 21 Novembre 1811.

J'ai bien l'air d'une ingrate vis à vis de vous sans l'être en effet, car j'avais commencé une réponse à votre première lettre sans possibilité de l'achever, j'ai reçu la seconde et le charmant album. Je ne puis assez vous remercier de cette nouvelle marque de votre amitié, qui m'est bien chère, car elle me prouve que vous et Madame ne m'en voulez pas pour mon silence bien involontaire. Cet *album* sera conservé précieusement et rien que mes amis les plus favorisés oseront en remplir les pages; je me delecte à le lire. Je vous remercie aussi des livres russes qne vous m'avez envoyés, hélas.....

Mlle Aledinsky est arrivée et quelques jours plus tard le Duc. Vous m'avouerez qu'on peut aimer à causer avec eux. Mon cher maître, ne me grondez pas, je me corrigerai; il y a une vie de Mahomet qui se traduit, il y en a dix lignes d'écrites, c'est quelque chose, on ne peut pas faire plus, menant la vie que je mène à présent; publiez votre histoire et vous verrez avec quelle avidité je la dévorerai. Le Prince est infiniment sensible à votre souvenir. Nous vivons bien agréablement en famille, car je compte Anne Pavlovna pour une seconde mère. Je suis bien charmée que la santé de toute la famille Karamsine soit bonne, tout ce qui la touche m'intéresse. Pour ma personne je ne puis vous dire ce que je fais, car je n'ai pas un moment à moi seule. Dans nos conversations il est bien souvent question de vous, et je vous assure que vous êtes *disséqué* sans pitié, c'est à dire, que hors du bien il n'y a pas le moindre petit mal à déterrer.

Il vous paraitra assez étrange de me voir vous parler de plaisirs; nous en avons eu prodigieusement et en aurons de fondation toutes les semaines pour l'assemblée de noblesse qui s'est déjà rassemblée deux fois. Ayant lu ma lettre, vous vous appercevrez sans peine qu'elle a été prise et reprise au moins dix fois; je me cherche sans me trouver, car vrai je n'ai pas une minute à moi. Quoiqu'il en soit, je me connais assez pour sentir toute l'amitié que je vous porte et qui jamais ne s'affaiblira. Mille et mille choses à mon aimable Madame Karamsine. Mon mari vous prie tous deux de ne pas l'oublier. Le petit fait une nouvelle dent, mais se porte à merveille. Ecrivez moi souvent et aimez moi toujours. De grâce faites moi tenir la note de ce que je vous dois pour les livres russes, infortunés bouquins qui patienteront encore

quelque temps, je pense, jusqu'à ce que je puisse dire à mon cher maître, que je les ai lus.

1812 г.

18.

Tver, ce 4 Janvier 1812.

Ma dernière lettre était très confuse, que direz vous donc, mon cher maître, de celle-ci, écrite la veille d'un départ et du milieu d'une infinité de paquets, enfin dans un moment, où bien loin d'avoir la tranquillité requise pour parler avec un être tel que vous, on n'a malgré soi que l'imagination préoccupée d'objets bien peu intéressans. Mon beau-pére est parti hier soir, mais pour revenir s'établir parmi nous, à ce que j'espère; demain matin Melle Aledinsky, au moment que nous partirons pour Iaroslaw, partira pour Pétersbourg. Tous ces départs à commencer par le nôtre, me font très peu de plaisir. A mon retour je pourrai dire que je retournerai aux livres, aux traductions, à la *grammaire*, et à mes amis, que mon coeur ne quitte pas, si parfois la plume leur fait infidelité. Le prince Basile vous porte ces lignes; nous le voyons partir et surtout partir pour la Pologne avec grand regret, mais connaissant la droiture de son caractère, assurément le devoir et l'honneur le guideront dans toutes ses démarches, car avec lui on en peut avoir la certitude. Dites à la chère Mme Karamsine que je l'aime de tout mon coeur et vous ne lui en direz pas trop; et pour vous, soyez très sur que je suis à vous de toute mon âme.

19.

St. Pétersbourg, ce 24 May 1812.

Avant de vous gronder, mon cher maître, je viens vous féliciter de bien bon coeur; un événement heureux pour vous en est un pour moi. Dieu veuille vous conserver l'enfant que le ciel vous a accordé, et puisse-t-il ressembler pour sa félicité à ses parens, mettant une conscience sans reproche au-dessus de tous les autres biens. Permettez moi à présent de vous dire que je suis *en prétentions*. Oui, Monsieur, car comment ne pas associer vos amis à ce qui vous intéresse, comment ne pas m'admettre pour quelque chose dans votre joie. Si vous n'avez pas voulu de moi, c'est à tort, y ayant pris autant de part que qui que cela soit. Nous vivons dans le vague, l'univers en silence attend son sort, l'Empereur se porte bien, il est content de l'armée, l'armée est contente de lui. Le Prince n'a pas quitté Vilna encore, impossible de prévoir même le moment de notre réunion; Dieu donne qu'elle aie lieu sous des auspices heureux pour notre chère patrie. Vous écrivez l'histoire des siècles passés, hélas! celle du présent offre des spectacles non moins curieux de la versatilité du coeur humain; quand je vous reverrai, j'aurai plus d'une conversation intéressante avec mon cher maître. Je vois souvent votre ami Mr Dmitrieff, nous parlons de vous deux et nous disons que pour le bonheur de l'humanité il faudrait qu'il y eut beaucoup d'êtres comme vous. Le Prince me charge nommément dans sa lettre reçue hier du 19 de vous féliciter de la naissance de votre petite. Mon petit garçon grandit et se fortifie, il vivra j'espère dans des tems plus heureux que nous. Veuillez vous charger de mes amitiés pour la

chère Madame Karamsine; tous deux auriez tort d'oublier celle qui est à vous de coeur et d'âme.

20.

Jaroslaw, ce 13 Novembre 1812.

Сейчасъ я получила письмо ваше и не медлю друга увѣдомить, что я радуюсь его вспоминаніемъ; часто спрашивала, гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ, но тщетно, никто не могъ меня удовлетворить; наконецъ самъ онъ вспомнилъ о его любящихъ. Всѣ мы терпимъ по одной причинѣ, мы терпимъ за мать, за славную Россію, но можемъ ею гордиться и гордо скажемъ порабощеннымъ иноземцамъ: вы собрались со всѣхъ краевъ свѣта, пришли съ огнемъ и мечемъ, но мы, обращая грады наши въ пепелъ, предпочли разореніе ихъ оскверненію, и симъ дали вамъ великой примѣръ; славная наша столица погибла, мы не колебнулись; вы ожидали мира, нѣтъ мы вамъ готовимъ смерть, на вашихъ могилахъ возстанутъ грады наши, яко на славнѣйшемъ подножіи. Плѣнные завидуютъ имяни Русскому, офицеры упрашиваютъ честь носить нашъ мундиръ, ибо нѣтъ свыше оной: Россія была вторая въ Европѣ держава, теперь и на вѣки она первая и скоро къ стопамъ ея прибѣгнутъ Цари, моля о мирѣ и покровительствѣ. Веселитесь мыслію сею, она не мечта, но истина.

Tver, ce 21 Novembre.

J'en étais restée là de ma lettre l'autre jour et depuis un mal de yeux m'a empêché de continuer. Me voilà depuis deux jours dans mon séjour favori que j'ai revu

avec joie, il est rempli de souvenirs chers à mon coeur, j'y ai joui du bonheur le plus pur, et déjà depuis que j'y suis je n'apprends que de bonnes nouvelles; l'ennemi fuit, nous le poursuivons en le détruisant et il semble que la dernière heure du monstre perturbateur du repos de l'univers va sonner; cette gloire sera reservée à la Russie, elle triomphera du monde entier. Rostoptchine notre ami commun me semble un des hommes les plus estimables et les plus malheureux; j'en reçois assez souvent des nouvelles, sa situation est très pénible; il dit, Moskou encore un désert. N'y rentrerez vous pas, Monsieur? Au moins je le désire espérant que le voisinage me procurera le plaisir de vous voir. Vous écrivez l'histoire des siècles passés; si vous la continuez jusqu'à nos jours, vous aurez une belle description à faire. La Russie luttant contre les forces réunies de l'Europe entière, pliant un moment sa tête auguste par la fougue de la tempête, mais la relevant bientôt et reparaissant plus belle que jamais. On peut être fier d'être Russe, c'est au moins le sentiment de mon âme. Mon mari vous dit bien des choses, Monsieur, moi je vous prie d'assurer Madame de ma constante amitié et de me croire toujours à vous de coeur et d'ame.

Catherine.

1813 r.

21.

St. Pétersbourg, ce 28 Fevrier 1813.

C'est avant hier, Monsieur, que j'ai reçu votre lettre: l'amitié que veulent bien nous témoigner les personnes

que nous estimons, nous est toujours précieuse, mais surtout dans un moment de peine; la mienne est extrême je l'avoue (*); recevez mes sincères remerciemens pour la part que vous y prenez; en connaissant le Prince il était, j'ose le dire, impossible de ne pas l'aimer; ma félicité a été d'aussi courte durée qu'elle a été parfaite, et je n'ai que des actions de grâce à rendre à Dieu de me l'avoir du moins fait connaître. Je n'ai point de plaintes à prononcer, car celui que j'ai aimé et que j'aimerai toujours au-dessus de tout, est dans une félicité parfaite et qui sera éternelle. Qu'importent mes souffrances! Ecrivez moi, Monsieur; vos nouvelles et celles de Madame m'intéresseront toujours. Veuillez toujours adresser vos lettres à Pétersbourg, où je laisse les instructions nécessaires pour me les faire parvenir, car dans huit jours je pars pour les païs étrangers, les médecins m'ayant conseillé les eaux d'Egra, et je serai déjà bien loin quand vous recevrez ces lignes; mon fils ainé m'accompagnera, le cadet restera chez ma mère n'osant l'exposer dans un âge si tendre aux fatigues d'un voyage. Continuez moi votre amitié, j'en suis digne par la sincérité de celle que je vous porte; peut-être un jour le sort nous réunira-t-il; vous me retrouverez toujours la même: aimant avec ardeur ma patrie et mes amis.

Je vous demande à être votre commissionnaire si vous avez quelques commissions dans l'étranger. Soyez heureux tous les deux et pensez quelque fois à votre

Catherine.

(*) Великая Княгиня лишилась Супруга своего, Принца Георгія Ольденбургскаго. *Прим. Изд.*

22.

Franzensbrun, près d'Egra $\frac{\text{le 1 Aout}}{\text{20 Juillet}}$ 1813.

J'ai reçu avec une bien vive reconnaissance votre lettre, Monsieur. Trop de sentimens m'attachent à vous pour que rien puisse me détacher d'une liaison formée dans d'heureux temps et sous des auspices bien fortunés. Croyez que mes peines ne m'ont pas desséché le coeur; je compatis bien sincèrement aux votres; le vrai malheur, sans partialité pour mon sort, ne consiste que dans la privation des êtres qui nous sont chers, parce que celui là nous ne pouvons pas le réparer ni être actifs d'aucune manière. Dieu vous en préserve, vivez les uns pour les autres et jouissez de votre sort. Donnez moi de vos nouvelles souvent et en détail; je vous sais par une voye indirecte arrivés à Moscou. Que n'éprouverez vous pas en voyant des ruines là, où vous n'aviez connu que splendeur et magnificence. Dans vos entretiens avec le C^t^ Rostoptchine pensez et parlez quelques fois d'une amie commune à tous deux. J'attends avec impatience vos commissions, très charmée si je puis en les exécutant être au moins bonne à quelque chose dans le grand oeuvre que vous avez entrepris.

Weimar, le $\frac{\text{10 Novembre.}}{\text{29 Octobre.}}$

Je ne vous envoye le commencement de cette lettre que comme une preuve de mon souvenir en tous les tems; des raisons trop longues à vous détailler m'ont empêchée dans le temps de la terminer; depuis j'ai fait un voyage à Vienne comme vous le saurez déjà; j'y suis restée sept semaines très agréablement; en quittant cette

capitale j'ai fait une tournée par Gratz et la Styrie; revenue à Prague, j'y ai trouvé l'ordre de passer la frontière Autrichienne pour le suivre, et me voici depuis hier à Weimar, l'Athénée de l'Allemagne. Comment dans un lieu pareil ne pas rendre hommage à celui dont notre littérature peut se glorifier. Après vous avoir rendu compte du matériel de mon voyage, je vous dois des détails plus intéressans. A Prague le professeur ex-jésuite Dombrovsky s'occupe de langues slaves, en général. De l'ethymologie des langues il prétend expliquer celle des nations. Quoiqu'il en soit, lui me semble être plus instruit sur ce qui touche notre nation que tous les professeurs de Vienne, de Styrie et de Jena. J'ai eu du chagrin sous ce rapport là par les questions qu'on m'a adressées: ce n'est point notre histoire, notre littérature qui intéresse, mais bien plus notre constitution politique actuelle. On connait les édits et ordonnances publiées par le gouvernement dans les dernières années, mais on ne sait pas d'aprés des preuves historiques et statistiques si elles sont adapteés au païs. Quoiqu'il en soit, c'est pour un Russe le moment de voyager, car partout il entend bénir son Souverain, admirer sa nation. Je ne vous parlerai point politique, mes nouvelles seraient vieilles quand cette lettre vous parviendra; ce que je vous dirai pourtant c'est que notre *puissance* gagne aux comparaisons et notre païs aussi. Je n'ai point été en France, mais l'Allemagne je la vois et hors la Monarchie Autrichienne elle ne souffre aucune comparaison avec la notre; mais cette puissance que je viens de nommer en souffre et mérite respect et admiration pour sa force intrinséque, mais bien le contraire quand à sa régie; vingt ans de guerres malheureuses, de pertes continuelles en territoire, un mot du Souverain, et une armée annulée repa-

rait, des ressources immenses se déployent; prenez que ce ne sont pas des *Russes* et que ce n'est pas la *Russie*; assurément cette monarchie est très respectable. Après vous avoir parlé du monde, je crois ne pas vous ennuyer trop fortement en vous parlant d'un de ses habitans: c'est de moi qu'il s'agit. Vous m'avez toujours témoigné tant d'intérêt que je vais vous donner quelques détails sur mon existence: pour mon moral, je n'en ferai pas l'éloge, je ne puis et ne veux pas oublier ma perte, c'est un juste tribut que je dois à l'être qui fit mon bonheur; ma santé pour l'essentiel est toujours dans le même état et depuis huit mois d'un jour à l'autre je suis souffrante; les bains d'Egra m'avaient fait du bien, malheureusement les circonstances m'ont empêchée de les continuer; mes forces pourtant depuis ce tems me sont plus revenues et je me flatte que la saison prochaine me remettra entièrement. Veuillez dire à Madame, que je pense souvent à elle et la prie quand elle saura que la pauvre M^de^ Jezikoff est instruite de son malheur, de lui faire tenir l'incluse; je regrette bien ce pauvre jeune homme et personne plus que moi ne compatit à sa peine. Portez vous bien et écrivez moi souvent, vous devez connaitre l'étendu de l'amitié et de l'estime de votre

dévouée **Catherine.**

Je vous recommande de ne pas envoyer l'incluse avant d'être fort assuré que la mort de Jézikoff est connue de sa femme.

23.

Отъ Карамзина къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Madame,

J'ai revu l'écriture de Votre Altesse Impériale comme l'on revoit un ancien ami après une longue absence. Mais privé du bonheur d'avoir directement de Vos nouvelles, j'étais loin d'en froncer le sourcil, et les voeux que mon coeur faisait pour Votre tranquillité et le rétablissement de Votre chère santé, n'avaient pas besoin de nouveaux motifs de reconnaissance pour être sincères et ardents. Je Vous ai voué depuis bien longtems un sentiment pur et désintéressé autant que cela est possible sur la terre. Si la jeunesse a plus de feu, l'âge avancé, qui est le mien, a plus de constance. Il faut que j'emporte avec moi dans le tombeau cet intérêt vif, ce tendre attachement que Vos qualités vertueuses et brillantes m'ont inspiré pour Vous. Je vous ai suivie partout. Il nous semble que depuis Votre malheur nous Vous aimons encore d'avantage: il a donné à Votre sort un caractère sacré; c'est une idée que je ne sais pas bien exprimer, mais qui est vraie. Les plaisirs et le bonheur même n'ont pas l'infini et le sublime de certaines peines, qui, plus qu'eux, nous font sentir la noblesse de notre être et nos droits à quelque chose de divin. Si nous n'étions qu'heureux ici-bas, je croirais moins à l'immortalité de l'ame et à la bonté de Dieu même. C'est un paradoxe pour l'esprit et une vérité indubitable pour un coeur sensible qui a connu le malheur. Ces coups du sort qui nous terrassent et nous révoltent au premier moment contre

la Providence, finissent par fortifier notre résignation et par établir entre l'homme et Dieu une espèce de familiarité qui nous fait très vivement jouir de sa bonté, en nous la faisant pressentir seulement: car nous sommes trop bornés dans ce monde pour embrasser le grand tout et en bien concevoir les rapports.... Pardon, Madame: cela n'est pas dans le genre épistolaire; mais je deviens déjà trop vieux pour observer strictement les convenances. Je dis tout naturellement ce qui occupe mon âme. Nous avons enterré notre fils unique âgé de six ans, beau comme un ange et bon parcequ'il ressemblait à sa mère. Je vous ai écrit ma dernière lettre dans la crainte de le perdre: l'ayant perdu, nous avons confié ses cendres chéries anx bords du Volga et nous nous sommes transportés en pleurant parmi les ruines de Moscou. Trois filles nous restent encore; mais je n'ai plus de fils sur la terre, quoique j'espère le retrouver sans savoir où et comment. Je lui parle souvent, ainsi qu'à sa soeur qui l'a précédé de trois ans dans les demeures célestes, et qui était aussi bien jolie et justement de son âge. Ils m'attendent et me protègent auprès de l'Eternel. De pareilles pertes nous préparent à passer tout doucement là, d'où je n'aurais jamais voulu sortir *en ma qualité d'ignorant.* En attendant parlons d'autre chose.

Tenez parole, Madame, ou je me fâcherai contre Votre Altesse Impériale: rétablissez parfaitement Votre santé dans le courant de la belle saison prochaine et donnez nous en vite la nouvelle. Rendez les bains d'Egra encore plus dignes de leur célébrité. Tout en désirant que le tems bienfaisant modère Votre tristesse, je ne suis ni assez courtisan ni assez rhéteur pour déclamer contre elle. Vous êtes sensible et ver-

tueuse: donc Vos tendres regrets doivent être de longue durée; mais Vous êtes jeune, et j'espère que la vie Vous sourira encore. On n'est pas plus fort que la nature: il faut cesser de vivre ou de pleurer amèrement. Il y a des larmes douces qui peuvent couler longtems et n'être point incompatibles avec une certaine sérénité d'âme qui nous fait jouir de l'existence.

Je n'ai pas besoin de savoir ce que Vous avez écrit à Mme Yazikoff pour en être profondément touché: hélas! c'est bien à Vous à consoler cette malheureuse épouse! Je prends des renseignemens pour bien remplir la commission dont Votre bonté m'a honoré. Mme Yazikoff n'est point à Moscou, ni sa mère non plus; mais je saurai bientôt si la première est déjà instruite de son malheur, et ce n'est qu'alors que je lui ferai tenir la lettre de Votre Altesse Impériale.

Vos observations sur l'Autriche sont aussi justes qu'intéressantes: elle a réellement déployé un caractère de grandeur en entrant dans cette lutte. On ne lui rend pas assez de justice chez nous. C'est l'Autriche qui décide actuellement du sort de l'Europe. La Russie a donné le branle, et nous avons fait plus que tous les autres: malgré cette gloire et les efforts généreux de la Prusse, il n'y aurait pas eu de bataille de Leipzig sans les trois cent mille Autrichiens tombés sur le monstre. Mais notre public n'aime que les braves Prussiens qui se sont relevés d'une manière si glorieuse. Que de changemens, que de miracles s'il y en a dans ce monde! mais tout se fait, je crois, d'après ces lois immuables de la justice éternelle que nos profonds politiques ne respectent pas toujours et que l'on ne peut jamais heurter de front impunément. L'abus de la force la détruit et les fous n'auront jamais raison: c'est pour constater cette naïve

vérité que Napoléon a fait la culbute aux yeux de l'Europe étonnée. Le Ciel est-il déjà en paix avec la pauvre humanité? Je le désire et je me demande, si après toutes les sanglantes et horribles extravagances de Bonaparte, il se trouvera encore des *héros* et des conquérans sur la terre? Oui! Eh bien, de la résignation! mais il faut avouer que les hommes sont très bêtes.

L'aspect de Moscou est vraiment singulier: jamais on n'a vu d'aussi immenses ruines. Un ami de Cicéron, voulant le consoler de la mort de sa fille, lui rappelait les *vastes cadavres* de trois ou quatre villes grecques détruites par le tems: il aurait dû voir Moscou. C'est le vrai séjour de la mélancolie. Aussi je m'y promène volontiers, souvent au milieu de la nuit, quand les rayons de la lune tombent sur les squelettes de ces palais jadis si magnifiques, et qui, dévastés par la flamme, ont l'air des *vestibules de la mort*. Plus de fêtes, plus de parures, plus de superbes équipages; mais beaucoup de monde dans les rues qui ont échappé à la destruction. Il n'y a point d'assemblées de femmes: les hommes li ent les journaux et jouent au boston!

Quant à moi, Madame, je me trouve aussi bien changé: je ne sais ce qu'est devenu mon bien heureux talent pour barbouiller du papier; je n'écris presque pas l'histoire, et cela m'afflige. Nous voulions aller à Pétersbourg pour y faire imprimer mon ouvrage tel qu'il est jusqu'à présent: l'Impératrice, Votre Auguste Mére, a eu la bonté de m'y offrir un logement, ce qui nous conviendrait parfaitement, vû les circonstances du tems. Mais la santé délicate de notre petite fille nous a fait remettre ce voyage. D'ailleurs, je ne pourrais penser à l'impression avant le retour de l'Empereur; c'est à Lui à m'en accorder le permission. Hélas! il serait bien

triste pour nous d'être à St. Pétersbourg sans jouir du bonheur de Vous y voir. Mais je n'ose rien désirer à cet égard; je serais trop égoïste. Je vois assez souvent le C^te^Rostopchine dont la santé et surtout les nerfs sont extrêmement dérangés. Cela me fait de la peine, car je l'aime. L'homme est un être bien chétif!

Vous avez la bonté de me demander des commissions: je voudrais avoir les nouveaux ouvrages du professeur Dombrowsky, c'est-à-dire tout ce qu'il a écrit et publié sur la langue et l'histoire des Slaves *depuis huit ans*, et puis un géographe Arabe traduit en Anglais: Houkal's Oriental Geography; je pense qu'on peut l'avoir à Leipzig. Vous voyez que j'en use sans façon avec Votre Altesse Impériale.

Vous avez remarqué que notre histoire n'intéressait pas beaucoup les étrangers, curieux seulement de savoir, si nos nouveaux réglemens politiques sont bien adaptés au pays: je m'en console en pensant que ces réglemens peuvent être dix fois changés, et que l'histoire restera pour en expliquer la raison. Il y a des choses de mode, de fantaisie, de gout: cela passe et j'ai préféré le solide.

Voici une lettre plus longue que la préface de mon histoire de Russie. Je me suis mis sur mon *bien-dire*, entrainé par le plaisir de parler à Votre Altesse Impériale. Il faut pourtant finir. Adieu, Madame. Vous m'ordonnez d'être sûr de Votre belle amitié; mon coeur Vous obéit *sans peur et sans reproche*. Mais permettez moi de Vous en vouloir de Votre silence sur le compte du charmant jeune Prince: nous méritons d'être instruits des progrès de sa beauté et de sa bonté. Nous sommes assez fiers pour croire que personne ne nous surpasse

dans l'attachement que nous Vous portons, et en même tems nous désirons que tout le monde Vous adore.

Простите, любезнѣйшая для насъ изъ всѣхъ Великихъ Княгинь на свѣтѣ. Богъ съ Вами и съ нами.

Вашъ вѣрный Исторіографъ.

Москва,
29 Ноября 1813.

1815 г.

24.

От Великой Княгини Екатерины Павловны къ Карамзину.

Wiesbaden, le $\frac{26}{14}$ Juillet 1815.

J'ai reçu avec un extrême plaisir votre lettre du 26 Avril et si je n'y ai pas répondu plutôt, n'en accusez que mes voyages continuels et non mon coeur toujours le même pour mes amis; vous savez que depuis longtems j'ai l'habitude de compter vous et Madame votre épouse de ce nombre, permettez moi de la garder, je ne saurais m'en défaire. Le Prince Royal de Wurtemberg aimant les sciences comme il aime la gloire, connaissait votre nom et n'a pu qu'être infiniment flatté des voeux que vous faites pour lui; il me charge de vous en témoigner sa gratitude. Le Ciel lui a été propice dans cette courte et mémorable campagne qui en dix-neuf

jours a détruit la puissance du génie malfaisant qui opprimait l'humanité. Avec quel éclat la puissance de Dieu s'est manifestée et comment ne pas être pénétré de sa bonté paternelle jusques au fond du coeur; combien nous lui devons en particulier, nous autres Russes, pour nous avoir donné un Souverain si bon et si admirable par la beauté de son âme et la justesse de son esprit: on n'ose en appeler qu'à lui quand on veut que la justice triomphe! J'espère, vû la tournúre favorable qu'ont pris les événemens, qu'il pourra bientôt revenir dans sa patrie cicatriser les playes faites par les ennemis. Continuez votre histoire, les tems où nous vivons méritent d'être décrits par votre plume. Je vous reproche l'ignorance où vous me laissez tant sur vos occupations littéraires que sur votre existence privée; pourtant vous ne pouvez douter de mon intérêt constant. Depuis huit jours je suis ici pour faire une cure de quelques semaines; ma déstinée ultérieure dépend des événemens, j'ai l'espoir d'être heureuse et suis parfaîtement contente de la perspective que me présente mon avenir. Veuillez faire mes amitiés à votre aimable femme et croire aux sentimens que vous a voués pour la vie votre

dévouée **Catherine.**

25.

Отъ Карамзина къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Madame,

C'est du fond de mon âme que je remercie Votre Altesse Impériale de Sa bonté; j'en suis extrême-

ment touché, ainsi que ma femme. Ce souvenir précieux est un nouveau bienfait de Votre part et une nouvelle dette contractée par notre reconnaissance, toujours unie à notre dévouement sans bornes pour Votre Auguste personne, depuis que nous avons le bonheur de Vous connaître. Mais ce qui nous enchante le plus dans cette lettre gracieuse, c'est l'expression du bonheur dont Votre belle âme jouit dans le présent et dans la perspective de l'avenir. Dieu est juste et bon: il Vous devait cette félicité; j'espère qu'elle sera parfaite, et que ceux qui Vous sont attachés, n'auront qu'à remercier le Ciel pour Vous. Il est beau d'être heureux au moment où tout le monde civilisé se réjouit et l'humanité respire; c'est une douce union de sentimens, et le bien-être général ne peut qu'augmenter le Vôtre. Le Héros (qui veut bien ne pas ignorer mon humble existence) reviendra couronné de lauriers et d'oliviers. Vous avez raison d'admirer la Providence: les aveugles mêmes l'ont vue dans cette lutte à jamais mémorable. C'est le cas de dire: *Mortels, prosternez vous en silence!* car les paroles ne peuvent point exprimer l'étonnement des plus sages. Ce qui me touche surtout dans notre Empereur c'est sa modestie sublime qui est au-dessus de la grandeur humaine ou bien qui est la véritable grandeur. Oui, j'espère qu'il saura aussi guérir *les plaies de la Russie* et qu'il nous apportera le baûme salutaire nommé: *bonne administration.* On peut regarder la Russie comme un corps encore très sain et robuste: on n'a qu'à aider un peu la nature par des remèdes simples, extraits de plantes indigénes et point exotiques—et tout ira bien.

Vous m'invitez à être l'historien du tems: dans mon premier enthousiasme, produit par les grands événemens, j'ai eu cette idée moi-même; mais la reflexion a présenté

bien des difficultés à mon esprit. L'histoire, modeste et grave, aime le silence des passions et des tombeaux, l'éloignement et le crépuscule, et de tous les tems de la grammaire c'est le *prétérit parfait* qui lui convient le plus. Le vif mouvement, le bruit du présent, la proximité des objets et leur trop éclatante lumière l'étourdissent; ce qui enflamme le poëte, l'orateur, gêne l'historien, qui a toujours son *mais* à la bouche. Et puis aurai-je le coeur d'abandonner mes antiques héros oubliés du monde ingrat, pour courir après les héros nouveaux, dont les lauriers sont encore si resplendissans et les exploits parlent si haut? car il faudrait laisser là *mon histoire de Russie*: je ne vivrai pas assez longtems pour la continuer jusqu'à nos jours. Savez-vous où j'en suis encore? C'est Jean le Terrible qui m'occupe, ce phenomène étonnant parmi les plus grands et les plus mauvais souverains. Quel sujet, grand Dieu! Cela vaut bien Napoléon. Abattue par les horreurs de ce règne, mon âme se redresse à la vue d'un homme vertueux qui se place entre le tyran et la patrie pour la sauver, succombe à la rage du monstre, mais après avoir mérité l'admiration des siècles. Le nom de ce grand homme (Adachew) était à peine connu chez nous: mon coeur trouve beaucoup de douceur à faire de pareilles découvertes. Je tiens toujours à l'idée d'aller à Pétersbourg et d'y faire imprimer mon histoire aussitôt que l'Empereur sera de retour. J'ose compter sur Votre protection dans ce cas là.

Quant à notre *existence privée*, Madame, nous en remercions le Ciel en versant (cependant) quelquefois des larmes. La faible santé de nos enfans nous alarme de tems en tems, mais grâce à Dieu, nous n'avons pas fait de nouvelles pertes depuis deux ans, et notre famille s'est augmentée par la naissance d'un fils dont le nom

et les traits nous rappellent son frère que nous pleurons encore. Il faut que je sois bien sûr de Votre bonté pour Vous en parler; mais Vous me l'avez ordonné, et il m'est si doux de croire à la vérité de cet intérêt!

Reproche pour reproche, Madame, pourquoi n'avez Vous pas voulu mettre le sceau à Votre générosité, en nous disant un mot sur le jeune Prince? Nous l'avons vu au berceau, nous l'avons vu courir et nous voudrions le voir monter à cheval, l'epée à la main, pour menacer les méchans.

Adieu, Madame. Je ne voudrais pas mourir sans avoir revu Votre Altesse Impériale. Toute la famille de Karamsine se met à Vos pieds.

Вашъ вѣрный Исторіографъ.

P. S. Сердечно благодарю Ваше Императорское Высочество за Oriental Geography, недавно мнѣ доставленную. По Вашей милости воспользуюсь этою книгою для моей Исторіи.

От Великой Княгини Екатерины Павловны къ Карамзину.

1817 г.

26.

Стутгардъ, 3/15 Іюня 1817.

Николай Михайловичъ! Вспоминовеніе учителя, пріятеля, не могло не быть мнѣ пріятнымъ; пріимите за

изъявленныя въ вашемъ письмѣ чувства мою благодарность. Супругъ мой тоже съ признательностію принимаетъ ваше предсказаніе: онъ живетъ по совѣсти, а совѣсть чувствительная и правдолюбивая драгоцѣннѣйшій даръ Провидѣнія. Благодарю васъ купно за извѣстія, которыя вы мнѣ даете о жизни и занятіяхъ вашихъ; ожидаю съ нетерпѣніемъ вашу Исторію, дабы бесѣдовать съ предками. Прошу васъ увѣрить супругу вашу въ моей дружбѣ. Пребываю вамъ какъ и всегда преданная

Екатерина.

1818 г.

27.

Штутгардъ, $\frac{\text{10 Февраля}}{\text{29 Января}}$ 1818.

Одна дружба преодолѣваетъ разстоянія; письмо ваше, Николай Михайловичъ, отъ Ноября мѣсяца много меня обрадовало, будучи доказательствомъ вашихъ непоколебимыхъ ко мнѣ чувствованій, и я сдѣлалась слишкомъ стара, чтобы мѣнять старыхъ своихъ друзей на новыхъ. Россійскіе мои пріятели всѣхъ мнѣ милѣе и вы давно знаете мѣсто, которое вы въ средѣ ихъ занимаете.

Поздравляю васъ съ рожденіемъ сына и рожденіемъ дочери,—славной Исторіи Россійской; съ нетерпѣніемъ ожидаю ее, дабы возобновить знакомство съ тѣми отрывками, которыми вы утѣшали нерѣдко Тверскія наши собранія, и дабы побесѣдовать съ предками. Я тоже ожидаю прибавку въ семьѣ своей; дѣти мои,

благодаря Бога, растутъ и надѣюсь будутъ добры.

Прошу васъ въ *философической* вашей *праздности* чаще ко мнѣ писать и быть увѣреннымъ, что никто болѣе добра вамъ и любезной вашей супругѣ не желаетъ какъ вамъ преданная

Екатерина.

28.

Стутгартъ $\frac{\text{5 Мая}}{\text{23 Апрѣля}}$ 1818.

Николай Михайловичь! Послѣдняя почта доставила мнѣ Россійскую вашу Исторію; старой мой знакомой мною былъ съ большимъ удовольствіемъ принятъ; каждой день я читаю, учусь и мысленно благодарю автора за его труды, пріятеля благодарю за то, что онъ обо мнѣ вспомнилъ. Милой вашей супругѣ прошу сказать, что она должна материнскимъ сердцемъ принять сихъ восмерыхъ новыхъ отроковъ, которые имѣютъ преимущество безсмертія. Король поручилъ мнѣ вамъ сказать, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ перевода, дабы познакомиться съ моими предками.

Живите щастливо, трудитесь для потомства, но не забывайте старыхъ своихъ друзей, въ числѣ которыхъ всегда прошу щитать вамъ преданную

Екатерину.

29.

Стутгардъ $^{13}/_{1}$ Ноября 1818.

Съ большимъ удовольствіемъ я получила черезъ Матушку письмо ваше, Николай Михайловичь. Благодарю васъ за оное, какъ и за прежнее отъ 31 Мая;

дружба и память ваша (говорю тоже какъ вы въ двойственномъ смыслѣ) мнѣ весьма пріятны; благодарю васъ и за участіе, которое вы берете въ умноженіи моего семейства. Богъ далъ мнѣ дочь, здоровую, милую; вообще не знаю чѣмъ я заслужила всѣ его ко мнѣ милости; щастіе мое совершенно, не имѣю другаго желанія какъ чтобы оно продолжилось. Двѣ недѣли мы здѣсь наслаждались удовольствіемъ видѣть Матушку, теперь ожидаемъ Михайла Пав., потомъ Константина Пав., а въ началѣ будущаго мѣсяца Государя и Государыню; не боюсь надоѣсть вамъ описываемою радостью, вы меня пріучили говорить съ вами откровенно. Вы ко мнѣ рѣдко пишете, и я не могу согласиться съ вами, чтобъ оно было къ лучшему. Пишите болѣе, а читайте менѣе конституцій Германскихъ, которыя не иное какъ совершенной вздоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ близи вижу національныя репрезентаціи, выучилась я цѣнить *вѣсъ* словъ; хорошіе законы, которые исполняютъ, вотъ лучшая конституція.

Читаю и наслаждаюсь вашей Исторіей, но не прогнѣвайтесь: печать очень худа, глаза портитъ: жаль, потому что книга голову наполняетъ хорошими вещами.

Поклонитесь отъ меня милой вашей супругѣ, которую я всегда всѣмъ сердцемъ люблю. Король поручилъ мнѣ васъ благодарить за все то, что вы ему ласковое говорите. Не забывайте меня и вѣрьте всегда, что никто болѣе меня вамъ добра не желаетъ.

Е.

IV.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I,

И ОТВѢТЪ КАРАМЗИНА.

1826 г.

1.

Собственноручное письмо Императора Николая I (*).

Ежели не ранѣе вамъ отвѣчалъ, любезный Николай Михайловичь, то не полагайте чтобы то было изъ забывчивости, но напротивъ изъ желанія вамъ дать отвѣтъ удовлетворительный. Я искалъ приладить желаніе ваше съ возможностію, и полагая что можетъ успѣлъ въ томъ, предлагаю вамъ слѣдующее; но напередъ благодарю васъ сердечно и за довѣренность и за содержаніе письма вашего; жалѣю сердечно, что первая услуга, которую вы ставите меня въ возможность вамъ оказать, клонится къ тому, чтобъ васъ удалить отъ всѣхъ насъ! — Вы повѣрите, надѣюсь, безъ труда, что съ сердечнымъ прискорбіемъ убѣждаюсь, что сіе временное удаленіе необходимо. Но такъ видно Богу угодно и должно сему покориться безъ ропота. Однако покуда я, бывъ здѣсь, привелъ въ порядокъ ваше лѣтнее квартированіе въ надеждѣ, что пригодится.

Но обратимся къ дѣлу. Вамъ надо ѣхать въ Италію — вотъ что хотятъ медики; надо ихъ послушать и избрать лучшій способъ, т. е покойнѣйшій какъ туда

(*) Н. М. Карамзинъ, собираясь, по настоятельному убѣжденію врачей, въ теплый климатъ Италіи и затрудняясь въ средствахъ ѣхать туда и жить внѣ Отечества, имѣлъ въ мысляхъ занять мѣсто Повѣреннаго въ дѣлахъ, если бы оно открылось. Здѣсь помѣщается отвѣтъ Императора на его по сему предмету письмо, которое не отыскано.

доѣхать: моремъ ли до Италіи или только до Любека, или сухимъ путемъ? Пребываніе въ Италіи не должно васъ тревожить, ибо хотя мѣсто въ Флоренціи еще не вакантно, но Россійскому Исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть способъ тамъ жить свободно и заниматься своимъ дѣломъ, которое, безъ лести кажется, стоитъ дипломатической корреспонденціи, особо Флорентійской. Словомъ я прошу васъ, не безпокойтесь объ этомъ и хотя мнѣ въ угожденіе дайте мнѣ озаботиться способомъ устроить вашу поѣздку.

Про Стутгардтъ я вамъ и не говорю; хотятъ чтобы вы были въ Италіи; стало туда и ѣхать должно. Прошу васъ только увѣдомить меня, какъ и куда рѣшитесь ѣхать, а прочее я *все* устрою.

Повторяю что мнѣ больно слышать и вѣрить, что вамъ надо ѣхать; дай Богъ чтобы здоровіе ваше скоро возстановилось и возвратило бы васъ къ тѣмъ, кои васъ искренно любятъ и уважаютъ; причтите меня къ этимъ.

Васъ искренно любящій

Николай.

Царское Село,
6-го Апрѣля 1826 г.

2.

Высочайшій Рескриптъ Императора Николая I.

Николай Михайловичъ!

Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время Отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести Отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Русской народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ мой.

Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны одною только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе Императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни.

Пребываю вамъ всегда благосклонный

Николай.

Въ Царскомъ Селѣ,
Мая 13 дня, 1826 года.

3.

Предсмертный отвѣтъ Карамзина на Высочайшій Рескриптъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Рескриптъ, коимъ Вы меня ощастливили третьяго дни, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ, воспоминаніе въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, хвала смиренному Исторіографу сверхъ его достоинства—омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ указъ къ Министру Финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожь въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой Царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ Монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ Царскому Дому, О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ и посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный Государь, и любезному Отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь, но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія Ваши ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности.

Повергаюсь и проч.

V.

ПИСЬМО КЪ ГРАФУ КАПОДИСТРІЯ

И ПИСЬМО ЕГО КЪ Е. А. КАРАМЗИНОЙ.

1.

Отъ Карамзина къ Графу Каподистрія.

Cher et respectable ami,

Nous avons revu l'aimable Bloudoff avec encore plus de plaisir qu'à l'ordinaire: il nous a parlé de vous! Nous avons commencé par des questions sur votre santé, votre air, l'expression physique de ce qui ne l'est pas. Nous avons été satisfaits, mais bien d'autres questions immédiatement posées sur l'état de votre belle âme, les opérations de votre esprit actif, votre manière frappante d'envisager les evenemens du tems, sont restées, hélas! sans réponse. Cependant en écoutant notre ami commun, qui me rendait compte de ses entretiens avec vous, j'ai cru quelquefois vous entendre parler vous même! Que je lui envie ces momens délicieux passés avec vous! Mes années qui s'accumulent, ma santé qui chancelle, les circonstances fâcheuses qui nous séparent et qui durent toujours, tout cela est peu fait pour relever en moi l'espérance de voir revenir le passé. Pour m'en consoler, je me dis: «quoique «loin de nous, il pense quelquefois à nous, et nous som«mes immortels. Le contact des âmes ne cesse point à «notre dissolution matérielle; celui qui survit conserve «un souvenir, et celui qui s'en va acquiert peut-être plus «qu'il ne perd. Les voyageurs ici-bas sont trop distraits et «n'ont pas le loisir de cultiver l'amitié; ce n'est qu'après «avoir déposé nos bâtons que nous serons tout à nos «affections, et tout ce que nous perdons dans le tems «sera rattrapé dans l'éternité». De pareils soliloques m'oc-

cupent à présent plus que les conversations de la société et entretiennent la chaleur de mon âme dont j'ai encore besoin pour ma famille, pour mes amis et pour mon histoire qui s'achève (legs à la postérité, si elle en veut, si non, non!). Oui, je vieillis sans m'éteindre encore. Oh! que j'aime encore mes compagnons de voyage! Que je plains leur misère, et que je suis tout pitié pour tant d'individus et pour tant de nations!... Nous venons seulement de quitter Tsarskoé Sélo, où nous sommes restés dans une profonde solitude pendant plus de deux mois: que j'étais loin de l'ennui quand je ne souffrais pas physiquement, que de jouissances intimes je trouvais dans ce loisir de tous les jours au sein de ma famille et quelquefois tout seul! Le travail, la lecture, les promenades automnales et souvent nocturnes avaient un véritable charme pour moi. Sans craindre extrêmement la mort, l'envisageant même quelquefois avec une certaine affection et aimant à répéter avec Rousseau: «qui s'endort dans les bras d'un père, n'est pas en souci du réveil», je savoure encore la douceur de l'existence terrestre à ma façon qui échappe à l'envie. Touchant à la fin de ma carrière, je remercie Dieu de ma destinée. Je me trompe peut-être, mais ma conscience est tranquille; la chère patrie n'a rien à me reprocher; j'étais toujours prêt à la servir sans compromettre mon caractère dont je dois répondre à cette même Russie: Eh bien, je n'ai fait que l'histoire de ses siècles barbares; on ne m'a vu ni aux champs de bataille, ni dans les conseils d'état; mais comme je ne suis ni poltron ni paresseux, je me dis: «le Ciel ne l'a pas voulu», et sans être ridiculement fier de mon métier d'auteur, je me vois sans honte parmi nos généraux et ministres.... Je m'arrête; c'est trop parler pour une visite que je vous fais d'ici à Genève. La brie-

veté de la vie invite au laconisme; mais que voulez vous? l'idée même qu'on ne vit pas assez longtems pour bavarder beaucoup, nous rend quelquefois bavards avec nos amis.

Je passe à l'historique: votre souvenir vit en Russie. L'Impératrice Elisabeth m'a chargé expressément de vous parler de l'intérêt sincère qu'elle vous porte: elle est si vraie! Il n'est pas moins vrai, que l'Empereur a toujours la même idée de votre âme et de vos talents éminents. Nous ayant une fois honorés d'une visite en ville, il a beaucoup parlé de vous avec un sentiment qui m'a satisfait. Je Lui suis plus que jamais attaché, sans prétendre à aucune faveur particulière,à aucune influence, c'est-à-dire, sans me mettre en peine de ce que je n'en ai aucune. Dieu seul lit au fond des âmes! Vous parlerai-je de notre inquiétude actuelle, qui peut se dissiper, comme je l'espère, avant que vous n'ayez reçu cette lettre: notre cher et bon Empereur a une fièvre de refroidissement à Taganrog. Cette maladie n'est pas dangereuse, mais notre coeur en est est toujours allarmé. Quant à l'Impératrice Elisabeth, elle a eu la bonté de m'écrire du 3 Novembre qu'elle se sentait mieux quoique dans ce moment elle fut bien affligée de la mort du Roi de Bavière.

Comment ne pas vous dire encore un mot sur ma famille? Moins de tems il me reste à vivre, et plus j'aime ma femme si pure comme épouse et mère. Je suis d'ailleurs plus content de ses vertus que de sa santé: elle a une espèce d'asthme qui m'étouffe quelquefois. Nos deux demoiselles ne sont point sans mérite, et il me semble parfois qu'elles ont de l'esprit comme quatre; mais elles ne sont pas éclatantes de beauté, et la richesse leur manque tout-à-fait: point de promis! La troisième est encore trop petite et trop indéterminée: Dieu sait, si elle

sera bien belle ou bien laide! Notre fils ainé, agé de 11 ans, promet beaucoup: s'il vit, il marquera par l'énérgie de son esprit. Le second est joli et charmant par sa tendresse; il compose déjà des vers! Je vous fais grâce encore des deux fils cadets; mais jugez par ces détails, comme nous sommes sûrs de votre amitié!

2.

Отъ Графа Каподистрія къ Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзиной.

S. Pétersbourg, le $\frac{15}{27}$ Juillet 27.

Madame,

Je ne saurais quitter S. Pétersbourg sans vous dire adieu, et vous demander votre bénédiction. Je vous écris au moment de me mettre en voiture, et il m'est impossible de vous exprimer les sentimens que me fait éprouver cette séparation. Ce qui les adoucit cependant ce sont les témoignages de bienveillance dont l'Empereur et la famille Impériale ont daigné me combler. Gravé dans mon coeur, le souvenir de ces témoignages m'accompagnera partout, et partout il me donnera le courage, la force et l'espoir de remplir invariablement mes devoirs à la satisfaction et de la patrie qui m'a fait l'honneur de m'adopter, et de celle que Dieu m'a donnée.

Avant de quitter cette chrétienne, cette hospitalière et bonne Russie, je viens de passer à l'église de la forteresse et au cimetière de Nevski des heures qui ne s'effaceront jamais de ma mémoire: j'ai pris congé des amis qui ne sont plus, mais dont les âmes angéliques veillent,

j'aime à le croire, et veilleront toujours sur moi. J'ai imploré leur bénédiction, comme j'implore, Madame, encore une fois la vôtre. Vous ne doutez pas, j'espère, des voeux que je forme pour que le Ciel vous accorde toutes les consolations dont vous êtes si digne. Puissiez-vous en trouver des véritables dans les succès des soins que vous donnez à votre nombreuse et chère famille, que je salue très cordialement.

Je vous baise les mains, Madame; veuillez me conserver votre amitié, et croyez à la sincérité des sentimens respectueux que je vous ai voués pour la vie. Ne m'oubliez pas auprès du Prince votre frère et de Madame la Princesse son épouse.

Ces lignes vous arrivent par Boutenieff, qui comme à l'ordinaire n'a cessé à cette occasion de me donner des preuves touchantes de sa bonne amitié.

Adieu encore une fois.

J. Capodistrias.

VI.

ПИСЬМА КАРАМЗИНА КЪ СУПРУГѢ

(1816 г.).

1.

С. Петербургъ, 3 февраля,
6 часовъ вечера.

Милый другъ! Вчера въ 6 часовъ вечера въѣхали мы (*) въ городъ благополучно, долго искали пристаница и наконецъ вошли въ холодныя комнаты; но теперь онѣ уже нагрѣлись и можно въ нихъ жить. Я здоровъ совершенно: сію минуту былъ у Великой Княгини, по старому милостивой; узналъ Принца, умнаго и привѣтливаго; завтра, какъ думаю, увижу Императрицу вдовствующую; а когда Императора, еще не знаю. Великая Княгиня много разспрашивала о тебѣ съ видомъ искренняго участія. Я видѣлъ многихъ, но еще гораздо болѣе надобно видѣть. Не смотря на усталость моихъ лошадей, я не усталъ духомъ, ни тѣломъ, а только грущу..... Изъ здѣшнихъ Царедворцевъ видѣлся я съ К. А. Н. Голицынымъ: онъ меня ласково или учтиво принялъ. Я бы не узналъ его: такъ онъ перемѣнился наружностію. Обѣдалъ у Графа Растопчина, какъ у свойственника любезнаго. Впрочемъ еще не знаю, какъ буду проводить время. Вообще не могу доселѣ жаловаться. Какъ то обойдется со мною Императрица!.....

(*) Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ Княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. *Прим. Изд.*

2.

С. Петербургъ, 7 и 8 февраля 1816.

..... Поговоримъ о Петербургѣ. На другой день я былъ у Императрицы Маріи: не удивился ея милостивому пріему, но до крайности удивился ея молодости и свѣжести: это прекрасная женщина въ 40 лѣтъ; говоритъ любезно, складно и съ рѣдкою легкостію. Разговоръ нашъ продолжался минутъ 20 или еще менѣе; а мы коснулись и до нравственности и до самыхъ отвлеченныхъ идей, не забывъ, разумѣется, Исторіи. Извиняясь, что не можетъ теперь дать мнѣ болѣе времени, она сказала съ чувствомъ: pensez à l'état d'une mère qui marie sa dernière fille (*). Спрашивала о тебѣ, объ дѣтяхъ; заставила меня перецѣловать сыновей Великой Княгини, нашла что я не такъ похудѣлъ, какъ ей сказали, и проч. Вотъ и конецъ моихъ свиданій съ Императорскою Фамиліею, Жду повелѣнія Государева явиться къ Нему съ Исторіею черезъ Графа Н. А. Толстаго: такъ Ему угодно; Онъ не приказалъ (какъ объявили мнѣ), чтобы я представлялся черезъ Оберъ-Каммергера. Боюсь только, что это можетъ продлиться и недѣлю и двѣ и три въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Готовятся къ свадьбѣ и праздникамъ: развѣ около 20 затихнетъ шумъ. Сколько дней для меня потеряно! Впрочемъ не могу нахвалиться учтивостію, привѣтствіями и ласками здѣшнихъ жителей и *бояръ*. Il n'y a pas de doute que la civilisation a fait plus de progrès ici qu'à Moscou. Обѣдаю у Растопчина, у Канцлера, у Гр. Сергѣя Петровича, у Графини Лаваль, Полтарацкаго и проч. и проч.

(*) Великую Княжну Анну Павловну, нынѣ Королеву Нидерландскую.
Прим. Изд.

Послѣ обѣда ѣзжу изъ дому въ домъ, т. е. бываю въ двухъ или трехъ мѣстахъ. La liste de mes visites est augmentée d'une douzaine de noms. Еще у половины не былъ; многіе уже пеняютъ мнѣ. Всего важнѣе то, что я оставилъ мерзкую *отель-гарни* и переѣхалъ къ доброй Катеринѣ Ѳедоровнѣ Муравьевой, которая, узнавъ, что я буду въ Петербургѣ, велѣла топить для меня свой верхній этажъ (*). Я вижу въ ней родную. На той почтѣ буду писать къ Ивану Ивановичу (**), котораго порученія всѣ исправлены мною: я былъ у Н. Я. Плюсковой и нашелъ въ ней пріятную женщину; благодарилъ отъ него Д. П. Трощинскаго, и проч. Будучи безпрестанно въ движеніи, я не ступилъ почти ни шагу къ главной цѣли. Одинъ *вельможа* или бояринъ (ибо здѣсь нѣтъ *вельможъ* кромѣ одного Графа Аракчеева, какъ сказываютъ) вымолвилъ моему пріятелю такое слово: «Карамзинъ хочетъ, чтобы Казна «дала деньги на печатаніе его Исторіи; но сумма ве«лика, и вѣроятно, что по новымъ правиламъ эконо«міи ему откажутъ или не откажутъ да не дадутъ. «Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ предложилъ «бы ему 50 тысячъ для сего дѣла». Я радъ, что у насъ есть такіе бояре; но скорѣе брошу свою Исторію въ огонь, нежели возьму 50 тысячъ отъ партикулярнаго человѣка. Хочу единственно должнаго и справедливаго, а не милостей и подарковъ.

К. Алексѣй Щербатовъ здѣсь, и мы вмѣстѣ проводимъ нынѣшній вечеръ у О. П. Козодавлева. Вчера видѣлъ я племянника, сына Ѳедора Мих., и обнималъ его со слезами: прекрасный мальчикъ! Вообра-

(*) На Фонтанкѣ, отъ Аничкова мосту въ третьемъ домѣ, принадлежащемъ теперь Г. Шиловскому.

(**) Дмитріеву, съ которымъ Н. Я. Плюскова была издавна въ дружбѣ.

зи, что у меня въ одно утро было 12 гостей, и все добрыхъ пріятелей! Но всѣ здѣшнія ласки приводятъ меня въ грусть: ты не дѣлишь ихъ со мною, и не видишь, какъ твоего плѣшиваго мужа уважаютъ въ Петербургѣ! Съ хорошимъ или дурнымъ намѣреніемъ распустили слухъ, что мнѣ уже дано то и то. Знай, что я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около трехъ часовъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною.... о происхожденіи Славянскихъ словъ. J'ai du tendre pour mes ennemis si j'en ai. Хожу пѣшкомъ рано, часу въ осьмомъ и девятомъ и все одною дорогой, отъ Аничковскаго мосту до Казанской..... Это письмо дописываю уже во вторникъ. Прибавлю еще, что я былъ у обѣдни у К. Голицына: прекрасная церковь, служба и пѣніе. Изъ моихъ новыхъ знакомыхъ наименую К. Александра Ник. Салтыкова: человѣкъ умной и пріятной. Вчера мы просидѣли съ нимъ до втораго часу ночи. Пишу къ тебѣ безъ связи и спѣшу отправить письмо..... Завтра свадьба (*): не поѣду ни во дворецъ, ни на балъ, ни въ маскарадъ; и въ Москвѣ и въ Петербургѣ не люблю блестящихъ собраній.... нѣсколько разъ поцѣлуй за меня Сонюшку, Катеньку, Андрея, Сашу: всѣмъ вамъ именемъ Божіимъ даю благословеніе. Простите, да сохранитъ васъ Всевышній. Я здоровъ и начинаю ѣсть со вкусомъ; въ первые дни у меня что-то не было аппетиту. Скажи отъ меня ласковое слово другу Ивану Ивановичу, Сергѣю Сергѣевичу, К. Андрею Петровичу, etc, etc! Вотъ записка экономическая: карета въ мѣсяцъ 500 рублей, лакей 70 р., на пищу двумъ человѣкамъ 60 р. Другихъ издержекъ мало.

(*) Велик. Кн. Анны Павловны съ Наслѣднымъ Принцемъ Нидерландскимъ (въ послѣдствіи Королемъ) Вильгельмомъ.

Огарева въ кашлѣ, мужъ ея также нездоровъ; но оба встрѣтили меня какъ роднаго. К. Петръ здоровъ.

3.

С. Петербургъ, 11 Февраля, 1816.

.....Я здоровъ совершенно, и Невская вода не вредитъ мнѣ; ѣмъ и сплю не худо; всякое утро, иногда на разсвѣтѣ, хожу пѣшкомъ. Какой прекрасной городъ! Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я здѣсь, и все ѣзжу съ визитами. Отъ Государя ни слова. Императрица Марія не рѣдко говоритъ обо мнѣ съ другими, какъ мнѣ сказываютъ. Что будетъ далѣе, не знаю; но знаю, что 10 Марта (если не прежде) возьму подорожную, чтобы ѣхать къ вамъ назадъ и болѣе не заглядывать въ Петербургъ, хотя не могу довольно нахвалиться ласками здѣшнихъ господъ и пріятелей. Обѣдъ за обѣдомъ; зовутъ и на вечеръ; пишутъ обязательныя записки: однимъ словомъ купаюсь какъ сыръ въ маслѣ!! Пріятельница Г-жи Сталь, наша Графиня Лаваль, поетъ мнѣ комплименты какъ сирена. Я отъ роду не живалъ такъ: вообрази, что съ 11 часовъ скачу съ визитами! и хорошо дѣлаю: это лучшее разсѣяніе; почти не затворяю рта и не имѣю времени грустить. На страницѣ едва ли упишу имена тѣхъ, которые велѣли мнѣ увѣрить тебя въ любви или въ почтеніи: упомяну однакожь и о доброй Огаревой, Лобановыхъ, Растопчиныхъ, Румянцевѣ и старомъ пріятелѣ Пестелѣ. Однакожь знай, что нашелся одинъ че-

ловѣкъ, старой знакомецъ, которой принялъ меня весьма холодно, и объявилъ, что ему *извѣстенъ* мой образъ мыслей, contraire aux idées libérales,- то есть, образу мыслей Фуше, Карно, Грегуара. Онъ думаетъ, что мнѣ лучше печатать свою Исторію въ Москвѣ, и я съ нимъ согласился; это между нами. Живу у доброй Катерины Ѳедоровны какъ дома, и только нынѣшній день въ первый разъ буду у нее обѣдать. Скажи другу Ивану Ивановичу, что даже и Лазаревичь Армянинъ звалъ меня на обѣдъ, на которой однакожь не поѣду, не будучи ни случайнымъ, ни обжорою. Скоро наши любезные Малиновскіе отправятся въ Москву: они поговорятъ съ тобою обо мнѣ. Алексѣй Ѳедоровичь получитъ нѣчто въ знакъ благоволенія. Съ Княземъ Петромъ иногда вмѣстѣ обѣдаемъ. Въ Москвѣ будетъ новой Почтъ-Директоръ: мнѣ жаль Д. П. Рунича, которому слѣдовало бы имѣть это мѣсто. Здѣсь теперь все занято праздниками: авось скоро узнаю что нибудь рѣшительное въ разсужденіи моей Исторіи. Доселѣ не сержусь и такъ спокоенъ, какъ младенецъ. Что-то наши младенцы?

.... Судьба наша зависитъ отъ Бога: слѣдственно въ хорошихъ рукахъ.

4.

С. Петербургъ, 14 Февраля 1816.

..... Третьяго дня былъ я на маленькомъ дѣтскомъ балѣ у Гр. Толстаго, и чуть не залился слеза-

ми, смотря на малютокъ и матерей ихъ. Богъ да хранитъ насъ! Поговоримъ о Петербургѣ.

Я видѣлъ Императора, но только видѣлъ. Вчера вдовствующая Императрица прислала звать меня на свой блестящій балъ, а какъ, увидишь изъ приложенной записки. Она раза три говорила со мною; предлагала мнѣ играть въ карты, и замѣтила, когда я, до крайности утомленный, въ 12 часовъ уѣхалъ. Милость ея любезна. Вчерась же по утру сказали мнѣ *именемъ Государя*, что Онъ *послѣ праздниковъ* пришлетъ за мною, и прибавили *отъ себя*, что всякое мое справедливое желаніе безъ сомнѣнія будетъ Имъ исполнено. Болѣе ничего не знаю. Государыня Елисавета Алексѣевна изъявила намѣреніе принять меня безъ чиновъ на сихъ дняхъ и слушать мою Исторію. Я любовался вчера всею Императорскою Фамиліею, и тѣмъ пріятнѣе, что они всѣ, какъ мнѣ сказывали, милостиво отзываются о твоемъ другѣ; всѣ, кромѣ самого Государя, о расположеніи котораго не имѣю никакого понятія. Не хочу угадывать. C'est avec intérêt que je l'ai vu entrer dans la salle, conduisant sa mère; je l'ai fixé bien des fois et pensé: *je t'admire* et *je voudrais t'aimer beaucoup!* Il a une belle physionomie. Изъ новыхъ примѣчательныхъ знакомствъ наименую тебѣ Капо д'Истріа; онъ въ большой довѣренности и показался мнѣ любезнымъ, откровеннымъ, такъ что Князь А. Н. Голицынъ, познакомивъ насъ, черезъ 10 минутъ замѣтилъ съ шуткою, что мы уже говоримъ какъ старые знакомцы. Можетъ быть я еще съ нимъ увижусь и дѣйствительно короче познакомлюсь. Вообще, не обижая Москвы, нахожу здѣсь болѣе умныхъ, пріятныхъ людей, съ которыми можно говорить о моихъ любимыхъ матеріяхъ..... Румянцевы рады ежедневно быть

со мною. Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными *непріятелями* и скажу имъ: *есмь единъ посредѣ васъ и не устрашуся!* Видѣлъ во дворцѣ и К.....: вѣроятно, что онъ вымышляетъ какіе нибудь новые доносы и лжетъ по обыкновенію. Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ. Собираюсь на первой недѣлѣ осмотрѣть Эрмитажъ, Казанскую церковь, Библіотеку и проч., хотя неизвѣстность еще безпокоитъ меня. Повторю, что 10 марта надѣюсь сидѣть въ кибиткѣ. Жить у милой доброй Катерины Ѳедоровны есть для меня величайшая выгода: это сестра родная. Жду брата Ѳедора. Булгаковъ Почтъ-Директоръ въ Москвѣ. Пошли, милая, мамушкина мужа поздравить Д. П. Рунича съ полученіемъ чина... Я совершенно здоровъ, и даже сплю хорошо отъ усталости. Этотъ родъ жизни однакожь можетъ сдѣлаться тяжелымъ à la longue.

5.

Петербургъ, 18 Февраля 1816.

..... Государь, какъ ты знаешь, обѣщался позвать меня въ кабинетъ послѣ праздниковъ. Черезъ два дни постъ; но говѣнье опять можетъ быть препятствіемъ. Увидимъ. Добрые люди на всякій случай даютъ мнѣ мысль продать свою Исторію тысячь за сто, то есть, если не увижу Государя еще недѣли три, или Казна не выдастъ мнѣ денегъ для ея печатанія. Покупщикъ, можетъ быть, найдется; но согласно ли это съ досто-

инствомъ Россійской Имперіи и съ честію Исторіографства? Между тѣмъ мнѣ щастье въ Императрицахъ и въ Публикѣ: первыя милостиво говорятъ обо мнѣ, съ кѣмъ могутъ. Елисавета Алексѣевна разспрашивала у Графа Растопчина о тебѣ, о твоей наружности и душѣ, и сказала: eh bien, je crois la voir (по словамъ Графа). Великая Княгиня (по его же словамъ) сказала ему: notre historiographe court la ville, mais pourquoi est-ce qu'on le cajole? онъ отвѣчалъ: c'est qu'il est le suisse de l'immortalité. Она засмѣялась, и послѣ съ важностью примолвила: je voudrois pourtant que cela fut déjà fini. Вчера былъ у меня еще посолъ отъ В. К. Маріи Павловны, Глинка, кавалеръ при Великихъ Князьяхъ, и звалъ меня къ ней. Всѣми здѣшними не могу нахвалиться. Будущіе обѣды, записанные въ моей книжкѣ, идутъ уже до воскресенья второй недѣли поста: суди, любятъ ли здѣсь гостепріимство! На сихъ дняхъ поѣду въ гости и къ Англійскому Клобу: Директоры приглашаютъ меня. Я не хотѣлъ и не думалъ быть на праздникахъ; однакожь, какъ тебѣ извѣстно, былъ на балѣ у Императрицы, а нынѣшній день буду въ маскарадѣ Таврическаго дворца, потому что едва ли не по приказанію Государеву доставленъ мнѣ билетъ чрезъ Кн. А. Н. Голицына, и потому что Императоръ весьма занимается симъ праздникомъ, такъ, что знатную часть вчерашняго утра провелъ въ Таврическомъ дворцѣ, все самъ учреждалъ и проч. Какъ не ѣхать къ такому доброму хозяину, когда Онъ зоветъ! Гостей будетъ около 3000, а отставныхъ только 60; тремъ стамъ, большею частію класснымъ, не дали билетовъ. Вотъ подробности самыя исторіографическія, по крайней мѣрѣ историческія! Но милая жена моя всему рада отъ мужа, видя, что онъ здоровъ и почти

веселъ! Дай Богъ, чтобы я не былъ въ худшемъ расположеніи: тогда выѣду изъ Петербурга съ искреннею признательностію. Что касается собственно до города, то онъ удивительно прекрасенъ: въ Европѣ нѣтъ другова Петербурга. Постъ начну осмотромъ Эрмитажа и Казанской. Мало, что я мыкаюсь съ обѣда до полуночи: всякое утро бываютъ у меня люди, и пріятели и новыя лица. Скажи Ивану Ивановичу, что нашъ велемудрый законодатель Розенкампфъ, столь ему извѣстный, самъ явился ко мнѣ для знакомства и былъ привѣтливъ до крайности. Съ Румянцевыми живу душа въ душу: слава ихъ отца и собственныя ихъ достоинства вселили въ меня искреннюю любовь къ нимъ, хотя мы отчасти и *разныхъ* системъ. Измѣнилъ мнѣ только одинъ человѣкъ: бѣдной! А какъ здѣсь пишутъ о тарифѣ! какъ врутъ! какъ хотятъ обманывать Государя! Славный мой обѣдъ *съ непріятелями* не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавлять ихъ Грамматикою, Синтаксисомъ, Этимологіею. Добрый старикъ Державинъ вздумалъ было произвести меня въ Члены Россійской Шишковской Академіи; но я сказалъ ему, что до конца моей жизни *не назовусь* Членомъ никакой Академіи, и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ. Даже и К.... обѣдалъ съ нами; онъ въ волненіи духа, и спрашивалъ у меня, когда уѣду въ Москву? Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его; вотъ казнь злобы и душевной мерзости! Не знаю, кто больше обрадуется: ты ли моему пріѣзду, или онъ моему отъѣзду! Къ вамъ ѣдетъ новой Почтъ-Директоръ: можешь въ случаѣ нужды адрессоваться къ нему; мы съ нимъ познакомились. Милая хозяйка моя не измѣняется въ своихъ ласкахъ:

всего чаще говорю съ нею о тебѣ. Вотъ истинная жена Михайла Никитича! Не могъ я выбрать лучшаго жилища, и это украсило для меня Петербургъ. Съ Кн. Петромъ только иногда обѣдаемъ вмѣстѣ, за исключеніемъ одного вечера, которой онъ до втораго часа ночи провелъ у меня съ нашими молодыми пріятелями. Онъ на всѣхъ балахъ, однакожь, по его словамъ, не очень веселится: я умѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и потому *веселюсь*, пою какъ соловей!...

6.

С. Петербургъ, 22 Февраля 1816.

..... Неизвѣстность, для тебя и для меня огорчительная, не продолжится болѣе двухъ недѣль: еще повторяю, что около 10 Марта съѣзжу къ Оберъ-Гофмейстеру и скажу ему, что я, оставивъ въ Москвѣ жену и дѣтей, прошу позволенія ѣхать къ нимъ обратно. Не можешь вообразить, какъ я по милости Божіей спокоенъ въ душѣ и выше элементовъ придворныхъ! Не хочу презирать себя: c'est tout dire, et tu me comprends. Не сдѣлаю ничего непристойнаго; знаю отношенія подданнаго къ Государю и долгъ нашего къ Нему благоговѣнія. Государь и вся Императорская Фамилія были заняты праздниками, теперь заняты говѣньемъ и молитвою, на второй недѣлѣ будутъ заняты прощаніемъ съ Великою Княгинею, а въ половинѣ третьей я уже *займусь* своимъ отъѣз-

домъ въ Москву; мѣра терпѣнія моего исполнится. J'ai assez bien vu les choses, étant encore à Moscou; j'ai fait ce que j'ai dû faire et je ferai ce que je dois faire; ton ami sait ce qu'il doit à son Souverain, mais il sait aussi ce qu'il doit à sa propre dignité morale. Mais parlons un peu de mon séjour à Pétersbourg. Я писалъ къ тебѣ о маскарадѣ: онъ былъ самымъ Царскимъ праздникомъ; никогда не видалъ я такого феерверка и столь великолѣпной огромностію и освѣщеніемъ залы: около трехъ тысячъ людей не тѣснились въ ней. Но если многіе изъ бывшихъ тамъ веселились, то многіе и досадуютъ, не получивъ билетовъ. Мужъ твой сдѣлался здѣсь героемъ: въ одномъ маскарадномъ платьѣ (Графа Румянцева) и въ башмакахъ ходилъ по холоднымъ коридорамъ, два часа сидѣлъ въ холодной комнатѣ, чтобы смотрѣть феерверка, и послѣ, вышедши въ поту изъ огромной залы опять въ холодныя сѣни, ни мало не простудился! Кареты не ждалъ ни двухъ минутъ, потому что уѣхалъ рано, въ 11 часовъ, пить чай и ужинать къ хозяйкѣ. Ты, милая, требуешь отъ меня журнала: и такъ знай, что въ субботу обѣдалъ я у Полторацкаго, часть вечера былъ у брата Ѳедора и добрыхъ, любезныхъ племянницъ, которыя отъ тебя безъ памяти; другую часть вечера провелъ у Княгини Александры Петровны Голицыной, а въ 12 часу ночи отправился на большой балъ къ Графинѣ Лаваль, гдѣ начинали только съѣзжаться; въ первомъ часу уѣхалъ и на крыльцѣ встрѣтилъ Лорда Каткарта, пріѣхавшаго на балъ съ своимъ семействомъ. Видишь, какъ здѣсь не перенимаютъ новой моды ложиться рано! Въ воскресенье обѣдъ у Олениныхъ. Они ко мнѣ очень ласковы, хотя и новые знакомые, такъ что проболтавъ у нихъ до 8 часовъ, я уже не захотѣлъ

никуда ѣхать; заѣхалъ только къ брату Ѳедору и спѣшилъ домой на постелю, чтобы отдохнуть. Сплю вообще хорошо и ѣмъ за двоихъ; надѣюсь, что не похудѣю. Въ понедѣльникъ обѣдъ у добраго Столыпина, и самой пріятельской, а вечеръ у Растопчина; во вторникъ, нынѣ, обѣдаю у нашего *законодателя* Розенкампфа, а вечеръ у Канцлера и Козодавлева, какъ думаю. У Лобановыхъ обѣдалъ: они всегда говорятъ о тебѣ съ любовію. У Нелединскихъ я уже не былъ дней шесть; они какъ-то слишкомъ заняты собственнымъ, и не всегда привѣтливы; иное дѣло Князь Василій: это братъ, хотя и съ нимъ вижусь рѣдко; Мордвиновъ все такъ же добродушенъ и здѣсь очень не въ модѣ; а Муромцовъ, по старому, споритъ и любитъ; Авдотья же Селивестровна ласкаетъ и плачетъ. Нашъ Князь Алексѣй Щербатовъ заѣзжалъ ко мнѣ раза два; видѣлся со мною только на балѣ, въ маскарадѣ, и кончитъ, думаю, тѣмъ, что женится. У Мятлевыхъ я былъ и не засталъ ихъ; буду еще; они зовутъ меня. Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всѣхъ *сердечнѣе*, *ласковѣе*: добрая хозяйка, Малиновскіе, *Арзамасское* общество нашихъ молодыхъ литтераторовъ, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкіе; но со всѣми вижусь рѣдко, ибо вижу многихъ, и не умѣю отказываться отъ обѣдовъ. Вообще всѣ хорошо со мною; не только зовутъ, но и ѣздятъ ко мнѣ по утрамъ, такъ что всякое утро принимаю человѣкъ пять; являются и незнакомые. Не могу похвалиться дружбою Великой Княгини: она мнѣ только съ ласкою кланялась во дворцѣ; говоритъ, что занимается моимъ дѣломъ; хочетъ звать меня къ себѣ, и не зоветъ. Богъ съ нею и со всѣми! ничего не требую и доволенъ. Вчера осматривалъ я Эрмитажъ: сколько пре-

краснаго! — Строки твои о любезной Катеринѣ Ѳедоровнѣ заставили плакать и меня и ее: достойная жена покойника! — Милой Андрюша! Какъ хорошо умѣла ты описать движеніе его маленькаго сердца! Нѣжно, нѣжно поцѣлуй за меня всѣхъ дѣтей, не забывая и Саши тихаго. Спасибо дочерямъ за ихъ посланія. Катенька требуетъ особенныхъ отъ меня писемъ: это разсмѣшило меня.—Ты хочешь знать мой туалетъ: распудренъ, причесанъ славно за 30 рублей въ мѣсяцъ, большею частію въ черномъ фракѣ, въ башмакахъ, и хоть куда! Находятъ, что я не такъ старъ. Дай Богъ, чтобы ты по возвращеніи то же обо мнѣ сказала! Обнимаю друга Ивана Ивановича, Сергѣя Сергѣевича, Князя Андрея Петровича, и всѣхъ кто тебя посѣщаетъ; въ особенности почтеннаго П. И. Приклонскаго и Князя Ивана. Съ любовію цѣлую руки у доброй Княгини Вѣры, у К. А. Рябининой и Графини Паниной. Скоро будутъ къ вамъ Малиновскіе съ перстнемъ и съ рескриптомъ, а я можетъ быть ни съ чѣмъ, но безъ зависти и съ благодарностію къ Богу, если Онъ сохранитъ тебя, милая, и нашихъ остальныхъ дѣтей. Благодари Бога и радуйся: потому что я здоровъ и спокоенъ; это главное; а къ тому еще уважаютъ меня....

7.

С. Петербургъ, 24 и 25 Февраля 1816.

..... Уже три недѣли я здѣсь и теряю время на суету: не подвигаюсь впередъ, и дѣйствительно имѣю нужду въ терпѣніи. Почти ежедневно слышу, и въ особенности черезъ Великую Княгиню, что Государь

благорасположенъ принять меня—и все только слышу. Видишь, какъ трудно войти въ святилище Его кабинета! Вчера Графъ Капо д'Истріа (сидѣвшій у меня три часа) въ утѣшеніе говорилъ мнѣ, что Государь во все это время еще *никого* не принималъ у себя въ кабинетѣ: слѣдственно надобно ждать! Ты, милая, заставила меня посмѣяться надъ тобою, сказавъ, что я вѣрно не употребляю всѣхъ способовъ отдѣлаться поскорѣе: дѣйствительно жду только, и болѣе ничего не дѣлаю; но для того, что дѣлать нечего. Государь не можетъ забыть, что Исторіографъ здѣсь: ибо самъ, какъ мнѣ сказывали, говоритъ обо мнѣ; а принудить Его никто безъ сомнѣнія не возмется..... Буду молчать до третьей недѣли поста; а тамъ скажу, что пора мнѣ домой, какъ я уже писалъ къ тебѣ. Государь причиною того, что не вижу и милостивыхъ, любезныхъ Императрицъ, ни Великихъ Княгинь. Скажу тебѣ нѣсколько словъ о *вельможѣ*. Вчера входитъ ко мнѣ ординарецъ его, съ запискою отъ Адъютанта, что Графъ ждетъ меня въ 6 часовъ вечера. Догадываюсь, и отвѣчаю, что *не я*, а братъ мой Ѳедоръ, старинной сослуживецъ Графа, былъ у него наканунѣ, не имѣвъ щастія видѣть его. Адъютантъ извиняется весьма учтиво и пишетъ, что онъ дѣйствительно ошибся, и что Графъ ждетъ брата. Братъ является и Графъ съ низкимъ поклономъ говоритъ ему: «радуюсь случаю по-«знакомиться съ такимъ *ученымъ* человѣкомъ, тѣмъ бо-«лѣе, что я былъ нѣкогда пріятелемъ вашего братца.» Ѳедоръ Михайловичь отвѣчаетъ: «Ваше Сіятельство! «я не Исторіографъ, а самой вашъ старинной знако-«мецъ!» Слѣдуютъ объятія, ласки. Открылось, что Графъ ждалъ Исторіографа, узнавъ, что пріѣзжалъ къ нему Карамзинъ. Но могъ ли я, имѣя извѣстный

тебѣ характеръ, ѣхать къ незнакомому мнѣ Фавориту? Это было бы нахально и глупо съ моей стороны. Однакожь этотъ случай ставитъ меня въ непріятное положеніе: *другъ Государевъ* уже объявилъ свое расположеніе принять меня учтиво и обязательно: если небуду у него, то не покажусь ли ему грубіяномъ? а если буду, то не заключатъ ли, что я пролазъ и подлой искатель? Лучше, кажется, не ѣхать. Пусть вельможа несправедливо сочтетъ меня грубіяномъ. Такъ ли думаешь, милая? Вотъ росписаніе моихъ обѣдовъ: въ вторникъ у Розенкампфа со всею законодательною Коммиссіею и съ его довольно-любезною женою, qui a un assez joli ton. Много разсужденій о сочиненіи Законовъ, и проч. Я сказалъ имъ: Messieurs, le public vous accuse; vous avez eu l'air d'errer beaucoup; vous visitiez la lune sans vous donner la peine de bien connoitre la Russie. Оправдывались и не убѣждали меня. Вечеръ у Канцлера. Въ середу обѣдъ у Графа Сергѣя Петровича съ Кн. Петромъ; нѣсколько визитовъ и вечеръ съ Арзамасскимъ обществомъ. Въ четвертокъ обѣдъ у Графа Винценгероде, нѣсколько визитовъ и пріятной вечеръ дома съ Графомъ Капо d'Истріа, Кн. Алексѣемъ Щербатовымъ, еще нѣкоторыми и Арзамасцами. Люблю перваго: онъ уменъ и кажется основательнымъ, franc et discret en même tems, ce qui prouve qu'il a beaucoup d'esprit. Мало, что ѣзжу: у меня бываетъ довольно людей; je suis presque à la mode. Кормятъ меня все сладкими закусками, но мой естественный вкусъ требуетъ жены и дѣтей, которыхъ далъ мнѣ Богъ. Je commence un peu à me fatiguer quoique je ne me gêne pas beaucoup et conserve ma franchise ordinaire. Ты хочешь знать, что сдѣлалъ для меня Графъ Петръ Александровичь: познакомилъ съ братомъ своимъ, Оберъ-

Гофмаршаломъ, и говорилъ, кажется, съ Императоромъ, давая мнѣ чувствовать, что трудъ мой не останется безъ Всемилостивѣйшаго вниманія. У друга твоего нѣтъ покровителей: разумѣешь меня. Hélas! j'ai déjà peu de tems à vivre: changerois-je de caractère? Je ne suis rien aux yeux de mon Dieu; mais les hommes ne me feront pas baisser les yeux! Молись Богу, милая, чтобы онъ сохранилъ насъ другъ для друга и для дѣтей еще по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. И это можетъ быть слабость; но я не стыжусь ее передъ Всевидящимъ. У Ланской буду и не премину исполнить воли нашего друга во всей полнотѣ ея.... Выѣзжай, милая, принимай и менѣе грусти, а болѣе молись. Пиши, повторяй, сказывай, что съ тобою бываетъ всякой день. Не обочту тебя, милая, днями: авось 10-го выѣду, а къ 15 у тебя. Обѣты наши часто бываютъ безполезны; но думаю, что мы уже не разстанемся, когда соединимся.

Ты, любезная, виновата, если наши Московскіе друзья и пріятели недовольны моимъ молчаніемъ: для чего всѣмъ имъ не кланяешься отъ меня? Разумѣется, что я ихъ не могу забыть. Всѣхъ, всѣхъ обнимаю: у *другинь* цѣлую руку. Напомню тебѣ, что не надобно оглашать нѣкоторыхъ подробностей въ моихъ письмахъ. Печешься ли ты о моемъ конѣ? водятъ ли его къ Шульцу? Князь Яковъ Ивановичь Лобановъ сдѣланъ Членомъ Совѣта: вчера былъ у меня Кн. Дмитрій Ивановичь, твой обожатель. Пестель также Членъ Совѣта: онъ кажется *угадываетъ* меня, а я *знаю* его. Nous avons été parfaitement bien, mais il me néglige depuis 10 jours. Adieu, chère et douce amie.

11 часовъ утра.

Мнѣ часто не даютъ писать, а отказывать не могу: видятъ что я дома по каретѣ; не хочу быть грубымъ и неблагодарнымъ.... Bénis les enfans pour moi: je compte sur ta bénédiction plus que sur la mienne. Ne sois pas fière de *mes succès*: prie Dieu et attends moi. Je te reviendrai plus que jamais dégoûté du monde!....

8.

С. Петербургъ, 28 Февраля 1816.

..... Будемъ вмѣстѣ призывать имя нашего Отца Небеснаго: Онъ къ намъ добръ, потому что хранитъ насъ еще другъ для друга. Пожалуй, милая, пиши ко мнѣ подробно о всякомъ днѣ своемъ: письма твои столь же любопытны для меня, какъ мои для тебя, хотя въ Москвѣ и нѣтъ Двора. О себѣ скажу, что мое положеніе не перемѣнилось: къ Императору не зовутъ меня, и даже Великой Княгини не вижу. Почти желаю, чтобы она уѣхала въ четвергъ не простившись со мною. Мнѣ будетъ легче или такъ же легко какъ и теперь. Нынѣшній день былъ я у Великой Княгини Маріи: она очень миловидна, ласкова, любезна, О Принцѣ не скажу ни слова. A sa demande, si je passois bien mon tems à Pétersbourg, je lui ai répondu: Madame, j'en suis enchanté; on me traite parfaitement bien ici; mais séparé de ma famille chérie, je perds et mon tems et ma santé à Pétersbourg, car j'y mène une vie à laquelle je ne suis nullement accoutumé: je ne

fais rien et je cours toute la journée. Она: Mais l'Empereur est si occupé! Я: Un Empereur de Russie est toujours occupé, et voit pourtant ceux qu'il veut voir. Dans 8 jours je demanderai la permission de repartir pour Moscou. Она не заставила меня ждать ни минуты, хотя я пріѣхалъ ранѣе назначеннаго времени. Прощаясь звала меня опять къ себѣ; а я отвѣчалъ; j'attendrai vos ordres. Завтра отправляюсь къ Вел. Княгинѣ Аннѣ Павловнѣ въ 11 часовъ утра: вѣроятно и ею буду доволенъ. Впрочемъ я всѣми доволенъ, не смотря на сплетни, и вотъ какія: Генералъ Писаревъ, котораго знаешь, пріятель Графа Аракчеева и Генералъ-Адъютанта Сипягина, (какъ мнѣ объявили) разсказывалъ за секретъ въ одномъ домѣ, что Государь, услышавъ о шестидесяти тысячахъ, коихъ должна стоить Казнѣ моя Исторія, сказалъ: «Какой вздоръ! дамъ ли я такую сумму!» Вѣришь ли? Я и вѣрю и не вѣрю. Это не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія, ибо я уже рѣшился не говорить объ Исторіи, везти ее назадъ, спрятать до иныхъ временъ и надписать надъ манускриптомъ: à l'usage de mes enfans et de la postérité. Сдѣлай милость, любезнѣйшая, не говори объ этомъ никому. Скажи любопытнымъ, что надѣюсь выѣхать изъ Петербурга около 10 Марта, и что я, какъ и правда, весьма доволенъ Петербургомъ. Въ самомъ дѣлѣ, меня всѣ ласкаютъ: чего болѣе? По милости Бога мы не умремъ съ голоду и безъ Исторіи: c'est un bonheur que de n'y plus penser: nous serons libres. Je supporterai avec patience toutes les bêtises de notre cher Moscou. Pétersbourg est une belle ville; j'y ai vu quelques gens d'esprit: mais il m'est plus doux d'être au sein de ma famille, dusse-je tous les jours aller moi-même au marché pour y acheter mon bois! Je suis trés tranquille et je me

porte à merveille: rends grace au Ciel. J'ai diné ces jours-ci chez ma bonne Катерина Ѳедоровна, chez le Comte Пушкинъ (гдѣ всѣ объ тебѣ говорили), у Полторацкаго и Державина; былъ по вечерамъ у Канцлера, Оленина, Козодавлева, Растопчина, Голицыной. Завтра обѣдаю съ шестью или семью избранными, Куракинымъ, Кочубеемъ, можетъ быть и Аракчеевымъ у Графа Николая Петровича Румянцева. Amie chère, tu dis que mes lettres sont trop peu détaillées et sont écrites trop à la hâte: s'est vrai; mais je suis trop impatient de retourner à Moscou, j'attache trop peu d'importance à ce que je vois, à ce que j'entends, surtout depuis quelques jours. Oh! quant aux diners, quant aux honnetetés j'en aurois encore pour quelques semaines au moins. Dis à notre ami, que j'ai eu le plaisir d'être chez l'aimable Mme Lanskoy et que je suis resté chez elle depuis 9 heures du soir jusqu' à 11½. Quant à son amie Наталья Яковлевна, je l'aime beaucoup: elle a aussi l'air de m'aimer. En sortant de chez la Grande Duchesse, j'ai passé une heure chez cette bien aimable dame: nous causons à merveille. Здѣсь изъ мущинъ всѣхъ любезнѣе для меня Арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ! Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ. Я не спѣшу ѣхать къ Графу Капо-д'Истріа и уже недѣли двѣ не видалъ Князя Голицына: слѣдственно Плюскова ошиблась, и я не придворной. Вообрази, что я по сіе время не могу собраться на вечеръ къ Князю Лопухину, которой звалъ меня убѣдительно: je suis presque barbare. Chasse Pétersbourg et la Cour de tes idées; n'y vois que ton ami qui n'aspire qu'à retourner auprès de toi; oublie jusqu'à mon histoire même. Revenu à Moscou, je continuerai pourtant cet

ouvrage: il appartient à mes enfans et à ma patrie. Vive le travail! En attendant je t'écrirai ce qui m'arrivera encore. Je prévois un cas pénible: si l'Empereur ne répond rien à ma demande de retourner à Moscou? Prendrois-je cela pour une permission? J'espère que tout sera plus clair dans 8 ou 10 jours d'ici. Je ne veux pas être fou, et ne veux rien précipiter; mais je me sens plus fier que jamais après avoir respiré l'air de Pétersbourg!..

9.

Вторникъ, 29 Февраля, 9 часовъ утра.

Здравствуй, милая! Собираясь ѣхать во дворецъ, хочу написать къ тебѣ еще нѣсколько строкъ. Я уже успѣлъ пройти пѣшкомъ версты четыре, и хотя вчера возвратился домой отъ Растопчина въ 12 часовъ, но не могъ спать долѣе какъ до 7 часовъ. Тамъ сверхъ многихъ дамъ, была *Свѣчина*, женщина умная и *Католичка*: она учтивостями и ласками хотѣла обязать меня до крайности. Надобно быть у нее, чтобы поговорить о Религіи. Такой же разговоръ ожидаетъ меня у Графа Местра, Министра; но по сіе время не собрался къ нему. Знаешь, какъ не умѣю располагать временемъ! Писаревъ, можетъ быть, солгалъ; а вчера другой человѣкъ опять за тайну объявилъ мнѣ, что меня сдѣлаютъ Каммеръ-Геромъ! Не говори объ этомъ. Увидимъ, кто правъ. Здѣсь многіе сильно огорчены указомъ о строгомъ взысканіи недоимокъ, которыя

простираются до 35 милліоновъ. Около 200 т. душъ, находящихся въ казенномъ залогѣ, могутъ быть проданы съ публичнаго торгу. Пестель остается по видимому Генералъ-Губернаторомъ; его ненавидятъ всѣ вообще. Жалѣю объ немъ и предвижу, что ему со временемъ могутъ встрѣтиться непріятности. Il est difficile de lutter contre l'opinion publique. Прилагаю письмо Ланской къ Ивану Ивановичу. У нихъ война болѣе за Плюскову, нежели за меня. Въ изъясненіе моего непредставленія Государю еще прибавлю, что Принцъ Ольденбургской уже давно добивается аудіенціи въ кабинетѣ и напрасно.....

10.

1 Марта 1816 г.

Милой другъ! Свѣтлѣйшій Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ хочетъ непремѣнно, чтобы я далъ ему къ тебѣ письмо, которое онъ самъ желаетъ доставить. Это очень обязательно и ласково съ его стороны: изъяви ему признательность. Здѣсь всѣ или почти всѣ ко мнѣ ласковы; однакожь его учтивость заслуживаетъ мою благодарность. Нынѣшнее утро съ $10^1/_2$ часовъ почти до двухъ провелъ я во дворцѣ у Вел. Княгини Екатерины Павловны съ нашими главными боярами. Всѣ ждали и ждали. Олединская вышла сказать мнѣ нѣсколько привѣтствій и просила вооружиться терпѣніемъ. Скуки не было: я бесѣдовалъ съ старыми и новыми знакомцами, напримѣръ съ Шишковымъ око-

ло часа, весьма искренно, простосердечно. Если онъ честенъ, то не будетъ (какъ ты сказала) злобиться на меня. Изъ новыхъ знакомцевъ Поповъ не мало болталъ со мною. Ихъ впускали къ Вел. Княгинѣ по нѣскольку человѣкъ; наконецъ ввели и меня одного. Мы говорили минутъ 20. Она сказала: l'Empereur parle de vous et voudra peut-etre entendre encore quelques chapitres de votre histoire. Я отвѣчалъ: Je n'ai à présent qu'une seule grâce à demander à Sa Majesté: c'est la permission de retourner à Moscou; je ne veux plus rien. Mon coeur redemande ma femme et mes enfans. Я примолвилъ, что могу быть въ Германіи. Она требовала моего обѣщанія писать къ ней; вынесла и подарила мнѣ англійскій ящикъ съ бѣлыми книжками на память, un souvenir. Однимъ словомъ, мы разстались пристойнымъ образомъ: я сказалъ ей все, что сказалъ бы самому Государю. Теперь повезу это письмо къ Князю Лопухину.....

11.

С. Петербургъ, 2 Марта 1816.

..... Вчера, говоря съ В. К. Екатериною Павловною, я только что не дрожалъ отъ негодованія при мысли, что меня держатъ здѣсь безполезно и почти оскорбительнымъ образомъ. Je lui ai demandé, si je pouvais repartir pour Moscou sans permission: elle m'a

répondu que non et que je devois attendre les ordres de Sa Majesté. Je dis à tous ceux qui veulent m'entendre que je n'ai actuellement qu'une seule idée, celle de m'en aller. On m'étouffe ici sous des roses, mais on m'étouffe; je ne puis pas mener longtems un pareil genre de vie; je suis trop en scène; je parle trop; cela surexcite mes nerfs outre mesure et j'ai besoin de repos. Je me fâche très sérieusement contre celui qni a l'air de ne se soucier guère ni de moi, ni de mon histoire; ne m'imite pas, mon ange, et sois plus généreuse: je te le demande; surtout n'en parle pas avec les autres. Dans 4 ou 5 jours d'ici je demanderai absolument par l'entremise du Comte Nicolas Tolstoy la permission de m'en aller. La Grande Duchesse est partie ce matin: je t'ai écrit hier avec le Prince Лопухинъ sur ma dernière entrevue avec cette charmante et bien légère Princesse, si inconséquente envers moi; malgrè cela je lui conserverai mon *souvenir*; je l'ai fort sincèrement aimée, et je ferai toujours des voeux pour elle. B. K. Анна Павловна a l'air d'être bonne et douce; elle est tellement novice dans l'art des présentations, qu'en me parlant, elle ne pensoit guère á dire un mot de moi au Prince d'Orange qui se tenoit vis-à-vis de moi et à coté d'elle sans proférer une seule parole. Je lui ai demandé enfin l'honneur d'être présenté au Prince, charmant jeune homme, et je lui ai adressé ce compliment: «si jeune, vous vous êtes déjà placé au nombre des héros du tems.» Il m'a répondu avec beauconp de modestie. Demain à 6 heures du soir, je dois aller chez les Grands Ducs qui s'occupent beaucoup du militaire, à ce qu'on dit. Je les ai vus de loin: je les regarderai de près maintenant. Je suppose que Mlle Pluskow (chez qui j'ai passé avant-hier 4 heures au moins) écrira à notre ami encore quelque chose sur l'Impératrice

Elisabeth: je n'en parlerai donc pas. Во вторникъ я былъ на щегольскомъ обѣдѣ у Канцлера; сидѣло за столомъ человѣкъ 12: Куракинъ, Кочубей, одинъ Графъ, ближній родственникъ Императрицы, Тормасовъ, Варшавскій Ланской, Лобановы, Козодавлевъ и проч. Обѣдъ, вины, услуга были очень хороши. Въ середу обѣдъ у Графа Варѳоломея Толстаго, въ четвергъ у Ив. Вас. Тутолмина, въ пятницу у Козодавлева; вечера иногда съ дамами, иногда съ Арзамасцами; не ревнуй къ первымъ: онѣ совсѣмъ не въ родѣ прелестницъ: такія набожныя или такія охотницы писать, что я лѣнивый едва отъ нихъ прячусь. Всѣхъ любезнѣе въ отношеніи ко мнѣ Наталья Яковлевна Плюскова, разумѣется, за исключеніемъ моей святой Катерины Ѳедоровны. Вчера передъ обѣдомъ провелъ я два часа съ любезнымъ Шторхомъ à discuter sur l'affranchissement des paysans. Il a été tout-à-fait aimable, prêtoit la plus grande attention à mes argumens, ne les combattoit que faiblement, et dit à la fin avec une noble franchise: «j'entends des choses *neuves*; c'est fort, et j'avoue que j'ai pu errer». Ему, какъ и мнѣ, около 50 лѣтъ; онъ уменъ и пріятенъ. А у Капо д'Истріа я все еще не былъ, ни у Князя Голицына. Вѣроятно даже, что и Графъ Аракчеевъ считаетъ меня неучтивцемъ: слѣдственно, я худой *царедворецъ!* Не мудрено, что выѣду ни съ чѣмъ, и что моя Исторія останется въ пыли. A propos d'histoire: читалъ ее Арзамасцамъ два раза у Катерины Ѳедоровны (тутъ былъ и Оленинъ); еще по-немногу раза три Канцлеру: дѣйствіе удовлетворяло моему самолюбію. Сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе Арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть. Вообще, милая, хотѣлъ бы я переѣхать съ тобою въ Петербургъ, но если не удостоятъ меня

лицезрѣнія, то надобно забыть Петербургъ: докажемъ, что и въ Россіи есть благородная и Богу не противная гордость; продадимъ Вторускую деревеньку и станемъ вѣкъ доживать въ Москвѣ. Еще повторяю: не сердись, не говори о томъ для меня; даже и сердцемъ мы могли бы унизиться; будемъ только жалѣть, и есть объ чемъ жалѣть! Пестро, очень пестро; но все дѣлается, какъ Богу угодно; вотъ что всегда успокоиваетъ мою душу, исполненную любви къ Россіи и къ ея доброжелательному Монарху. Comme les gens d'esprit sont bètes quand ils s'éloignent de ce grand principe! La religion de mon coeur m'a fait presque trouver la pierre philosophale. Малиновской не здоровъ, но думаетъ ѣхать дни черезъ два. Они скажутъ тебѣ не болѣе того, что уже знаешь: потому что я ничего болѣе не знаю. Не даю себѣ грустить, прося Бога, чтобы и ты, мой ангелъ безцѣнный, не грустила. — У Князя Алексѣя авось отниму портретъ милой: онъ доброй малой; иногда мы вмѣстѣ обѣдаемъ и проводимъ вечера. Чувства его не глубоки: всякой по своему созданъ. Едва ли рѣшусь говорить Местру о моемъ портретѣ: cela lui rappelleroit trop son ancien état. Я уже давно съ нимъ не видался.—Кругъ думаетъ обо мнѣ хорошо, и признавался, что нашелъ меня *ученѣе*, нежели воображалъ! Впрочемъ *теперь* нѣтъ нужды читать ему моей Исторіи. Еще узналъ я Фабра, автора извѣстнаго, и съ умомъ. Всѣ они хорошо расположены ко мнѣ. Вообще я изрядно болтаю; но это наконецъ утомляетъ меня. — Родныхъ всѣхъ видѣлъ, но мало вижу: даже и брата Ѳедора, даже и племянницъ любезныхъ. Невозможно, милая, искусно располагать временемъ въ моихъ обстоятельствахъ. Многіе на меня сердятся: Богъ съ ними! Я еще, напримѣръ, не видался съ

Мятлевыми. Безпорядокъ моихъ писемъ даетъ тебѣ идею о моемъ положеніи: Когда бываю дома, то ко мнѣ заѣзжаютъ, заходятъ, отрываютъ; а я не имѣю духа отказывать. И теперь сидитъ у меня гость. Однимъ словомъ дней черезъ шесть надѣюсь извѣстить тебя рѣшительнѣе о времени моего отъѣзда. Нѣтъ, нѣтъ! не надобно намъ разставаться!.... Сію минуту цѣлую Жуковскаго, говоря съ нимъ о тебѣ. Есть добрые люди на свѣтѣ! Поручаю тебя Богу. Я здоровъ совершенно. Береги себя какъ *мою* зѣницу ока, какъ меня самого! Благодарю дочерей за ихъ любезныя письма: пусть онѣ хорошенько молятся, чтобы мы скорѣе благополучно и радостно соединились. Пусть и Андрюша молится какъ умѣетъ. Цѣлую нѣжно ихъ и Сашу драгоцѣннаго; онъ уже крѣпко сидитъ у меня въ сердцѣ. Adieu. J'embrasse bien tendrement notre ami Иванъ Ивановичь. Многіе говорятъ здѣсь, что спокойствіе его завидно, и можетъ быть говорятъ искренно.....

12.

С. Петербургъ, 6 и 7 Марта 1816.

..... Дѣйствительно ничего, ничего, кромѣ нетерпѣнія и негодованія, я не чувствую, какъ ты угадываешь; и то временно, минутно. Гораздо рѣшительнѣе и постояннѣе во мнѣ признательность къ Петербургу,

гдѣ все, кромѣ К. и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты. A propos de К., сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить Графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, ce К. Къ щастью твоему онъ трусъ: иначе твой мужъ былъ бы конечно имъ застрѣленъ или зарѣзанъ ночью. Не слишкомъ ли много дѣлаю ему чести, упоминая объ немъ въ письмѣ къ милой женѣ? Теперь разскажу тебѣ о моихъ дворцовыхъ приключеніяхъ.

Въ пятницу былъ я у Великихъ Князей. Милая! не повѣришь, какъ сердце мое оживилось, обрадовалось: я нашелъ, чего не воображалъ: двухъ прекрасныхъ, добросердечныхъ, прямыхъ, умныхъ молодыхъ Принцевъ, которыми я горжуся, веселюся какъ ребенокъ. О! я не имѣлъ объ нихъ понятія. Николай Павловичь или еще полнѣе любовью, или увѣреннѣе въ самомъ себѣ: я видѣлъ въ немъ—поливись—я видѣлъ въ немъ юнаго брата. Онъ меня обнялъ; благодарилъ за мою *снисходительность*! моя рука была въ его рукѣ нѣсколько минутъ. Милая! ты не ошибешься въ моихъ чувствахъ: нѣтъ, не самолюбіе удовлетворенное, а любовь къ Царскому Дому и Россіи произвела въ душѣ моей какое-то сладкое, тихое, безкорыстное удовольствіе. Мы говорили, какъ водится, о Россійской Исторіи, о великихъ происшествіяхъ, о состояніи Европы, о славѣ Императора и Россіи. Я даже предлагалъ имъ легкіе вопросы, и радовался ихъ отвѣтамъ: ils ont de l'étoffe, oui, oui. Не знаю, что они будутъ черезъ два года; но знаю, что они теперь любезны, любезны! Это благодѣяніе Природы и вдовствующей Императрицы. Удивительная женщина! Можетъ быть, потомство отдастъ ей справедливость громогласнѣе.

нежели мы, вѣтреные, невнимательные современники: это гораздо святѣе.—Мнѣ такъ пріятно говорить о Великихъ Князьяхъ, что я долженъ удерживаться.

За симъ свиданіемъ ожидало меня чтеніе у Императрицы Маріи, въ воскресенье, въ 5 часовъ вечера. Я отказался въ этотъ день отъ обѣда, завтракалъ дома въ 2 часа, дремалъ и пріѣхалъ во дворецъ съ Нелединскимъ. Государыня переодѣвалась; но меня не заставили ждать ни пяти минутъ, въ которыя однакожь я успѣлъ познакомиться съ Катериною Ивановною Нелидовою. За Императрицею пришла В. К. Марія Павловна, а тамъ и Великіе Князья. Первая сказала, что она свободна до *семи* часовъ. Я развернулъ свой томъ Царя Ивана: читалъ объ его исправленіи и взятіи Казани, въ глубокомъ или почти глубокомъ молчаніи. Государыня хвалила, и даже мой образъ чтенія, замѣчая *иногда* картины и мысли. Вмѣсто двухъ часовъ прошло три и болѣе. Подавали чай: сама Августѣйшая хозяйка налила мнѣ чашку, спросивъ, сколько мнѣ надобно положить кусковъ сахару и проч. Мы говорили до *десятаго* часу, и я съ величайшею искренностію сказалъ, что какъ ни пріятенъ ласковый Петербургъ, какъ ни велико щастіе пользоваться знаками Императрицыныхъ милостей, но что сердце мое просится къ женѣ и къ дѣтямъ. Государыня добрая предложила мнѣ склонить Императора къ *скорѣйшему* свиданію. Наконецъ мы встали и все еще говорили. Когда Великіе Князья ушли, я слегка упомянулъ о впечатлѣніи, сдѣланномъ ихъ любезными свойствами въ моемъ сердцѣ. Она какъ самая нѣжная мать говорила о воспитаніи, примолвивъ нѣсколько разъ: «надѣюсь, что они со временемъ могутъ быть полезны Государю.» Заключеніемъ былъ комплиментъ: «это

пріятной для меня вечеръ.» Она изъявила желаніе слышать Исторію Донскаго. Такъ мы разстались. Люби ее, милая! Вопросы о тебѣ, о дѣтяхъ всего болѣе меня тронули. Женщины умнѣе насъ чувствительностію.

Кромѣ обѣдовъ, я провелъ еще два вечера довольно пріятнымъ образомъ: одинъ у Свѣчиной, съ Графами Растопчинымъ, Местромъ Сардинскимъ и Посломъ Баварскимъ, а другой у Графини Лаваль, опять съ Свѣчиною (умною и полусвятою), съ Кн. Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, и Балашевымъ, очень ко мнѣ ласковымъ, и только что пріѣхавшимъ изъ Москвы любезной (ты въ ней съ дѣтьми!). Я читалъ имъ о Новѣгородѣ. Не забуду еще вечера Тургеневскаго, гдѣ слушателями моими были, кромѣ Арзамасцевъ, Кн. А. Ник. Салтыковъ, Нелединскій, Оленинъ, Крыловъ, Гнѣдичь и проч.—Видно, что мнѣ всѣхъ надобно узнать въ Петербургѣ: вчера обѣдалъ я у Вельяшева съ *Пуколовымъ*, который здѣсь выше всѣхъ Статсъ-Секретарей, по увѣренію знающихъ людей. Онъ съ умомъ, и объявилъ себя моимъ *старымъ* знакомымъ: я отдѣлался учтивымъ поклономъ и не просилъ о возобновленіи знакомства. Видишь, что мужъ твой Гуронъ: не поѣхалъ къ Графу Аракчееву, не воспользовался даже и благорасположеніемъ Пуколова! Чего же мнѣ ждать? Уваженія твоего и собственнаго. Я никого не хочу оскорбить грубостію; но мое ли дѣло итти криво? Вотъ записка отъ Нелединскаго: «мнѣ *приказано* извѣстить васъ, что вы завтра (7 Марта) приглашены будете къ Государю». Это хорошо; но теперь около 11 часовъ утра, а приглашенія нѣтъ, вѣроятно уже и не будетъ. По крайней мѣрѣ будетъ то, что угодно Богу.—Поздравляю съ

новымъ Тарифомъ, уже подписаннымъ; но большая пошлина испортитъ все, и контръ-банда не прекратится. Здѣсь нѣкоторые туго набиваютъ карманы, въ ожиданіи того, чтобы ихъ прогнали. Мало совѣсти и стыда въ свѣтѣ.....

13.

С. Петербургъ, 10 Марта 1816.
11 часовъ утра.

Милая! Письмо твое отъ 2 Марта растрогало меня еще болѣе, нежели обыкновенно: я живо почувствовалъ всю тоску твоего нѣжнаго сердца въ разлукѣ съ другомъ. Мнѣ стало уже чрезмѣрно грустно; подумаю, и сердце забьется. Это искушеніе: снесемъ его съ твердостію и благоразуміемъ; но когда вновь соединимся, то попросимъ Бога, чтобы уже не разставаться до смерти. Бодрись, безцѣнная, для друга; ты хвалишься геройствомъ, а я вижу, что у тебя въ душѣ лихорадка. Прошу, прошу, милая, чтобы ты, открывая утромъ глаза и помысливъ съ нѣжностію о другѣ, съ душею исполненною довѣренности къ Провидѣнію, вставала съ постели, спокойно занималась дѣтьми, домашними дѣлами, чтеніемъ; принимала нашихъ ближнихъ людей безъ разсѣянія, иногда выѣзжала для разсѣянія, и если не можешь быть веселою, то будь хотя тихою въ душѣ. Почти удивляюсь силѣ твоего разсудка: ты не совѣтуешь мнѣ излишно спѣшить и горячиться! Отъ кого могу принимать совѣты, если не отъ тебя?

Вдохновенная чистою любовью, ты мой ангелъ покровитель, главный по Богѣ. Положеніе мое таково, что дѣйствительно имѣю нужду въ совѣтахъ. Сердце рвется отъ нетерпѣнія; а между тѣмъ опасаюсь рѣшить, можетъ быть навсегда, судьбу нашей здѣшней жизни какъ нибудь легкомысленно. Не хочу притворяться; говорю искренно: но боюсь преступить границу благоразумія. Вотъ обстоятельства: не смотря на торжественное обѣщаніе Государя пригласить меня къ себѣ 7 числа, я до сей минуты ничего отъ Него не слышу; ждалъ два дни и пересталъ ждать. 10 Марта наступило, а другъ твой въ главномъ не подвинулся впередъ. Вчера я долженъ былъ обѣдать у привѣтливаго, любезнаго (для меня) Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго; но вдругъ въ 2 часа зовъ къ Императрицѣ: меня ищутъ по городу, и я едва успѣлъ къ обѣду Государыни, доброй, милостивой. Тутъ была вся Императорская Фамилія, кромѣ Государя и Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Я сидѣлъ противъ Августѣйшей хозяйки; и все было хорошо, кромѣ того, что твой простосердечной мужъ еще не видалъ ни Института, ни Монастыря, управляемыхъ Ею. Признаюсь, что вопросъ Ея и даже милостивый, деликатный упрекъ кольнулъ меня въ сердце. Такъ и быть: это доказываетъ, что я не хитрецъ придворной. Государыня сказала: vous verrez cela au-moins *à votre retour*. Замѣть это слово: оно не есть ли слѣдствіе разговора Ея съ Императоромъ? Великіе Князья обходятся со мною просто и мило; мы жмемъ руку другъ у друга какъ бы старинные знакомцы. Марья Павловна говорила со мною послѣ обѣда очень долго, и пеняла мнѣ, что я вмѣшиваю въ разговоръ Франц. фразы. Государыня звала меня въ воскресенье на *вто-*

рое чтеніе, въ 5 часовъ вечера. Когда же увижу Императора? Вооружимся терпѣніемъ еще на нѣсколько времени. Богъ все сдѣлаетъ, чему быть надобно. Милая! проси Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ спокойствіе и свѣтлость души: вся душа моя въ этихъ словахъ. Еще замѣчу, что Императрица за столомъ, взглянувъ на меня, сказала: «*Московская* дорога еще не испортилась!» Выслушай другое происшествіе. Фактотумъ Графа Аракчеева, объ которомъ я писалъ къ тебѣ, передалъ мнѣ черезъ Вельяшева, что Графъ желаетъ видѣться со мною, и говоритъ: «Карамзинъ, видно, «не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда, и «не забросилъ даже ко мнѣ карточки!» Вотъ какъ судятъ люди: скромность считаютъ за грубость! *Фактотумъ* (по крайней мѣрѣ такъ здѣсь думаютъ) прислалъ ко мнѣ карточку и велѣлъ меня звать къ себѣ въ воскресенье на вечеръ для свиданія съ Графомъ. Вообрази мое положеніе! не хочу никого оскорбить; но могу ли дать себѣ видъ пролаза? Я также отослалъ къ нему свою карточку, отвѣтствуя Вельяшеву, что мнѣ не ловко ѣхать къ такому человѣку, которой у меня самъ не былъ. Между тѣмъ, надѣвъ мундиръ, я отвезъ карточку къ Графу. Что будетъ далѣе, не знаю. Помоги намъ Богъ выпутаться изъ всѣхъ придворныхъ обстоятельствъ съ невинностію и честію, которыми я обязанъ моему сердцу, милой женѣ, дѣтямъ, Россіи и человѣчеству! Прибавлю, что я провелъ три часа у Графа Капо д'Истріа: не знаю, въ чемъ мы можемъ быть несогласны. Такъ, кажется, не обманываютъ. Это умной, достойной Министръ, и я искренно хвалю Государя за такой выборъ.—Было чтеніе для *Свѣчиной* у Графини Лаваль; но теперь я спомнилъ,в что уже писалъ къ тебѣ объ этомъ. Въ

домѣ у Графа Остермана осуждали меня, какъ я могъ у Графини Лаваль (которой *домъ* есть едва ли не первой въ Петербургѣ) читать свою Исторію, а не у *важныхъ* людей, не у Остермана, не у Княгини Нат. Петр. Голицыной, къ которымъ не ѣзжу! Улыбнись, жена милая: видишь, что завидуютъ моимъ пріятелямъ! Писала ли ты къ бурмистру, чтобы онъ прислалъ въ Мартѣ оброчную сумму не на мое, а на твое имя? Напиши адресъ къ нему: *Бурмистру села Макателема Ильѣ Павлову въ Арзамасѣ....*

14.

10 Марта, 1816, полдень.

Милая! Сей часъ отправилъ я къ тебѣ письмо черезъ почту: скажу еще нѣсколько словъ съ любезнымъ Дашковымъ.

Объявляю Сонюшкѣ мое родительское удовольствіе за ея письмецо: c'est bien dit et bien tourné; je l'ai lu à quelques personnes: tout le monde en a été content. Катиша Николаевна также очень любезна. Обнимаю нѣжно обѣихъ; а ты поцѣлуешь друга Андрея, малютку Сашу. Тверди первому объ отцѣ: боюсь чтобы онъ не взглянулъ на меня какъ на чужаго. Саша не забудетъ отца, потому что еще не знаетъ его. Говори о себѣ, объ нихъ, какъ можно болѣе: это бальзамъ для моего сердца. Между тѣмъ надѣюсь, что отвѣтъ на это письмо можетъ уже не застать меня въ Петербургѣ. Императрица Елисавета хотѣла также звать

меня въ воскресенье: узнавъ что вдовствующая предупредила ее, она хочетъ переговорить съ нею, въ надеждѣ, что мужъ твой будетъ на этотъ день ей уступленъ: ибо Елисавета Алексѣевна будетъ на той недѣлѣ говѣть. Я обѣщалъ нынѣ въ 7 часовъ къ Державину для чтенія, но получилъ зовъ къ В. К. Маріи Павловнѣ. Видишь, въ какой я модѣ у Двора до дня, въ которой сдѣлаюсь скучнымъ! Mais la grandeur des grandeurs m'échappe, et je suis loin d'être parfaitement content. Доношу тебѣ, вѣрной женѣ, на себя: вообрази что вчера ночью ѣхалъ я въ одной каретѣ съ глазу на глазъ, съ молодою, любезною женщиною! Отгадаешь ли съ кѣмъ? съ Огаревою къ Мятлевымъ, которые грозились писать тебѣ о моихъ шашняхъ. Для успокоенія твоей ревности скажу тебѣ, что, къ сожалѣнію, вижу рѣдко добрую Елисавету Сергѣевну: не умѣю ни у кого быть часто, хотя и разъѣзжаю всякой день. Обѣды продолжаются непрерывно, и желудокъ мой ни разу не разстроивался; вода также не произвела никакого худаго дѣйствія на меня. Въ награду будь здорова съ дѣтьми! Постой: ко мнѣ идетъ Фактотумъ Г. Аракчеева.... Онъ пробылъ у меня съ часъ: много учтивости. На зовъ въ воскресенье я отвѣчалъ, что буду у Императрицы. Тѣмъ и кончилось. За визитъ отплачу визитомъ; это необходимо.....

15.

С. Петербургъ, 13 Марта 1816.

Душа моя, жена милая! Письмо твое отъ 6 Марта не только растрогало, но даже испугало меня намѣре-

ніемъ твоимъ кинуть дѣтей и ѣхать въ Петербургъ, если захватитъ меня здѣсь зима или распутица. Во-первыхъ я все надѣюсь, что дѣло мое кончится на сихъ дняхъ: какъ скоро увижу Императора, то безъ сомнѣнія на третій день выѣду. Во-вторыхъ, если бы сверхъ чаянія и продлились недосуги Его еще недѣлю, двѣ или болѣе, то заклинаю тебя быть спокойною на мой счетъ, предаться въ волю Божію и ждать меня въ Москвѣ. Самой послѣдній срокъ есть отъѣздъ Государевъ: это развяжетъ мнѣ руки и ноги; если и не увижу Его, то все буду свободенъ ѣхать къ тебѣ, милая; а Онъ, какъ слышно, въ самомъ началѣ весны отправится. Теперь уже дѣло зашло далеко: не могу пристойнымъ образомъ и просить дозволенія возвратиться въ Москву, не видавъ Государя: мнѣ со всѣхъ сторонъ кладутъ въ ротъ, что Онъ расположенъ сдѣлать для меня все справедливое и пристойное..... Не имѣй никакихъ черныхъ обо мнѣ мыслей: онѣ не справедливы; напротивъ, ты можешь мнѣ завидовать; ты, ты, милая, жалка болѣе, нежели я, имѣющій здѣсь пріятныя разсѣянія, хотя они и не могутъ ослабить моего внутренняго безпрестаннаго влеченія къ тебѣ, окруженной дѣтенками. Богъ даетъ мнѣ здоровье: ѣмъ, сплю хорошо, и надѣюсь на милость Всевышняго. Неужели это, безцѣнная, не можетъ ободрить тебя въ твоемъ, хотя и печальномъ, но временномъ одиночествѣ? Рѣшится судьба моего труда долговременнаго и отчасти самой жизни нашей: двѣ лишнія недѣли разлуки могутъ нѣкоторымъ образомъ наградить насъ за шесть, уже прошедшихъ. Великодушіе на твоей сторонѣ: мое гораздо менѣе, хотя любовь моя (Богъ видитъ) не уступаетъ твоей. Потѣшь друга: жди меня и не мысли бросить нашихъ дѣтей. Ты во

мнѣ увѣрена: не влюблюсь здѣсь ни во Дворъ, ни въ красавицъ, ни въ обѣды, коихъ часто бываю героемъ; не высохну и отъ грусти: надежда на Бога и разсѣяніе авось поддержатъ меня; по крайней мѣрѣ до сего времени не худѣю замѣтно..... Будь же веселѣе! За то разскажу тебѣ мои похожденія.

На другой день Императрицына обѣда провелъ я вечеръ у В. К. Маріи Павловны; читалъ, но болѣе разговаривалъ. Она не такого блестящаго ума, какъ наша Екатерина; однакожь любезна и въ особенности нравится своимъ добродушіемъ. Въ разговорѣ я сказалъ, что женщины вообще тонѣе умомъ, нежели мущины: она не соглашалась, и.... доказала противное. Входитъ въ другой разъ Веймарской Принцъ: elle lui rend compte de notre conversation et me dit tout-de-suite de continuer la lecture, qui chasse tout-de-suite le Prince. Arrive un autre Prince, celui d'Oldenbourg. Elle lui dit que son mari est dans son cabinet, et me dit de recommencer la lecture. Le malheureux, sans rien comprendre, reste, et elle lui dit: «Vous êtes le plus aimable de tous les cousins possibles: vous restez avec nous; mais mon mari est là, dans son cabinet». Ольденбургской все таки ни съ мѣста, и я внутренно усмѣхнулся. Ей угодно было обязать меня словомъ еще побывать у нее до моего отъѣзда.

Я отвезъ карточку къ Графу Аракчееву, и на третій день получилъ отъ него зовъ; пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣкоторою искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства, и на вызовъ его замолвить за меня слово Государю отвѣчалъ: «не прошу Ваше Сіятельство; но если «вамъ угодно, и если будетъ кстати», и проч. Онъ

сказалъ: «Государь безъ сомнѣнія расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь». Пришелъ третій человѣкъ, его *ближній*, и разговоръ нашъ перемѣнился. Слышно, что онъ думаетъ пригласить меня къ обѣду. Вообще я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: «учителемъ моимъ былъ дьячекъ: мудрено ли, что я «мало знаю? мое дѣло исполнять волю Государеву. «Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учить-«ся: теперь уже поздно». Не подумай, милая, что это насмѣшка; нѣтъ, онъ хорошо трактовалъ меня, и сказанное мною не могло подать ему повода къ такой насмѣшкѣ. Слѣдственно и Графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ Государемъ; даже *увѣрилъ* меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно? По крайней мѣрѣ надобно ждать и непристойно требовать, чтобы меня ни съ чѣмъ отпустили въ Москву.

Вчера въ 7 часовъ вечера пріѣхалъ я съ Уваровымъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Алекс. Мы нашли ее совершенно одну, въ большомъ кабинетѣ. Она еще хороша лицомъ, миловидна, стройна, имѣетъ *серебряной* голосъ и взоръ прелестной. Читали долго, но въ глубокомъ молчаніи, слѣдственно холодно. Къ сожалѣнію, уткнувъ глаза въ книгу, я не могъ часто взглядывать на Императрицу; а на нее пріятно смотрѣть. Въ ея глазахъ есть нѣчто краснорѣчивое. Она казалась довольною. Послѣ мы говорили съ часъ, ловко и свободно, о войнѣ Французской, о пожарѣ Московскомъ и проч. Въ началѣ одиннадцатаго она изъявила мнѣ благодарность: мы разстались и я вышелъ съ пріятнымъ воспоминаніемъ. Надобно было видѣть эту ин-

тересную женщину одну въ прекрасномъ бѣломъ платьѣ, середи большой, слабо освѣщенной комнаты: elle avait quelque chose de magique et d'aérien. Она будетъ говѣть и сказала мнѣ, что не имѣетъ надежды видѣть меня въ другой разъ до моего отъѣзда.—На сихъ дняхъ обѣдалъ я у Гр. Румянцева съ знатными, у Шторха съ учеными, у Огаревой съ Тургеневымъ, у Балашева (*весьма* ко мнѣ ласковаго) со многими гостями; вечера былъ у Свѣчиной, Голицыной, Растопчиныхъ, Гр. Алексѣя К. Разумовскаго, съ Арзамасцами у Тургенева. Все хорошо; но худо что дни проходятъ, а день желаемый не приходитъ, и я еще не ѣду къ милой!.... Завтра рано, въ $9^1/_2$ часовъ, должно мнѣ ѣхать въ *Училище глухо-нѣмыхъ*, гдѣ будетъ, думаю, Императрица.

16.

С. Петербургъ, 16 Марта 1816.

Милая! Вчера въ 5 часовъ вечера пришелъ я къ Государю. Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты; встрѣтилъ ласково, обнялъ, и провелъ со мною *часъ сорокъ минутъ* въ разговорѣ искреннемъ, милостивомъ, прекрасномъ. Воображай что хочешь: не вообразишь всей Его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ прочесть Ему дедикацію: два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: *тѣмъ лучше!* ибо Онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои *требованія:* все принято, дано, какъ не льзя лучше: на печатаніе

60 тысячь и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч. Я нюхалъ табакъ: Онъ взялъ мою табакерку; нашелъ, что ты лучше портрета, и улыбнулся, когда я сказалъ ему: Sire, je rendrai ce compliment à ma femme; mais ne lui faites pas la cour: c'est une femme fidèle. Онъ пригласилъ меня обѣдать въ пятницу, то есть, завтра; обѣщалъ подписать два указа обо мнѣ нынѣшній день, или, по Его словамъ, прежде пятницы; однимъ словомъ, надѣюсь выѣхать около будущаго вторника или середы. Опасаюсь одного, чтобы не задержали меня выдачею денегъ; но конечно не вздумаю весновать здѣсь для этой гадости: въ случаѣ *Гурьевской строптивости* уѣду и безъ денегъ; оставлю только вѣрющее письмо кому нибудь изъ пріятелей. Милая! пора, пора къ тебѣ: начинаю уставать крѣпко. Весна можетъ быть для насъ пріятна, если Богъ, какъ надѣюсь, соединитъ насъ благополучно около Благовѣщенья. Какъ обрадуюсь тебѣ и дѣтенкамъ! Теперь хочу только видѣть указы подписанные....

Марта 17, Пятница.

Вчера не дали мнѣ писать: теперь 7 часовъ утра; но то бѣда, что въ девятомъ я уже долженъ быть въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ Императрица намѣрена экзаменовать воспитанницъ. Милость велика, но утомительна. Четвертаго дни все утро въ Институтѣ глухихъ, третьяго въ Монастырѣ Смольномъ (гдѣ даже и обѣдалъ съ любезными питомицами!), а нынѣ опять тоже; а въ 2 часа надобно уже быть во дворцѣ! Государь, какъ вѣроятно, не скажетъ мнѣ ни слова о *моемъ дѣлѣ:* за обѣдомъ говорятъ только о посторон-

немъ. Не знаю, кто мнѣ дастъ знать объ указахъ. Вчера я отвезъ карточку къ Графу Аракчееву: онъ догадается, что это въ знакъ благодарности учтивой. Вѣроятно, что онъ говорилъ обо мнѣ съ Императоромъ. Послѣднее письмо твое отъ 9 Марта есть верхъ нѣжной меланхоліи: чувства твои, другъ милой, сколь естественны, столь и пронзительны для моего сердца. Будь же теперь веселѣе! Главное сдѣлано: черезъ четыре дни надѣюсь сѣсть въ кибитку; но еще напишу къ тебѣ во вторникъ.... До сей минуты, не смотря на усталость, твой доброй мужъ здоровъ совершенно.... Письмо запечатаю. Думаю, что оно, хотя и краткое, сдѣлаетъ тебѣ болѣе удовольствія, нежели прежнія. Авось все устроится къ лучшему! Могу сказать лишнее; могу и поступить въ иномъ не совсѣмъ благоразумно, но Богъ поправитъ, вступится за мою простоту!.....

17.

С. Петербургъ. 21 Марта 1816.

.....Ты уже знаешь, другъ безцѣнной, что Государь пожаловалъ мнѣ еще Аннинскую ленту черезъ плечо, и самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Нынѣшній день я простился съ двумя Императрицами, добрыми, любезными, и былъ у вдовствующей отъ 3 часовъ до девяти. Завтра прощусь съ Великими Князьями и Вел. Княгинею. Не знаю, увижу ли еще Государя. Деньги, 10 тысячь, обѣщали мнѣ выдать завтра или послѣ

завтра; а 50 тысячь оставлю въ Кабинетѣ. Выѣду, какъ надѣюсь, въ четвергъ. Теперь проси Бога, чтобы онъ соединилъ насъ благополучно.

..... Благословляю васъ и предаю вмѣстѣ съ собою въ волю Божію. Спѣшу кончить письмо. Много визитовъ и дѣла: но главное сдѣлано. Такъ ли, милая? Ѣду къ тебѣ! Твой на вѣки.

МЫСЛИ,

СТИХИ И ВЫПИСКИ

ЛИТЕРАТУРНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

I.

Мысли въ саду Павловскомъ.

Благодарю Августѣйшую Хозяйку *сельскаго домика*. Я былъ здѣсь съ чувствомъ и воображеніемъ: слѣдственно наслаждался.

Марія—имя Ея не имѣетъ нужды въ прилагательномъ—Марія, окруженная блескомъ Двора, величественна; въ домахъ воспитанія и благотворенія сильно трогаетъ душу прелестію добродѣтели, а въ *сельскомъ домикѣ* любезна сердцу своимъ вкусомъ къ милой простотѣ естественной, всегда неразлучнымъ съ истинною чувствительностію и умомъ плодотворнымъ.

Здѣсь въ тишинѣ, въ безмолвіи страстей, забывая искусственное велелѣпіе свѣта и пышность Царскую, Она любитъ быть человѣкомъ въ объятіяхъ Природы и семейства, бесѣдовать съ Творцемъ и совѣстію, щастливая въ минувшемъ—*воспоминаніемъ*, а въ будущемъ—*намѣреніемъ блага*: ибо въ мірѣ нѣтъ инаго вѣрнаго щастія. Марія знаетъ сію тайну судьбы и *не жалуется*.

Такъ, сія нѣжная дочь, супруга, мать могла бы жаловаться: я видѣлъ памятники садовъ Павловскихъ! Но Марія утѣшена: Она кладетъ руку на чистое сердце, взираетъ на небо окомъ свѣтлымъ, и посвящаетъ олтарь не *времени—утолителю печалей*, но *утѣшительной*

любви ко благу. Дивиться ли неувядаемому цвѣту красоты Ея? Бури злыхъ страстей не смѣли его коснуться: добродѣтель всегда стояла надъ нимъ съ своимъ покровомъ.

При Дворѣ опасно хвалить: самая искренность кажется лестію. Въ *сельскомъ домикѣ* вѣрятъ истинѣ, которая изливается изъ сердца.

Съ сею простою, сельскою искренностію скажу, что я не люблю Двора, но люблю Царей и Царицъ, когда они украшаютъ человѣчество своими внутренними достоинствами и любятъ *сельскіе домики*.

10 Іюля 1816.

II.

Луизѣ (*) въ день Ея рожденія 13 Генваря, при врученіи Ей подарка.

Луиза! Пріими даръ искренней любви.
Твой умъ, Твоя душа питаются прекраснымъ;
Ты Ангелъ горестныхъ, мать сирымъ и нещастнымъ;
Живешь для щастія другихъ... И такъ живи!
Не каждый ль день и часъ Ты въ жизни сей добрѣе,
Прекраснѣе душей и дружеству милѣе,
Достойнѣе святой, Божественной любви,
Достойнѣе Небесъ?... И такъ живи, живи!
Здѣсь все мечта и сонъ; но будетъ пробужденье!
Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣньѣ:
Узнаю на яву!... Есть вѣчность для любви,
Безсмертіе добра, есть Богъ... И такъ живи!

1821.

(*) Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. *Прим. Изд.*

III.

Стихи съ поднесеніемъ выписокъ.

Благодарю судьбу, что грамотѣ умѣю!
Писатель для другихъ, я для Тебя писецъ,
Въ изображеньѣ буквъ совсѣмъ не образецъ,
Но криво ставя ихъ, я не кривлю душею:

Достойное хвалы хвалю,
Достойное любви люблю:

Тебя! и выбравъ здѣсь безъ строгаго разбора,
Что нравилося мнѣ, согласенъ я безъ спора
Все на-двое дѣлить: прекрасное Твое,
А слабое мое!

IV.

Моему сыну Андрею въ день его рожденія.

Обнимаю, цѣлую и поздравляю тебя десятилѣтнимъ отрокомъ. Живи и расти тѣломъ и душею: тѣломъ въ силѣ и бодрости, душею въ добронравіи, въ умѣ и въ полезныхъ знаніяхъ.

Это желаніе родительское есть молитва къ БОГУ. Все отъ НЕГО зависитъ; ОНЪ далъ свободу человѣку. Надобно, чтобы мы хотѣли сдѣлаться добрыми: тогда БОГЪ поможетъ намъ, и будемъ, чѣмъ быть желаемъ усердно.

Любезный Андрей! ты вѣрно не хочешь, чтобы отецъ твой на старости лѣтъ своихъ былъ отъ тебя нещастливъ; а онъ умретъ съ горести, если ты не будешь добрымъ его сыномъ.

Вотъ чего требую для моего и твоего благополучія:

Каждый день начинай молитвою къ БОГУ, отвоихъ родителяхъ, сестрахъ, братьяхъ и себѣ самомъ, прося, чтобы ОНЪ даровалъ тебѣ силу исполнять твои должности: то есть, быть послушнымъ сыномъ, ласковымъ братомъ, *прилѣжнымъ* ученикомъ.

Желай добраго утра отцу, матери, сестрамъ и братьямъ съ любовію, не холодно, безъ всякихъ мы-

слей, но чувствуй, что ты ихъ любишь и дѣйствительно желаешь имъ добра.

Садись учиться съ твердымъ намѣреніемъ быть внимательнымъ и старательнымъ, чтобы не тратить времени, но пользоваться всякою минутою. Время не приходитъ назадъ. Что нынѣ упустишь, того не воротишь завтра. Каждый день приноситъ съ собою новыя должности для исполненія; за каждый день мы дадимъ отчетъ БОГУ. Всегда, кончивъ урокъ, спрашивай у себя: что ты узналъ новаго, или чему научился? Если ты ничего не узналъ, ничему не научился въ этотъ урокъ, то онъ потерянъ: ты не исполнилъ своей должности и огорчилъ родителей.

Выходя изъ учебной комнаты, находишь новыя должности для исполненія: ты обязанъ вести себя хорошо не только противъ родителей, сестеръ и братьевъ, но и противъ всѣхъ домашнихъ: быть не грубымъ, а привѣтливымъ и кроткимъ; никого не оскорблять, но всѣмъ оказывать доброе расположеніе. Въ тебѣ уже есть порокъ, излишняя горячность, въ которой ты можешь сдѣлать и наговорить много непристойнаго: удерживайся, преодолѣвай эту горячность, и молчи, когда тебѣ хотѣлось бы браниться. Увидишь, что это возможно и даже не трудно: къ хорошему и худому легко пріучаемся.

БОГЪ далъ человѣку невидимаго судью, называемаго совѣстью: если ты, согласно съ волею Божіею и твоихъ родителей, ведешь себя похвально, учишься прилѣжно, всѣхъ утѣшаешь и никого не оскорбляешь, то въ сердцѣ твоемъ бываетъ всегда пріятное чувство; а если поступаешь худо, то, и кромѣ огорченія родителей, бываетъ невесело твоему собственному сердцу. Будь же всегда, съ утра до вечера, послушенъ

совѣсти и дѣлай хорошее, чтобы ею не мучиться, угождай БОГУ и тѣмъ, которые тебя всѣхъ нѣжнѣе любятъ: отцу и матери!

Начавъ, и кончи день сердечною молитвою: благодари БОГА, если ты хорошо провелъ день; кайся, если худо учился или кого оскорбилъ, и проси, чтобы БОГЪ далъ тебѣ силу исправиться. Каждую ночь закрывай глаза и каждое утро открывай ихъ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы отецъ, мать и совѣсть могли быть довольны тобою.

Милый Андрей! ты знаешь, что я люблю тебя: старайся же, чтобы эта любовь была для меня щастіемъ, а не страданіемъ.

Николай Карамзинъ.

Царское Село,
24 Октября
1824.

V.

Мысли для Исторіи Отечественной Войны.

1) Смотря на географическое положеніе Франціи и Россіи, судя по обыкновеннымъ издавна причинамъ войны между Европейскими Державами, кто бы за четверть вѣка предъ симъ вообразилъ, чтобы Франція и Россія могли непосредственно ударить одна на другую? Казалось, что онѣ могли имѣть войну только политическую, кабинетную, или въ Константинополѣ, или въ Вѣнѣ, или въ Берлинѣ. Экспедиція Французская къ Данцигу при Аннѣ; маршъ нашихъ къ Рейну подъ начальствомъ Рѣпнина. Ничтожность первой; пустой блескъ втораго.

2) Такъ справедливо судили: ибо надлежало перемѣниться всему политическому состоянію Европы, чтобы сія война могла быть дѣйствительно.

3) Революція: ея причина, измѣненія, проч.

4) Характеръ Наполеона; его исторія, постепенность. Случаи несли его на плечахъ: онъ дѣлалъ нынѣ, чего не предвидѣлъ и не думалъ вчера.

5) Ошибки Кабинетовъ.

6) Политика Россіи: Аустерлицъ; Тильзитъ; Эрфуртъ.

7) Гишпанія: первый камень преткновенія.

8) Наполеонъ не хотѣлъ войны съ нами такъ скоро, хотя и готовилъ нашу погибель.

VI.

Мысли объ истинной свободѣ (*).

Можно ли въ нынѣшнихъ книгахъ или журналахъ (книги не достойны своего имени, ибо не переживаютъ дня), можно ли въ нихъ безъ жалости читать пышныя слова: настало время истины; истиною все спасемъ; истиною все ниспровергнемъ.... Но когда же было время не-истины? когда не было Провидѣнія и вѣчныхъ Его уставовъ?—Умные безумцы! и вы не новое на землѣ явленіе; вы говорили и дѣйствовали еще до изобрѣтенія буквъ и типографій!..... Настало время истины: т. е. настало время спорить объ ней!

Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностію? Вы всѣ Авгуры, и боитесь заглянуть въ глаза другъ другу, чтобы не умереть со смѣху. Аристократы, Сервилисты хотятъ стараго порядка: ибо онъ для нихъ выгоденъ. Демократы, Либералисты хотятъ новаго безпорядка: ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ.

(*) Этотъ отрывокъ относится къ послѣднему году жизни Николая Михайловича *Прим. Изд.*

Аристократы! вы доказываете, что вамъ надобно быть сильными и богатыми въ утѣшеніе слабыхъ и бѣдныхъ; но сдѣлайте же для нихъ слабость и бѣдность наслажденіемъ! Ничего нельзя доказать противъ чувства: нельзя увѣрить голоднаго въ пользѣ голода. Дайте намъ чувство, а не теорію.—Рѣчи и книги Аристократовъ убѣждаютъ Аристократовъ; а другіе, смотря на ихъ великолѣпіе, скрежещутъ зубами, но молчатъ или не дѣйствуютъ, пока обузданы закономъ или силою: вотъ неоспоримое доказательство въ пользу Аристократіи: палица, а не книга!—И такъ сила выше всего? Да, всего, кромѣ Бога, дающаго силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Щастія людей? Но есть ли щастіе тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти?

Основаніе гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствіе и страданіе.

Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы; но эту свободу даетъ не Государь, не Парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ, съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностію къ Провидѣнію!

VII.

Разныя мысли.

On dit que le bonheur sur la terre n'est qu'une *ombre:* il faut donc que le bonheur réél existe quelquepart, car il n'y a point *d'ombre sans objet.*

—

Mériter le bonheur vaut encore mieux que d'être heureux.

—

Le bonheur parfait dans ce monde seroit une parfaite résignation.

—

Oui, la vie n'est qu'un *rêve;* mais celui qui rêve, *existe.*

(Не сонъ ли жизнь и здѣшній свѣтъ?
Но тотъ, кто видитъ сонъ, живетъ.)

—

Si je pouvois douter de ma propre existence, encore ne douterais-je pas de celle de Dieu.

Tsarskoë Sélo,
Le 28 juin 1825.

Не знаю, для чего существую; но знаю, что мнѣ надобно дѣлаться добрымъ, не для награды, а для того, что Богъ далъ мнѣ любовь къ добру и ненависть ко злу. Все остальное предаю въ волю Того, Кѣмъ существую.

Dieu est un grand musicien, l'univers un superbe clavecin, et nous ne sommes que d'humbles claviers. Les anges passent l'éternité à admirer ce concert divin, qu'on appelle *hazard, fatalité, sort aveugle*.

Мы всѣ какъ *муха на возу*: важничаемъ и въ своей невинности считаемъ себя виновниками великихъ происшествій!—Великъ тотъ, кто чувствуетъ свое ничтожество—предъ Богомъ!

VIII.

Выписки изъ записной книжки 1797 года (*).

Москва
Ноября 9, 1797.

Тотъ, кто по любви къ истинѣ искренно признается въ своей несправедливости, едва ли не лучше того, кто всегда справедливымъ бываетъ.

—

La solitude est la mère du génie.

—

Pour l'âme qui a été occupée par les passions, il n'y a plus que la gloire.

—

On demandoit à Newton, comment il avoit pu faire ses grandes découvertes. *En les cherchant toujours.*

—

L'esprit ne voit, que les ressemblances; le jugement et le génie voient les différences. C'est que les objets se ressemblent par les côtés les plus grossiers, au lieu qu'ils diffèrent par les plus délicats.

—

(*) Изъ записныхъ книжекъ Ник. Михайловича уцѣлѣла только эта. Въ ней, какъ читатели увидятъ, записывалъ онъ не только свои мысли, но и тѣ которыя нашелъ при чтеніи разныхъ авторовъ и которыя показались ему достойными замѣчанія. *Прим. Изд.*

Le tems n'est que la succession de nos pensées.

—

Tout raisonnemeut juste est une découverte.

—

Le fonds d'un grand talent est toujours beaucoup de raison.

—

Pour les hommes nés avec un peu de talent, il n'y a que deux sortes de livres: ceux qui font penser, et ceux qui contiennent des faits.

—

Diderot parlait avec emphase de Shakespeare devant Voltaire. Ah! Monsieur, lui dit V., est-ce que vous pouvez préférer à Virgile, à Racine, un monstre dépourvu de goût? C'est abandonner l'Apollon du Belvedère pour le Saint Christophe de Notre Dame. Diderot resta un moment sous le coup; mais ensuite: que diriez-vous cependant, si vous voyiez cet immense Christophe marcher et s'avancer dans les rues avec ses jambes et sa stature colossale? Vol. à son tour fut attéré par cette image imposante.

Mapra 23 (*).

Une vérité, profondément sentie, agit toujours sur les caractère de notre vie morale. Mais y-a-t-il beaucoup d'hommes capables d'avoir des impressions fortes, de combiner les faits et d'en tirer ces resultats, qui, réunis

(*) 1798 года. *Прим. Изд.*

sous un même point de vue, nous présentent ce qu'on appelle *vérité?*

Апрѣля 5.

Se plaire à bien faire est le prix d'avoir bien fait.
Rousseau.

Апрѣля 19.

De faux sages unis sont toujours de faux frères.

—

Soyons de notre esprit les seuls législateurs;
Vivons libres du moins dans le fond de nos coeurs;
C'est le trône de l'homme; il règne, quand il pense.
Pompignan.

Amour, désir inné, âme de la nature, principe inépuisable d'existence, puissance souveraine qui peut tout et contre la quelle rien ne peut, par qui tout agit, tout respire et tout se renouvelle, divine flamme, germe de perpétuité, que l'Eternel a répandu dans tout avec le souffle de vie, précieux sentiment qui peut seul amollir les coeurs féroces et glacés, en les pénétrant d'une douce chaleur; cause première de tout bien, de toute société, qui réunit sans contrainte et par les seuls attraits les

natures sauvages et dispersées, source unique et profonde de tout plaisir. de toute volupté—amour, pourquoi fais-tu l'état heureux de tous les êtres et le malheur de l'homme?

Іюня 11.

Мысли для похвальнаго слова Петру I. (*).

Чтобы искусство Фидіаса тѣмъ болѣе поразило насъ, взглянемъ на безобразный кусокъ мрамора: «вотъ изъ чего сотворилъ онъ Юпитера Олимпійскаго!»

Что была Россія?

Рожденіе первой мысли.

Живое чувство изящнаго, источникъ величія, характеръ всѣхъ великихъ людей.

Ле-форъ.

Ревность и терпѣніе. Что говоритъ Бюффонъ о послѣднемъ?

Презрѣніе опасностей. Надежность побѣдить. «Не бойся; съ тобою Цесарь и щастье его!»

Оправданіе его системы. Молчите, мелкіе умы! Ходъ Натуры одинаковъ; одно просвѣщеніе, и одинъ способъ къ совершенству, къ щастію! (Левекъ). Дол-

---

(*) Если читатели найдутъ въ этомъ проектѣ нѣкоторыя мысли несогласныя съ послѣдними убѣжденіями Карамзина, то пусть вспомнятъ, что записная книжка принадлежитъ къ 1798 году.

жно ли было остаться намъ въ семъ духовномъ и моральномъ униженіи? Что значитъ ваша народная собственность (національный характеръ)? Одно назначеніе всѣхъ народовъ; другимъ способомъ не могъ онъ подвинуть насъ къ сей великой цѣли. Оправданіе нѣкоторыхъ жестокостей. Всегдашнее мягкосердечіе несовмѣстно съ великостію духа. Les grands hommes ne voyent que le tout. Но иногда и чувствительность торжествовала.

Могу ли не воспламениться любовію къ Отечеству, представляя себѣ Петра?—Мѣста, гдѣ онъ ходилъ; рощи, имъ насажденныя....

Ognuno è reo, se l'amore è delitto.

—

Viver così vorrei,
Vorrei morir così.

—

Instabile o costante,
Sarai sempre il mio ben.

—

Conosco, ammiro
La tua virtù, la tua belezza; e pure
Non ho cor per amar ti.

Іюня 12.

Естьли Провидѣніе пощадитъ меня; естьли не случится того, что для меня ужаснѣе смерти..... займусь Исторіею. Начну съ Джиллиса; послѣ буду читать Фергусона, Гиббона, Робертсона—читать со вниманіемъ и дѣлать выписки; а тамъ примусь за древнихъ Авторовъ, особливо за Плутарха.

Іюля 31.

Il y a de quoi bien et mal faire partout.

Ment.

Il se faut reserver une *arrière*-boutique, toute notre, toute franche, en la quelle nous etablissons notre vraie liberté.

—

Nous avons une âme contournable en soi-même; elle se peut faire compagnie.

—

La foule me repousse à moi.

—

Heureux celui que la mort delivre de la crainte de mourir.

—

Que tu es frêle, o société perverse:
Un boiteux t'a fondée, et un bossu te renverse.

Сентября 5.

Pourquoi travailler pour les autres? Ils ne vous demandent rien; laissez-les donc tranquilles.

Et pourquoi est-ce qu'on apprend tant de choses aux enfans, qni ne vous demandent rien et qui font le diable à quatre pour se debarrasser de vous?

Сентября 7.

Je n'avois plus d'amans: il me fallut un dieu.

Изъ приписокъ 1800 годовъ (*).

Предисловіе.

Что Библія для Христіанъ, то Исторія для народовъ.

Опытность научаетъ человѣка благоразумію: Исторія—народы. Не только удовлетворяетъ любопытству, не только просвѣщаетъ умъ въ правилахъ государственнаго блага, но даетъ имъ и твердость и мужество въ нещастіяхъ, являя примѣры ужасныхъ бѣдствій, преодолѣнныхъ великодушіемъ.

1) Любопытство — знать, отъ чего мы, какъ, — судьбу предковъ etc.

2) Учитъ благоразумію.

3) Даетъ бодрость сравненіемъ.

Tableau de la Russie: que de pays! que de races d'hommes! Tous les degrés qui se trouvent entre la vie des sauvages et le raffinement, etc.

C'est par l'histoire de Russie, que l'Europe, que le monde éclairé a appris à connoître tout ce qui est entre.....

Le charme attaché à l'histoire ancienne, semblable

(*) Приписки принадлежатъ къ первому году занятія Н. М. Карамзина Исторіею. Но между ими есть и такія, которыя вписаны въ послѣдствіи времени, съ ссылками уже на III и IV томы Исторіи его. *Прим. Изд.*

à celui qui nous fait regarder avec intérêt ces anciens monumens...

C'est le domaine de la Poésie etc.

Къ предисловію:

Знаю, намъ нужно безпристрастіе Историка: простите: я не всегда могъ скрыть любовь къ Отечеству: J'avois besoin de respirer. Но не обращалъ пороковъ въ добродѣтели; не говорилъ, что Русскіе лучше Французовъ, Нѣмцевъ, но люблю ихъ болѣе: одинъ языкъ, одни обыкновенія, одна участь, и проч.

Vous voulez lire l'histoire? Eh bien, c'est faire un long voyage, et voir aussi des plaines arides. Но и тутъ холмики, ручеекъ, и растѣніе интересное для ботаниста.

Народъ, презиравшій свою Исторію, презрителенъ: ибо легкомысленъ,—предки были не хуже его.

Diutius durant exempla, quam mores. Тац. IV, 84.

Magis extra vitia, quam cum virtutibus. Тацитъ о Гальбѣ.

Не слѣдовалъ Шлецер. раздѣленію Росс. Истор.

1) Начало, времена язычества, введеніе Христ. До раздѣленія Монархіи.

2) До покоренія Россіи.

3) Освобожденіе Россіи. — До временъ Роман. — Новое поколѣніе Царей.

4) Преобразованіе Россіи при Государѣ Петрѣ.

Вступленіе.

Гл. I.

Кто древнѣйшіе обитатели Россіи?

Отъ Аргонавтовъ до Угровъ и Болгаръ (тутъ показываются Славяне).

Гл. II.

Кто Славяне? Не въ Дакіи ли всегда жили? Такъ Несторъ: ихъ земля за Гепидами. Въ V вѣкѣ. Не только тутъ, но и при Бальтійскомъ морѣ. Геродотъ о Венедахъ. Птоломей, Тацитъ, Іорнандъ—при Германарикѣ. Еще выше до Геродота, Птоломея. Въ Польшѣ, Пруссіи, Литвѣ, Россіи по Тациту и Нестору (при Андреѣ Апостолѣ).

Ихъ набѣги на Имперію.

Покореніе. Авары.

Разселеніе: Нѣмецкая земля, Иллирія, Морея.

Шведы Варяги.

Сарматы тѣ же Скиѳы подъ другимъ именемъ, думаю; Язиги то же, что Узы, что Ясы или Алане.

Гл. III.

Какъ живутъ Славяне въ Россіи? По Нестору съ котораго времени? Съ Дуная ли пришли? Слава Траянова въ Россіи, въ пѣсни Игоревой. Слава *Дуная* въ пѣсняхъ.

Сѣверяне, Дрегвичи, Финны, Латыши, Печора.

Гл. IV.

Нравы, правленіе, Вѣра etc.

Лѣтописи извѣстныя:

1) Несторъ.

2) Василій.

3) Анонимъ, а не Симонъ, при Всеволодѣ Великомъ или III. (Т. IV, пр. 482, и пр. 505).

Списки: чистаго Нестора { Пушкинскій. Троицкій.

Софійскій Новогородскій

—о кольцахъ женъ боярскихъ; о старѣйшинѣ Гостомыслѣ; о Варягахъ въ Кіевѣ.

{ Новог. Лѣтоп. харатейн. —Ивана Попа. Воскресенскій. Толстовской. Псковской.

Ростов. Лѣтоп.

Кіевск. Лѣтоп. { въ Академіи. Полторацкаго.

Новог. Лѣт. Тимоѳея Поном. Ивана Попа. Идетъ всѣхъ далѣе, т. е. до разоренія Новагорода Царемъ Иваномъ; въ спискѣ Малиновскаго; еще нѣчто въ Новог. Архив. въ листъ, гдѣ басни о волхвахъ, и проч.

Псков. Лѣт. Арх. далѣе у Толстаго, до Царя Ивана.

Волынск. Лѣт.

Арханг.

Двинск.

Продолж. Нестора.

Львова подробная.

Матеріалы:

Несторъ { Пушк., при предшественникѣ Донскаго, Димитріи Константиновичѣ.
Троицк. въ XV вѣкѣ.
Ипатов. и Хлѣбников.

Кіевск. / Волынск. { Изъ нихъ взяты извѣстія въ хронику Кіевскую, находящуюся въ книгѣ Гр. Толстова. Авторъ Волынск. цитуетъ мѣсто изъ Гомера.

Воскресенскій.
Ростовскій.
Новогородскихъ двѣ.
Архангельск.
Никоновск.
Временникъ.

Не слѣдовалъ Шлецер. раздѣленію Росс. Истор.

1) Начало, времена язычества, введеніе Христ. До раздѣленія Монархіи.

2) До покоренія Россіи.

3) Освобожденіе Россіи.—До времен. Роман.—Новое поколѣніе Царей.

4) Преобразованіе Россіи при Государѣ Петрѣ.

Прологъ довольно старъ, а Минея нова.

О Іоакимѣ нѣтъ даже ни въ Никонѣ, ни въ Степенной; только въ Новогородской.

Источники Исторіи: Лѣтописи, etc.—Архивъ.—Большой Чертежъ.—Синопсисъ.—Пѣснь Игорева.—Вздоръ о древности сказокъ Кл. и въ примѣчаніи на Игореву пѣснь. Она есть единственный остатокъ Славянскаго духа; другіе писатели Церковные.

Никонов. Лѣтопись старѣе Степенной; въ послѣдней болѣе выдумокъ: о Августѣ.

Разборъ Нестора: 1) Изустныя преданія своего народа—наприм. о Рюрикѣ etc. 2) Памятники: могилы Оскольда и Дира, Олега, Угорское, etc. 3) Народныя сказки: Олегъ, Ольга etc; 4) Греческія лѣтописи — о первыхъ Русскихъ при Михаилѣ, походъ Игоревъ, Космографія etc. 5) о новѣйшихъ временахъ разсказы Монаха Яна, о народахъ Печорѣ etc; разсказы Новогородца Гурія.—Трактатъ Игоревъ, Олеговъ.

Несторъ позволялъ себѣ угадывать—въ Хронологіи, въ названіи мѣстъ (Угорское), бралъ изъ сказокъ, но *не выдумывалъ*.

Ложь Татищ., будто Петръ Могила сказалъ въ пре-

дисловіи Патерика, что Несторова Лѣтопись утрачена. Онъ говоритъ о житіи Антонія, описанномъ Несторомъ особенно и во время неустройствъ утраченномъ.

Одинъ списокъ Нестора уцѣлѣлъ: Сильвестра. Какъ дороги были книги? Толковая Псалтирь Максима Греко въ Соловецк. монастырѣ 30 рублей, а рублей 4 въ фунтѣ. Прежде книги стоили во 100 разъ дороже. Гиббонъ Гл. XLIV. стран. 32. Т. VIII.

Употреблялъ я: 2 харатейныя: Воскресенскую, Ростовскую. Въ Никоновской нѣтъ ни одного истиннаго происшествія: глупыя прибавленія, мысли, выдумки.

Поликарпъ въ житіи Никиты и другомъ мѣстѣ называетъ Нестора Лѣтописцемъ.

Что говоритъ Несторъ о себѣ въ рукописномъ житіи (въ Патерикѣ) Ѳеодосія?

Матеріалы Исторіи: *родословныя*: есть вздоръ.

Въ Архангелогород. Лѣтописцѣ есть украшенія и догадки; однакожь онъ достоинъ вниманія и показываетъ умъ и знанія историч. Какъ хорошо объ Олегѣ (стр. 6).

Чертежъ Б. дѣланъ, вѣроятно, въ 15 вѣкѣ.

Крекшинъ о Іоакимѣ, ссылаясь единственно на Татищева, и нигдѣ не говоря, чтобы онъ имѣлъ его полную лѣтопись. См. Елагина.—Фелькнеръ.

Житіе Ѳеодосія писано тѣмъ, кто писалъ о страданіяхъ Бориса и Глѣба,—называетъ себя *Несторомъ*, также *неученымъ*. См. въ письм. ст. 2.

---

2 choses claires:

1) Законы и всѣ учрежденія Норманскія.

2) Религія Славянская. Важна для народа простаго: нѣтъ дѣла, кромѣ войны; торжества священныя, etc. Tout exaltoit l'imagination et attachoit le peuple à la religion.

Les premiers propriétaires Normands: города въ удѣлы, etc.—Какъ во всей Европѣ.

У Славянъ не могло быть въ подданствѣ людей. Что Юмъ о нравахъ и законахъ Саксонскихъ въ началѣ II тома?

Какъ власть Государя?

Состояніе городовъ, Кіева etc. деревень.—Описаніе Кіева изъ Нестора, о послахъ Древлянскихъ.—Въ деревняхъ остались Славяне, въ городахъ почти вездѣ Варяги.

Славянскіе, Древл. Радим. etc—не были дикари, какъ пишетъ Несторъ: земледѣльцы, города.

Что такое города? *Неподвижные* станы для войска: ихъ первая причина не торговля и гражданственность.

III, прим. 22 о томъ, что съ Марта лѣтосчисленіе. *Никоновскій* годъ начинается уже съ Сентября.

III, прим. 43.

Начало года съ Сент. съ осьмой тысячи. См. *Пенсіон*. Путешествіе въ Индію: въ бумажникѣ или между другими рукописями.

О Годуновѣ.

1) Моя лѣтопись, писанная отцемъ Алексѣя Александровича.

2) Мой хронографъ, купленный у столяра.

3) Мой хронографъ, купленный Окоховымъ, стараго письма: тамъ о цѣнѣ хлѣба прежде Годуновскаго голода.

4) Хронографъ Ключарева.

5) Имена убійцъ Лжедимитрія. См. въ Толстовскихъ двухъ.

Замѣтки при чтеніи Библіи и другихъ книгъ Церковно-Славянскихъ.

Моис. Кн. I.

Гл. 24: Пополохъ, terreur panique.
Водоносъ, ведро.
Пойло, корыто, колода.
Усерязи.
Рѣша, рекохъ.
Гл. 25: Умертвіе Авраамле.

Моис. Кн. II, Исходъ.

Гл. 1, 22: Снабдить, сохранить.
2, 23: По днехъ.
13, 4: Днешній, нынѣшній.
14, 11: Изведъ.
Роптаніе на....
17, 15: Поднебесная.
19, 11: Исперутъ (вымоютъ) ризы.
Не коснется ей рука.
21, 17: Злословить отца.
22: Тщетою отщетится, деньгами отплатится.

22, 9. О реченнѣй, о нанесеннѣй.
21: Пришельца не оскорбите, пришельцы бо бѣсте въ земли Египетстѣй.
29: Точило (гдѣ топчутъ виноградъ).
23, 8: Дары ослѣпляютъ очи видящимъ и погубляютъ словеса праведна.
13: Инѣхъ, инихъ.
21: Не обинется тебѣ, cela ne te manquera pas.
24: Капище, идолъ.
25, 5: } Виссонъ сканый, сученый. (въ нѣмецк. бѣ-
36, 8: } лый шелкъ)
26, 1: Опона, коверъ.
19: Стояло, подножіе.
27, 4: Огнище, Rost.
28, 18: Имена драгоцѣнныхъ камней.
37: Увясло, митра.
29, 14: Мотыла, Mist, калъ въ кишкахъ.
35, 19: Ужы, гвозди.
35, 11: Колки, доски, кольи, тынъ, Разворы, Rinken.
22: Монисто, ожерелье.

Моис. Кн. III.

11, 16: Имена разныхъ птицъ.
29: Гады *плѣжущіе*, ползающіе, на землѣ, Вретище, дерюга, власяница, печальное платье. Глубочае—нижае.
13, 48: Кроки, кудель, Риза изгребинная, изъ охлопковъ.

14, 34: Притяжаніе есть стяжаніе.
16, 4: Надраги льняны, штаны, фартукъ.
19, 11: Не солжите.
19, 14: Зла да не речеши глухому, и предъ слѣпымъ да не положиши претыканія.
19, 28: Ниже бріете брадъ вашихъ и кроенія не сотворите на тѣлѣ вашемъ, и язвъ настрекàнныхъ.
См. о ножекроеніяхъ въ статьѣ о Вѣрѣ нашихъ Славянъ.
19, 32: Предъ лицемъ сѣдаго востани.
21, 10: Отъ братій своихъ.
26, 36: И поженетъ ихъ гласъ листа летяща.
26, 1: Образóвъ—Сѣя́тва.—Погубить отъ земли.
26, 16: Желтя̀ница.
26, 22: Пусты будутъ путіе ваши.
26, 26: Скорбѣть.

Моис. Кн. IV.

1, 23: Да ополчается сопротивъ. Возложàтъ.
14, 10: (О Татарахъ) отступило время отъ нихъ: Господь же съ нами!
Наполнитъ слава Господня всю землю.
15, 29: Участіе отъ гумна и проч.
15, 38: Рясны на воскриліяхъ ризъ.
17, 3: Возстать на кого.
17, 11: Ропщутъ на....
17, 10: Народъ ослушливый.
20, 13: Прерѣканіе.

21, 23: Ополчиться на кого.
21, 26: Ратовать противъ кого.
21, 27: Рекутъ приточницы, говорятъ въ пословицу.

Псалтирь.

Пс. V, 7: Мужа кровей гнушается Господь.
VII, 10: Да скончается злоба грѣшныхъ.
VIII, 8: Скоты полскія.
Ра|з|ж|женный. Низпослалъ.
XXI, 18: Исчетоша кости моя.
XXIII, 7: Возмите врата князи ваши (principes vestras).
XXIV, 3: Пути твоя, Господи, скажи ми, и стезямъ твоимъ научи мя.
7: Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни.
XXXV, 10: Ядый хлѣбы моя возвеличи на мя запинаніе.

Іова.

Гл. VII, 1: Не искушеніе ли житіе человѣку на земли, и яко наемника повседневнаго жизнь его?
VIII, 9: Вчерашни бо есмы.
12: Рогозъ, ситникъ.
IX, 8: Звѣзды печатствуетъ.

XI, 18: Паче полудне возсіяетъ ти жизнь.
XII, 12: Во мнозѣмъ времени премудрость, въ мнозѣ же житіи вѣдѣніе.

(Discuter, изслѣдовать; discussion, изслѣдованіе.—Интриги, козни, пронырства).

XIII, 13: Почію отъ гнѣва.
18: Се азъ есмь близъ суда моего: вѣмъ азъ яко праведенъ явлюся.
19: Кто бо есть судяйся со мною, да нынѣ умолчу и исчезну.
XV, 16: Мерзскій и нечистый мужъ, піяй неправды яко же питіе.
20: Все житіе нечестиваго въ попеченіи: лѣта же изочтена дана силному.
21: Страхъ же его во ушесѣхъ его; егда мнитъ уже въ мирѣ быти, тогда пріидетъ нань низвращеніе.
23: День теменъ превратитъ его.
XVI, 4: Кивать главою.
13: Истесы моя.
20: Предъ нимъ да каплетъ око мое.
22: Путемъ, имже не возвращуся, пойду.
XVII, 1: Прошу гроба, и не улучаю.
XIX, 7: Смѣюся поношенію.
XX, 8: Видѣвшіи его рекутъ: гдѣ есть? Яко же сонъ отлетѣвый не обрящется.
11: Кости его наполнишася грѣховъ юности его.
15: Богатство, неправедно собираемое, изблюется.
18: Клоки не сожваемы (чего нельзя сжевать)
23: Одождитъ на него болѣзни.

XXI, 7: Почто нечестивіи живутъ, обетшаша въ богатствѣ?

XXII, 17: Рѣка текущая основаніе ихъ (злыхъ).

18: Исполнилъ домы ихъ благими. Изреченіе.

Библія Скорины.

Гнюсь, мѣсто нечистое. Въ Іовѣ, Гл. 10.
Змаза, пятно, macula. — — 11.
Паздеръ, стебель. — — 13.

Старыя слова.

Спиры творить, противиться, заговариваться противъ чего, молву творить. Въ Соборѣ Кирилла Митрополита въ харат. Соф. правилахъ, № 82.

Прозоръ, проспектъ. } въ Градскомъ уставѣ, въ Кормчей.
Водотечь, водоводъ. }

Разбой есть убійство: въ Град. уст. Кормчей листъ 112.

Знаменіе Ольги: значитъ *памятникъ:* Патерикъ, стр. 181.

Пустить на воропъ есть ѣхать изгономъ, скоро. Слово воровѣе или воровье.

Можно сказать: мнилъ или думалъ дѣлать то-то. Дѣян. Апостол. Гл. 8, ст. 21: даръ Божій непщевалъ еси сребромъ стяжати. Тамъ же, ст. 23: помышленія сердца моего.

Глаголы имѣющіе одинакое настоящее съ будущимъ:

рѣшу.
рушу.
казню.
плѣню.

Какъ писать имя? Славяне, какъ Армяне, Смоляне, Англичане etc. Всегда *я* или *а* въ окончаніи на *е*. — *Е* только въ окончаніи *и*, наприм.: *Словени*.

БУМАГИ,

СОЧИНЕННЫЯ ПО ЧАСТНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

I.

ЗАПИСКА О Н. И. НОВИКОВѢ (*).

Г. Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ Публикѣ своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія, писалъ остроумно, пріятно, и съ цѣлію нравственною; издалъ многія полезныя творенія, на примѣръ: *Древнюю Россійскую Вивліоѳику, Дѣтское Чтеніе,* разныя экономическія, учебныя книги. Императрица Екатерина II одобряла труды Новикова, и въ журналѣ его (Живописцѣ) напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера Ея. Около 1785 года онъ вошелъ въ связь по Масонству съ Берлинскими Теософами и сдѣлался въ Москвѣ начальникомъ такъ называемыхъ *Мартинистовъ*, которые *были* (или *суть*) не что иное, какъ *Христіанскіе Мистики:* толковали Природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ Ветхомъ и Новомъ

(*) Эта записка была написана Карамзинымъ для обращенія благотворнаго Всемилостивѣйшаго вниманія на семейство Новикова. *Прим. Изд.*

Завѣтѣ, хвалились древними преданіями, унижали школьную мудрость, и проч.; но требовали истинныхъ Христіанскихъ добродѣтелей отъ учениковъ своихъ, не вмѣшивались въ Политику и ставили въ законъ вѣрность къ Государю. Ихъ общество, подъ именемъ *Масонства*, распространилось не только въ двухъ столицахъ, но и въ губерніяхъ; открывались *Ложи*; выходили книги масонскія, мистическія, наполненныя загадками. Въ то же время Новиковъ и друзья его на свое иждивеніе воспитывали бѣдныхъ молодыхъ людей, учили ихъ въ школахъ, въ Университетахъ; вообще употребляли не малыя суммы на благотвореніе. Императрица, опасаясь вредныхъ тайныхъ замысловъ сего общества, видѣла его успѣхи съ неудовольствіемъ: сперва только шутила надъ заблужденіемъ умовъ и писала Комедіи, чтобы осмѣивать оное; послѣ запретила *Ложи*; — но зная, что Масоны не перестаютъ *работать*, тайно собираются въ домахъ, проповѣдуютъ, обращаютъ, внутренно досадовала, и велѣла Московскому Градоначальнику наблюдать за ними. Три обстоятельства умножили Ея подозрѣнія: 1) Одинъ изъ Мартинистовъ или Теософистскихъ Масоновъ, славный Архитекторъ Баженовъ, писалъ изъ С.-Петербурга къ своимъ Московскимъ друзьямъ, что онъ, говоря о Масонахъ съ тогдашнимъ Великимъ Княземъ, Павломъ Петровичемъ, удостовѣрился въ Его добромъ объ нихъ мнѣніи. Государынѣ вручили это письмо. Она могла думать, что Масоны или Мартинисты желаютъ преклонить къ себѣ Великаго Князя. 2) Новиковъ во время неурожая роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ. Удивлялись его богатству, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Г. Походяшинъ, Масонъ, который имѣлъ тысячь шестьдесятъ дохода,

и по любви къ благодѣяніямъ въ сей годъ разорился. 3) Новиковъ велъ переписку съ Прусскими Теософами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ Дворъ былъ въ явной непріязни съ Берлинскимъ. Сіи случаи, Французская Революція, и излишнія опасенія Московскаго Градоначальника, рѣшили судьбу Новикова: его взяли въ Тайную Канцелярію, допрашивали и заключили въ Шлиссельбургской крѣпости, не уличеннаго дѣйствительно ни въ какомъ государственномъ преступленіи, но сильно подозрѣваемаго въ намѣреніяхъ вредныхъ для благоустройства гражданскихъ обществъ. Главное имѣніе Новикова состояло въ книгахъ: ихъ конфисковали и большую часть сожгли (то есть всѣ мистическія). Были тайные допросы и другимъ, главнымъ Московскимъ Мистикамъ: двухъ изъ нихъ сослали въ ихъ деревни; третьяго, И. В. Лопухина, который отвѣчалъ смѣлѣе своихъ товарищей (*), оставили въ Москвѣ на свободѣ. — Императоръ Павелъ въ самый первый день своего восшествія на престолъ освободилъ Новикова, сидѣвшаго около четырехъ лѣтъ въ душной темницѣ; призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ, обѣщалъ ему свою милость, какъ невинному страдальцу, и приказалъ возвратить конфискованное имѣніе, то есть, остальныя, несожженныя книги.

Заключимъ: Новиковъ, какъ гражданинъ, полезной своею дѣятельностію заслуживалъ общественную признательность; Новиковъ, какъ Теософическій мечтатель,

---

(*) Ивана Владиміровича Лопухина также хотѣли сослать въ Орловскія его деревни; но оставили въ Москвѣ изъ уваженія къ отцу его, 90 лѣтнему старцу, служившему Генераломъ уже въ семилѣтнюю войну. *Прим. Изд.*

покрайней мѣрѣ не заслуживалъ темницы: онъ былъ жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго. Бѣдность и нещастіе его дѣтей подаютъ случай Государю Милосердому вознаградить въ нихъ усопшаго страдальца, который уже не можетъ принести Ему благодарности въ здѣшнемъ свѣтѣ, но можетъ принести ее Всевышнему.

С. Петербургъ.
20 Декабря 1818 г.

II.

ПРОШЕНІЯ ГОСУДАРЮ.

1. Прошеніе отца о помилованіи сына.

Всемилостивѣйшій Государь!

Я семидесятилѣтній старецъ: служилъ Екатеринѣ Великой, Императору Павлу, моему особенному благодѣтелю и Вашему Императорскому Величеству. Одинъ сынъ мой положилъ голову подъ Тарутинымъ, другой остался навѣки изувѣченнымъ отъ ранъ, а третій, также раненный, Порутчикъ Гвардіи Драгунскаго полку, въ Февралѣ мѣсяцѣ сего году, *за неприличные для офицера поступки,* переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Уланской Оренбургской полкъ. Государь! о семъ нещастномъ молю Ваше милосердіе. Вы наказали справедливо, но Вы можете и помиловать. Юный сынъ мой въ раскаяніи, а я при дверяхъ гроба въ отчаяніи. Упадая къ Вашимъ стопамъ, обливаю ихъ моими слезами, и взываю: простите!... именемъ

Того, Кто прощаетъ грѣшныхъ, именемъ Бога Христіанскаго!

Да возвратится нещастный молодой человѣкъ, уже исправленный наказаніемъ, въ его прежній полкъ, и да заслужитъ проступокъ своей вѣтренности безпорочною службою до конца дней! Я читалъ въ его сердцѣ; я вмѣстѣ съ нимъ проливаю слезы: онъ будетъ вѣренъ чести, или да погибнетъ въ случаѣ новаго преступленія! Тогда лягу во гробъ уже безмолвно.

Государь! Въ первый и въ послѣдній разъ молю о сынѣ, братѣ того, кто умеръ за отечество, и другаго, въ юности изувѣченнаго подъ знаменами славы! Да восхвалю милость Божію и Вашу въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова!

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій.

Апрѣля дня
1819.

---

2. *Прошеніе матери осужденнаго на каторжную работу офицера.*

Всемилостивѣйшій Государь!

«Будите милосерди, яко же и отецъ вашъ милосердъ!»

Такъ вопіетъ къ Вамъ, Государь, мать отчаянная, требуя не совершеннаго прощенія своему двад-

цатилѣтнему сыну-преступнику, но единственно нѣкотораго облегченія въ ужасной, хотя и праведной его казни. Служа Порутчикомъ въ Шлиссельбургскомъ полку, онъ былъ (въ 1819 году) жестоко наказанъ своимъ Полковникомъ, и считая себя несносно оскорбленнымъ, въ изступленіи поднялъ на него руку. По строгимъ законамъ воинскимъ онъ достоинъ смерти, но, къ нещастію, еще живъ: лишенный чиновъ и дворянства, осужденъ на вѣчную каторжную работу. Государь! молю о томъ, чтобы злополучный сынъ мой, какъ жертва тяжкаго преступленія, остался на вѣки солдатомъ, но не работалъ до конца дней плачевныхъ съ каторжниками подлыми, ожесточенными въ безстыдствѣ злодѣевъ: да ищетъ смерти, какъ простой воинъ, подъ знаменами Россіи, съ оружіемъ въ рукахъ, за отечество и Царя милостиваго въ самомъ правосудіи!

Государь! Къ Вашему сердцу вопіетъ и гласъ изъ могилы; гласъ преступникова дѣда, который служилъ съ усердіемъ и честію Екатеринѣ Великой: Генерала Е.... К...., коего отецъ и дѣдъ также оставили память своихъ заслугъ государственныхъ.

Преклоняя колѣни, съ слезами горькими, съ сердцемъ сокрушеннымъ, молю Вѣнценосную Благость: я мать нещастная, а Вы—Монархъ-Христіанинъ!

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданная

С. Петербургъ
Марта 1822.

3. Прошеніе Дворянки, приговоренной къ каторжной работѣ по откупному дѣлу.

Всемилостивѣйшій Государь!

Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, молю о правосудіи.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената, безъ суда, безъ доклада Вашему Императорскому Величеству, приговорилъ меня, Дворянку по отцѣ и мужу, къ каторжной работѣ и послалъ указъ о ссылкѣ меня въ оную, за недоимку по винному откупу, вопреки коренному Государственному закону, вопреки Дворянской Грамотѣ, гдѣ сказано (въ статьѣ 9-й, 13-й и 15-й), что благородный безъ суда не лишается чести; что дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе, да не вершится безъ конфирмаціи Императорскаго Величества; что тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго.

Сія грамота, славная, безсмертная награда заслугъ долговременныхъ, побуждала отцевъ нашихъ не щадить ни трудовъ, ни жизни для блага Россіи: они гордились честію своего рода, утвержденною закономъ. Монархъ Всемилостивѣйшій! Ты хранитель Государственныхъ Уставовъ, коихъ святость, непреложность есть сила и крѣпость Государствъ. Будь защитникомъ моей чести: она еще всего драгоцѣннѣе Дворянству Россійскому. Отдаю имѣніе: да не лишуся единственно того, что намъ дали заслуги предковъ, и чего Се-

натъ не можетъ отнять безъ суда и безъ утвержденія Монаршаго.

Дерзаю приложить записку съ подробнѣйшимъ изложеніемъ моего дѣла и беззаконнаго осужденія. Уповаю на Господа и на Царя.

Всемилостивѣйшій Государь!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшая.

С. Петербургъ
Марта.

Записка о дѣлѣ жены Титулярнаго Совѣтника Субочевой, по первому мужу Огаревой: по отцѣ Щепотевой.

Не сама собою, но единственно по неволѣ вошла я въ гибельный винный откупъ, взятый въ городахъ Казанской и Нижегородской губерній первымъ мужемъ моимъ, Флота Лейтенантомъ Огаревымъ, который чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того умеръ, оставивъ меня въ долгахъ и въ необходимости заняться питейными сборами, не смотря на мою неопытность, на воспитаніе данное мнѣ родителемъ, на чувства и правила совсѣмъ несогласныя съ такимъ дѣломъ. Извѣстны чрезвычайныя обстоятельства 1812 года: они были виною неисправности многихъ откупщиковъ, въ особенности же моей: ибо я, какъ женщина и сверхъ того слабая здоровьемъ, должна была единственно полагаться на коммиссіонеровъ. Недоимки по городу Ва- Вина просительницы.

силю-Сурску было на мнѣ до 1813 году не болѣе семидесяти-тысячь рублей: съ сего времени по 1 Декабря 1814 года питейные сборы находились уже въ казенномъ присмотрѣ, и недоимки накопилось до 150 тысячь рублей: доказательство, что не обманъ съ моей стороны, а трудныя обстоятельства сего времени производили неисправность въ платежѣ. Коммиссія, учрежденная для изслѣдованія причины недоимокъ, требовала отъ меня книгъ и документовъ по питейнымъ сборамъ; но коммиссіонеры мои представили мнѣ, вмѣсто книгъ, однѣ безпорядочныя записки, изъ коихъ я составила, какъ умѣла, вѣдомости, и препроводила оныя въ помянутую Коммиссію. Сіи вѣдомости и мои объясненія нашлися недостаточными для того, чтобы включить меня въ число тѣхъ откупщиковъ, которые за свою неисправность отвѣтствуютъ единственно представленными отъ нихъ залогами, а не своимъ имѣніемъ, и не лично. Не жалуюсь: знаю только, что я невинна и нещастлива, хотя и не умѣла, хотя и не могла доказать своего права на снисхожденіе закона. Но жалуюсь на слѣдующее:

Приговоръ Правительствующаго Сената.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената въ опредѣленіи своемъ 19 Марта 1818 года, пропущенномъ къ исполненію 29 Апрѣля, приговорилъ меня Дворянку, какъ виновную въ нанесеніи вреда казенному интересу, и за неплатежъ недоимки, превышающей цѣну моего собственнаго имѣнія и залоговъ, быть сосланною въ каторжную работу, основываясь на *Сенатскомъ* указѣ 12 Ноября 1776 года, гдѣ сказано: «Если содержатели сборовъ доимки платить не будутъ, то въ такомъ случаѣ, описывая ихъ и поручителей по нихъ имѣніе, въ платежъ откупной суммы продавать

съ публичнаго торга; а если имѣнія доставать не будетъ, то неплательщиковъ и поручителей для заработыванія отсылать въ каторжную работу».

На несправедливость сего осужденія осмѣливаюсь предложить слѣдующія замѣчанія: Возраженія.

1) Указъ 12 Ноября 1776 года былъ изданъ Прав. *Сенатомъ* на одинъ случай и не имѣетъ силы общаго Государственнаго закона, утверждаемаго въ Россіи только Высочайшею властію.

2) Въ сіе время, то есть въ 1776 году, не было еще ни Дворянъ откупщиками, ни Дворянской Грамоты, коею (въ статьяхъ 9-й, 13-й и 15-й) навсегда избавлены благородные отъ *тѣлеснаго наказанія*, и гдѣ сказано, что дѣло благороднаго, впадшаго въ самое тяжкое *уголовное преступленіе* и по законамъ достойнаго *лишенія чести*, да не вершится безъ конфирмаціи Императорскаго Величества; а по нашимъ законамъ не только работа каторжная, но заключеніе и содержаніе на хлѣбѣ и водѣ причисляется къ *тѣлеснымъ наказаніямъ*, и кто осужденъ на сію работу, тотъ безъ сомнѣнія *лишается чести*.

1-й Департаментъ Правительствующаго Сената въ заключеніи своемъ ссылается еще на Высочайшіе указы отъ 20 Ноября 1809 и отъ 23 Февраля 1816 года, коими *будто бы* подтвержденъ во всей силѣ вышеозначенный *Сенатскій* указъ 1776 года. Но въ первомъ Государевомъ указѣ, то есть 1809 года, сказано единственно, что «съ откупщиками, умышленно накопившими недоимку, и съ имѣніями ихъ будетъ поступаемо по точной силѣ прежнихъ *узаконеній*», то есть, 23 пункта Регламента Коммерцъ-Коллегіи и состоявшихся въ разныя времена Высочайшихъ указовъ,

коими повелѣно «взыскивать недоимки *прежде* съ откупщиковъ, а *потомъ* съ ихъ поручителей; буде же имѣнія ихъ не достанетъ, то обращать взысканіе на тѣ мѣста, и лица, кои допустили накопленіе недоимки свыше цѣны залоговъ». Во второмъ же Высочайшемъ указѣ 23 Февраля 1816 года предписано только «взыскивать съ откупщиковъ недоимки, въ сходствен«ность Сенатскаго указа отъ 12 Ноября 1776 года, «*чрезъ четыре мѣсяца* отъ полученія о томъ указовъ»; а о каторгѣ въ ономъ Высочайшемъ указѣ совсѣмъ не упоминается, равно какъ и въ первомъ отъ 20 Ноября 1809 года.

И такъ дѣйствіе 1-го Департамента Правительствующаго Сената въ осужденіи неисправныхъ *благородныхъ* откупщиковъ на каторжную работу есть самопроизвольное, нарушающее одинъ изъ коренныхъ законовъ Государственныхъ, то есть, Дворянскую Грамоту, никакими новыми Монаршими уставами не отмѣненную.

Второе дѣйствіе Правительствующаго Сената.

Потомъ, когда я, употребляя всѣ средства для удовлетворенія казны, представила еще новое имѣніе перваго мужа моего Огарева, и новый залогъ, достаточный для ея совершеннаго обезпеченія, и подала о семъ прошеніе въ 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената: тогда онъ указомъ своимъ отъ 4 Генваря текущаго года предоставилъ мнѣ немедленно доказать мое законное право на сіе имѣніе, съ тѣмъ, что «если въ теченіе года казна не будетъ удовлетворена, «то со мною поступлено будетъ по всей строгости *за«коновъ*». Въ семъ новомъ опредѣленіи Правительствующаго Сената уже ничего не сказано о каторгѣ, ни объ указѣ 1776 года; но *первое* опредѣленіе служитъ

доказательствомъ, что Правительствующій Сенатъ считаетъ сей указъ въ числѣ законовъ, и слѣдственно все еще подвергаетъ меня сему наказанію, противному Дворянской Грамотѣ.

Наконецъ, если въ теченіе даннаго мнѣ Правительствующимъ Сенатомъ срока, и могу освободиться отъ всякаго взысканія полнымъ удовлетвореніемъ казны: тѣмъ не менѣе должна я, какъ Дворянка, принести жалобу на сдѣланное моей чести беззаконное оскорбленіе, чувствительное для всѣхъ благородныхъ Россіянъ, коихъ первый Защитникъ есть Государь Всемилостивѣйшій.

III.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА ДѢЛУ

о землях, состоящихъ Оренбургской Губерніи въ Бузулуцкомъ Уѣздѣ и находящихся во владѣніи Капитана Андрея Жданова и родственниковъ его.

Сіи земли принадлежали искони Башкирцамъ и названы въ Грамотахъ Царя Іоанна Васильевича, Государей Іоанна Алексѣевича и Петра I-го законными ихъ (Башкирцевъ) вотчинами, коими они и владѣли до 1736 года. Въ сіе время, за ихъ бунтъ, были взяты оныя земли въ казенное вѣдомство, и розданы отчасти чиновникамъ за службу; но указами 1754 Марта 24 и 1755 года Сентября 1 возвращены усмиреннымъ Башкирцамъ: въ первомъ указѣ сказано, чтобы имъ владѣть землями по прежнему (кромѣ розданныхъ чиновникамъ); а во второмъ снова объявлено имъ прощеніе, съ прибавленіемъ, что которые изъ нихъ, находясь отъ страха въ бѣгахъ, не явятся къ положенному сроку, то ихъ земли *будутъ отданы другимъ Башкирцамъ;* но не сказано о томъ, чтобы оныя *взять* паки *въ казну*. Изъ сихъ земель, возвращенныхъ Башкирцамъ, въ 1758 году они продали знатное количе-

ство по живымъ урочищамъ, по рѣкамъ и сыртамъ, Маіору Ляхову *купчею*, совершенною у крѣпостныхъ дѣлъ, которая проданная ими земля посыланнымъ изъ Уфимской Провинціальной Канцелляріи Геодезистомъ была отмежевана, и на спокойное владѣніе выданъ Ляхову изъ той Канцеляріи указъ и съ чертежа копія за свидѣтельствомъ; а по симъ актамъ Ляховъ продалъ часть сей земли Маіору Жданову, отцу нынѣшняго владѣльца.

Въ генеральномъ межеваніи 1799, 1801 и 1802 года землемѣрами Оренбургской Межевой Конторы сія земля Ждановыхъ была безспорно отмежевана отъ всѣхъ прикосновенныхъ владѣній точно по чертежу 1758 года. Контора, истребовавъ на оную крѣпости, опредѣленіемъ 1811 года, Апрѣля 25, заключила, что хотя въ той дачѣ и состоитъ земли болѣе, нежели по пятнадцати десятинъ на ревижскую душу; но какъ оная земля была Башкирская, дошла до нынѣшнихъ владѣльцевъ по купчей, утверждена имъ въ собственность указомъ Уфимской Провинціальной Канцелляріи, находится съ того времени (то есть, болѣе пятидесяти лѣтъ) въ безспорномъ владѣніи, и точно означается своими живыми урочищами, согласно съ чертежемъ 1758 года, съ крѣпостями, съ новыми сочиненными планами и съ межевыми книгами; что хотя она и смежна съ казенною пустолежащею землею (бывшею прежде также Башкирскою), но какъ сія казенная земля, по соображенію плана съ ландкартою, находится точно въ своихъ предѣлахъ и отмежевана въ своей полной мѣрѣ: то оставить всю дачу Ждановыхъ, какъ она обмежевана, въ ихъ законномъ владѣніи. Сіе рѣшеніе утверждено и Межевою Канцелляріею, но было ею представлено на разсмотрѣніе Сената.

Межевый же Департаментъ Сената, говоря въ своемъ опредѣленіи, яко бы проданная Башкирцами Ляхову земля окружена казенною, никакими живыми урочищами не ограниченною, заключилъ, на основаніи 13-й главы, 5-го пункта Межевой Инструкціи, и 12-го пункта *Дополнительныхъ* къ ней *статей*, оставить Жданову только по 15 десятинъ на душу 5-й ревизіи, а остальную землю взять въ казну.

Но въ 13-й главѣ Межевой Инструкціи говорится о дачахъ смежныхъ *съ казенными засѣками и государственными землями*, или, *по древнему названію, дикими полями, неимѣющими ни живыхъ урочищъ, ни извѣстной мѣры*, и сказано такъ: «Ежели при разсмотрѣніи «плановъ окажется, что въ таковыхъ владѣніяхъ земли «состоитъ по мѣрѣ населенныхъ на нихъ душъ пре«восходнѣе выше положенной пропорціи (то есть пят«надцати десятинъ на душу), то у оныхъ брать къ «разсмотрѣнію въ Межевыя Канцеллярiи или Конторы «на дачи ихъ крѣпости и выписи. Когда же при раз«смотрѣніи крѣпостей и выписей откроется, что во вла«дѣніи ихъ состоитъ земли надлежащей по крѣпостямъ «въ дачи *съ примѣрною* болѣе, нежели по 15 десятинъ, «на ревижскую душу, то, оставя имъ только сію про«порцію, за тѣмъ всю излишнюю землю отрѣзать къ «государственнымъ землямъ».

Ясно 1-е, что здѣсь разумѣются дачи смежныя съ древними, коренными казенными землями неизвѣстной мѣры, а земля смежная съ дачею Жданова была искони Башкирскою и поступила въ вѣдомство казенное уже гораздо позже 1736 года, не бывъ ни отдана чиновникамъ, ни возвращена Башкирцамъ, какъ бы слѣдовало по указу 1755 года (см. выше), и долго оставшись въ неизвѣстности для мѣстнаго начальства:

къ тому же сія земля при генеральномъ обмежеваніи нашлася въ своихъ надлежащихъ предѣлахъ, въ цѣлости, безъ умаленія; 2-е ясно, что въ казну велѣно брать единственно *примѣрную* землю *сверхъ крѣпостей* и выписей, оставляя на душу только 15 десятинъ: въ дачѣ же Ждановыхъ *нѣтъ примѣрной земли;* она куплена законно по живымъ урочищамъ и найдена при Генеральномъ обмежеваніи точно въ своихъ предѣлахъ, безъ всякаго излишка. А въ 13-й же главѣ Межевой Инструкціи, въ 6-мъ пунктѣ, сказано: «буде же по «приложеннымъ крѣпостямъ и выписямъ таковые вла«дѣльцы земли и всякихъ угодій имѣть будутъ и пре«восходнѣе вышеписанной пропорціи, а оныя имъ по «тѣмъ крѣпостямъ и выписямъ въ законныя дачи при«надлежатъ, то за нихъ утверждать всѣ тѣ земли и «угодья».

Наконецъ должно ли прибавить, что дача Ждановыхъ, купленная у законныхъ вотчинниковъ, отмежеванная законнымъ порядкомъ, утвержденная въ собственность владѣннымъ указомъ Уфимской Провинціальной Канцелляріи, находится въ безспорномъ владѣніи болѣе полувѣка. Что же сдѣлаетъ древнюю собственность священною и неприкосновенною?

Кто повѣритъ, чтобы въ Государствѣ благоустроенномъ, гдѣ около тысячи лѣтъ существуетъ гражданское правосудіе, можно было именемъ закона отнять землю, купленную у законныхъ владѣльцевъ и законнымъ порядкомъ, утвержденную въ собственность актомъ присутственнаго мѣста, крѣпостію, планомъ выданнымъ изъ онаго, и находившуюся болѣе *шестидесяти лѣтъ* въ безспорномъ владѣніи? Что же будетъ *давностію*, которая не только въ Европѣ, но и въ Азіи и въ Африкѣ освящаетъ право неприкосновенной

собственности? Можно все отнять, но нельзя доказать, чтобы дѣйствіе столь противное цѣли гражданскаго общества было основано на законахъ: въ Россіи нѣтъ такихъ и не бывало. Отнять все можно; но да умолкнетъ по крайней мѣрѣ клевета на Россійское законодательство!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Bayerische Staatsbibliothek München

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Neizdannyja sočinenija i perepiska

Bd.: 1

Sankt-Peterburg 1862

4 Epist. 252 w-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10352425-6